

Н. Р. ДОНЕЦ

КАРМА

ЦАРЬ ДАВИД

Н. Р. Донец

КАРМА

ЦАРЬ ДАВИД

РОМАН

„РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО“
19 РИГА 29

Цафнат-Фанэх.

Цафнат-Фанэх, неограниченный правитель Египта при фараонѣ Апепи. Втором, умер за тысячу лѣтъ до рожденія царя Давида. Природа одарила его всѣми дарами, какіе она может давать людям: красавец, силач, обладающій свѣтлым умом, поражающей силой воли, умѣніем владѣть собою, чарующій каждаго, кого он желал очаровать, — Цафнат-Фанэх достиг высшей неограниченной власти, — так как Фараон объявил о нем через глашатаев во всем великом государствѣ: „Ты будешь над домом моим, и твоего слова будет держаться весь народ мой. Только престолом я буду выше тебя.“ — „Без тебя никто не двинет ни руки своей, ни ноги своей во всей землѣ египетской“ (Библія, первая книга Моисеева, глава 41, стих 40 и 44). Цафнат-Фанэх мог, как имѣющій свободную волю, данную Творцом каждому человѣку, сотворить неограниченное количество добра или неограниченное количество зла и этим улучшить или ухудшить свою Карму. И он сдѣлал зло, до тѣх пор и послѣ тѣх пор невиданное в исторіи человѣчества: в теченіи пяти лѣтъ великій, богатый и свободный народ величайшаго в то время государства земли превратил в народ рабов, отобрав от всѣх, — за исключеніем жрецов и военной касты гиксов — завоевателей, — в первый год всѣ деньги, во второй все имущество, в третій свободу, так как люди, богатые и бѣдные, под вліяніем голода, за кусок хлѣба, продали своих жен, дѣтей и самих себя в рабство. (Библія, первая книга Моисеева, глава 47, стих 13—23.)

По закону Кармы каждый человѣкъ, покончив свои земные счета, являлся на суд Творца, гдѣ взвѣшивались его добрыя и злыя дѣла и гдѣ, согласно рѣшенію Высшаго Судіи, опредѣлялась новая земная жизнь человѣка.

А в промежуток между этими двумя жизнями душа человека переживала все то добро и все то зло, которое она, будучи еще человеком на землѣ, причинила людям и животным.

Между рожденіем царя Давида и смертью Цафнат-Фанэха, неограниченнаго повелителя Египта, прошла тысяча лѣтъ. Тысячу лѣтъ, то есть триста шестьдесят пять тысяч дней и столько же ночей душа его жила среди людей, видѣла, слышала и сознавала всѣм своим существом зло и добро, сдѣланное Цафнат-Фанэхом во время его земной жизни. Она страдала страданіями Амени*), страданіями Тэгги*), страданіями Лотос*), страданіями послѣдняго раба, несправедливо посаженнаго, по приказанію правителя, на кол, ощущая всѣ физическія и моральныя муки казненных.

Но она же радовалась, ощущала всѣм своим существом, добро и счастье, причиненное кому бы то ни было. Она ощущала радость и счастье, которое чувствовал его отец, престарѣлый Іаков, когда его осторожно везли на фараоновой колесницѣ к сыну, котораго он считал давно погибшим. Она в полной мѣрѣ переживала радость братьев Цафнат-Фанэха, радость послѣдняго пастуха Израиля, радость послѣдней овцы Іакова, пасущейся теперь „в рая Египта“, в землѣ Гессем.

И страданіе и счастье душа переживала не как сумму, но каждое страданіе, каждую радость отдѣльно, отдѣльно и в полной мѣрѣ, — физически и морально. Вот Тэгга, дочь послѣдняго законнаго фараона Египта; Цафнат-Фанэх, уже казнившій ея отца, мать, брата и сестру, издѣвается над ней. Она, связанная и прикованная ко дну барки, переживает ужасныя моральныя муки. Она плюет в лицо полновластнаго правителя. Тотчас же грубые мужчины валят ее на землю, бьют ногами, тащат на берег, надѣвают, издѣваясь над ея дѣвственностью, подвѣнечное платье и сажают на кол...

Душа Цафнат-Фанэха находится теперь в тѣлѣ Тэгги, теперь она сама Тэгга, дочь послѣдняго наслѣдника законных фараонов, и перед ней стоит знатнѣйшій сановник страны, казнившій ея отца, мать, брата и сестру.

*) Действующія лица романа „Цафнат—Фанэх“.

Душа Цафнат-Фанэха переживает секунда за секундой, минута за минутой, час за часом, день за днем то, что переживала в свое время Тэгга, когда он издѣвался над ней; это его теперь, — в тѣлѣ Тэгги, — тащат на кол, это в него вонзается остріе кола... Это его пронизывает ужасная физическая боль...

На свѣтѣ все проходит и Тэгга отстрадала свою земную жизнь... Для несчастной души Цафнат-Фанэха часы забвенія, часы отдыха, часы небытія...

Но страданія начинаются вновь. Теперь уже в тѣлѣ маленькой рабыни, наперсницы-подруги Тэгги, милой, преданной, хорошенькой Лотос. Сначала беспокойство за отца, за брата и за мать, — насколько это зависѣло от Цафнат-Фанэха. Все усиливающееся чувство голода. Ужасныя переживанія за униженіе ея госпожи Тэгги. Арест, тюрьма, плевков в лицо неотграниченнаго правителя, муки смертной казни на колѣ рядом с госпожею...

Но все кончается на землѣ, и муки Готос, насколько они зависѣли от Цафнат-Фанэха, изжиты. Наступают снова часы забвенія, часы небытія, часы отдыха, часы радости, переживаемые в тѣлѣ его отца Іакова, — поскольку эта радость зависѣла от него, Цафнат-Фанэха.

Но страданія начинаются вновь: он теперь Амени, послѣдній фараон побѣжденной династїи. Он переживает позор несправедливаго суда и смерть от кинжала, полученнаго, как „дар фараона“...

Длинная, безконечная очередь тѣх, кому он как правитель страны сознательно причинил зло: день за днем, час за часом, минута за минутой, секунда за секундой он чувствует муки голода к а ж д а го, который, стоя у амбара-крѣпости, охраняемаго крѣпкой стражей, думает: неужели ему продать жену, продать дѣтей, продать самого себя за жалкій кусок хлѣба? — или лучше погибнуть от голода?... Вот он теперь Зофнор, в свое время „говорившій правду“ правителю провинці; он послѣдшне возвращается, напоив свой изжаждавшійся скот, к дорогѣ, гдѣ они уже два дня ждут проѣзда верховнаго правителя страны. И надсмотрщик избивает его бичем... его, еще так недавно зажиточнаго, всѣми уважаемаго свободнаго хуторянина... И он, Цафнат-Фанэх, находящійся в тѣлѣ Зофнора,

чувствует всю физическую боль и все униженіе, которое когда то чувствовал Зофнор...

Так идут секунды, минуты, часы, дни, недѣли, мѣсяцы, годы, десятки и сотни лѣтъ. Духовный взгляд еще видит безконечную очередь изстрадавшихся ради его, и ум знает, что непремѣнно настанет время, когда он должен будет пережить боли каждого из этих людей, пострадавших ради его...

Это рай и это ад, созданный им самим во время его земной жизни.

Триста шестьдесят пять тысяч дней и столько же ночей душа Цафнат-Фанэха снова переживала радости и счастье земной жизни тѣх, которым он в свое время дал эту радость и счастье, страданія, боли и обиды тѣх, кому он дал эти страданія, эти боли и эти обиды.

Счастья было так мало, а муки и страданія так велики!...

Он искал духовными очами Творца, что бы испросить милость, но не видѣл его. Но как бы слышал его божественный голос:

— Это твоя Карма. Ты сам создал ее. В твоей волѣ было, живя на землѣ, улучшить или ухудшить ее. Ты будешь жить на землѣ столько раз, пока омытый страданіем, не станешь улучшаться сам, пока из страданія в тебѣ не родится состраданіе. Тогда твоя Карма начнет улучшаться, и ты сольешься со мной в вѣчном блаженствѣ.

Так прошла тысяча лѣтъ. Душа Цафнат-Фанэха была призвана к новой жизни в лицѣ сына пастуха из Вифлеема, которому впослѣдствіи было суждено сдѣлаться величайшим царем Израиля.

Сон Давида.

Между Израилем и филистимлянами шла война, которая должна была наконец рѣшить вопрос о первенствѣ в странѣ. И с той и с другой стороны на этот раз было двинуто все, что способно было носить оружіе. Послѣ пѣлаго ряда войн, в которых всегда побѣждали израильтяне, царь филистимскій Ан-

хуа, пользуясь тѣм, что лучший полководец израильтян Давид*) изгнан царем Саулом, преслѣдуем им и живет, как изгнанник из милости его же, царя Анхуса, в предѣлах филистимской земли, царь Анхус рѣшил, собрав всѣх способных носить оружіе, нанести Израилу такое пораженіе, которое бы навсегда подорвало силы израильтян.

Для Давида это было тяжелое время. Что было дѣлать? Примкнуть к своим, надѣясь этим поступком добиться милости своего тестя, царя израильтян Саула? Но не будет ли он немедленно схвачен и казнен? — Или ударить в спину филистимлян в самый рѣшительный момент боя и этим заслужить милость царя? — Но что будет с женами и дѣтьми его пятисот воинов, если побѣдят филистимляне? Что будет с ним самим? Или увести всѣх теперь же в предѣлы Израиля? Или ждать конца боя и, если побѣдят филистимляне, лишь поздравить царя Анхуса с побѣдой? Но если побѣдят израильтяне, как быть тогда? Не отрѣжет ли он себѣ окончательно путь на родину в этом случаѣ?... В двух днях пути шел великій бой, а он, герой Давид, которому народ пѣлъ столько раз повсюду пѣсню Давида: „Саул побѣдил тысячи, а Давид десятки тысяч,“ — он, Давид, будет оставаться праздным зрителем тогда, когда, быть может, это единственный и послѣдній случай, вернуться снова на родину и вернуться с честью. Навѣрно Саул убѣдился в том, что ему со стороны Давида нѣтъ опасности, что Давид ищет только милости и прощенія...

Перед утром у Давида был сон, в котором он прожил всю свою жизнь. Сначала первые звуки десятиструнной египетской арфы, на которой играла его мать Саноа; затѣм он пастух и юношей убивает медвѣдя и льва; побѣда над филистимским богатырем Голиафом; эта побѣда возносит его на верх славы: он ѣдет в блестящих латах тысяченачальника, он, юноша Давид, и ради его во всѣх попутных городах женщины водят хоры, плещут в ладони рук, играют на тимпанах, кимвалах и арфах, и поют пѣсню, так и прозванной пѣсней Давида: „Саул побѣдил тысячи, а Давид десятки тысяч...“ И это в присут-

*) Первая половина жизни Давида изложена в романѣ „Царь Саул“.

ствіи самого царя, ѣдущаго тут же, в присутствіи его наслѣдника престола, сорокалѣтняго прославленнаго полководца Іонафана, и в присутствіи двоюроднаго брата царя, славнаго и непобѣдимаго героя, грозу филистимлян, полководца Авенира; не говоря уже о десятках тысяченачальников, убѣленных сѣдинами правителей провинцій... И он, юноша, чуть ли не мальчик, ѣдет сейчас за царем, рядом с Іонафаном и Авениром, впереди блестящей кавалькады других военачальников, впереди идущих сзади войск... Трубач и флейтисты играют при приближеніи ко всякому городу и сбѣгается народ, услышав звук труб.

Затѣм пестрым каледоскопом потекла послѣдующая жизнь: опять он просто пѣвец и музыкант во дворѣ царя, затѣм, несмотря на юность лѣтъ, он губернатор провинціи и правит своим родным Вифлеемом... Наконец он зять царя, муж красавицы, царской дочери Мелхолы, которую он любил со вѣсь пылом молодой души... Теперь Мелхола отдана царем другому и, как ему говорили, она счастлива... Потом идут военные подвиги: плѣнники и перебѣжчики, а в особенности шпіоны израильтян говорят в один голос, что одно имя Давида наводит ужас на филистимлян... — — — Но времена измѣнились и он, бѣглец, скрывается, одѣтый в одежду туземцев, среди тѣх же филистимлян. Однажды на рынкѣ в столицѣ его узнают и тащат к царю филистимлян Анхусу. Народ, массами собравшись у дворца, торжествует: вот, вот! вот это пугало взрослых и дѣтей! — Тогда он прикинулся слабоумным и „чертил на дверях пуская слюну в бороду свою“ перед царем Анхусом. Тот, к счастью, не повѣрил тому, что Давид, прославленный герой, мог имѣть подобный вид, и его выпустили, а он, при всеобщем хохотѣ народа, бѣжал, кривляясь и кувыркаясь, что бы никому не могло придти в голову, что это Давид, „Царь Израиля“, как его часто называли в филистимской землѣ. — — — Вот он, чувствуя полную невозможность оставаться в предѣлах родной земли, гдѣ царь гоняется за ним, как охотник за куропаткой в горах, рѣшается передаться на милость царя филистимлян Анхуса. На этот раз, послѣ долгих переговоров, его царь Анхус допускает к себѣ. Вторично он является к нему уже в другом видѣ: в латах, на великолѣпном конѣ, впереди небольшой, но

блестящей свиты, он подѣзжает к царскому дворцу. И толнящийся народ шепчет: — это царь Израиля Давид! — — — А затѣм тяжелая жизнь его, оставшихся вѣрными ему нѣскольких сот воинов, и трех тысяч их семейств и рабов. Живут они в дарованном им царем Анхусом филистимском городѣ Секе-латѣ... Живут тѣм, что удастся получить, частью грабежем за предѣлами филистимской земли... Сначала царь Анхус взял было его и его воинов на войну с Израилем, но потом отправил их назад, а когда они вернулись, то застали вмѣсто города лишь обугленные развалины: амаликитяне разрушили город, угнали стада и увели в плѣн всѣх жен и дѣтей... — — — Он, Давид, чуть, не был побит камнями своими же воинами, так велико было горе и возмущеніе их. Но собрав энергию, Давид побѣдил всѣ препятствія: овладѣвъ людьми он бросился догонять амаликитян. Догнал их уже в их странѣ во время пиршеств. Перебил чуть ли не всѣх, — лишь 400 юношей, сѣвъ на верблюдах, спаслись, убѣжав в Египет. Вернулся с женами, дѣтьми и богатѣйшей добычей... Из скитальца-бѣдняка он сразу сдѣлался одним из богатѣйших людей!...

Все это было, но сон продолжался и дальше. Был это пророческій сон?... Вот он царь Іудей. Потом царь всего Израиля. Его царство растет и ширится, пока не раздвигается от великой рѣки Ефрата до границ Египта, от Средиземнаго моря с одной, и до песчаных пустынь с другой стороны. Всѣ окрестные народы, всѣ эти амаликитяне, идумеяне, моавитяне аммонитяне, — не исключая и филистимлян, принуждены признать власть Давида...

Давид проснулся: пока он был только бѣглец, скрывающийся в предѣлах чужой земли, живущій из милости у исконнаго врага Израиля — филистиян. А в нынѣшнее время идет рѣшительный бой между двумя народами, и на чьей сторонѣ будет побѣда, сказать невозможно... Ясно лишь одно: если побѣдит царь Саул, то положеніе его, Давида, изгнанника, живущаго из милости у врага, только ухудшится; но оно также ухудшится, если побѣдит царь филистимлян Анхус, потому что тогда о возвратѣ в родную страну не может быть и рѣчи, но, главное: рано или поздно должно же открыться то, что он, Давид, и его люди грабили не израильтян, как было ему прика-

зано царем Анхусом, но амаликитян, моавитян, аммонитян и прочие народы, дружкой с которыми царь Анхус дорожил, почему особо подчеркнул, чтобы ни сам Давид, ни кто-нибудь из его людей не вздумал бы покуситься не только на жизнь, но и на имущество кого бы то ни было из состава этих народов.

Извѣстіе.

Судьба неожиданно сдѣлала Давида богатым человеком. Чѣм кончится война, не мог сказать никто.

В главном бою могли побѣдить филистимляне. Каково тогда было бы положеніе Давида? — Могли израильтяне. Как бы это отозвалось на Давидѣ и его людях? — Мог быть убит единственный защитник Давида среди филистимлян царь Анхус. Но с такою же возможностью мог быть убит царь Саул...

Взвѣсивши всѣ эти возможности Давид рѣшил прежде всего возобновить свои связи с израильским народом: он отобрал часть своей добычи и, большими или меньшими партіями, — принимая во вниманіе вліятельность человека, — разослал подарки старѣйшинам различных городов в Иудеѣ:

„Вот вам подарок из добычи, взятой у врагов Господних.“

Вездѣ, гдѣ скрывался Давид со своими людьми, и гдѣ обязан был брать с жителей хлѣб и скот для своих людей, теперь явились люди Давида, голая перед собою скот из добычи Давида и везя подарки, взятые у амаликитян.

Война могла кончиться как угодно, а добрыя отношенія Давида со старѣйшинами своего Иудина колѣна и со своим народом, все-таки сохранялись и поддерживались.

Вскорѣ пришло извѣстіе, поразившее как громом: царь Саул погиб в бою... израильтяне бѣжали... жители по ту сторону долины и жители Заіорданья бѣгут со своих городов... погиб не только царь израильскій, но и его три старшіе сына, в числѣ их наслѣдник престола и любимец народа Ионафан...

В Секелаг прибѣжал молодой человек. Он едва не задохнулся от быстраго бѣга. Его одежда была разорвана и голова посыпана пеплом. Он потребовал, что бы его провели к Дави-

ду и молчал на все вопросы других. Увидя Давида, пал к его ногам. Народ толпился вокруг их. Давид спросил:

— Кто ты, юноша? Откуда пришел и какую печальную весть принес? Встань и говори.

Юноша поднялся с земли.

— Я бѣжал все время. Из стана израильскаго и сюда. Погибло множество народа. Царь Саул убит. Его сын Ионафан убит. Сыновья Саула Аминадав и Малхисуа убиты. Израильтяне бѣгут, бросая города. Филистияне убивают народ.

Давид спросил дрожащим голосом:

— Почему ты знаешь, — и знаешь ли навѣрно, — что царь Саул и его сыновья Ионафан, Аминадав и Малхисуа умерли? Не слухи ли это, порожденные страхом?

Юноша усмѣхнулся:

— Как мнѣ этого не знать? — Я пришел на гору Гелвуйскую как раз в то время, как царь Саул, отчаяннѣе, пал на свое копье. Колесницы же и всадники настигали его. Тогда он оглянулся назад и, увидѣвъ меня, позвал меня. И я сказал: вот я! Он сказал мнѣ: кто ты? И я сказал ему: я амаликитянин. Тогда он сказал мнѣ: подойди и убей меня; ибо тоска смертная объяла меня, а душа моя все еще во мнѣ. — И я подошел и убил его, ибо знал, что он не будет жив послѣ своего паденія. И взял я вѣнец, бывшій на головѣ его, и запястья, бывшее на рукѣ его, и принес их к господину моему сюда.“

Юноша порылся в мѣшкѣ, вынул оттуда золотой вѣнец и золотой браслет царя Саула. Он подал их Давиду и тот взял. Наступило полное молчаніе. Вдруг Давид схватил свои одежды и начал рвать их. Это послужило сигналом: все окружающіе рвали свои одежды, хватали землю и посыпали ею головы.

„И рыдали и плакали, и постились до вечера о Саулѣ, и о сынѣ его Ионафанѣ, и о народѣ Господнем, и о домѣ израилевом, — что пали они от меча...“

Вечером вѣстника вновь призвали к Давиду.

— „Откуда ты?“

— „Я сын пришельца, амаликитянина.“

— „Как же ты не побоялся поднять руку, чтобы убить помазанника Господня?“*)

*) II кн. царств. Гл. 1, ст. 2—44.

Лицо Давида было грозно, и голосъ звучал, как боевая труба. Юноша молчал, пораженный и словами и тоном. Он ждал богатой награды, так как знал, что ничто не препятствовало теперь Давиду сдѣлаться царемъ Израиля. Два дня и двѣ ночи бѣжалъ юноша, все время боясь, чтобы кто-нибудь не опередилъ его...

Давидъ обратился къ одному изъ воиновъ и сказалъ прежнимъ грознымъ голосомъ:

— Подойди и убей его!

Юноша былъ такъ пораженъ, что не осмыслилъ того, что предстоитъ. Онъ скорѣе съ удивленіемъ, чѣмъ со страхомъ смотрѣлъ на подходящаго воина, вынимающаго свой мечъ. С такимъ же удивленіемъ смотрѣлъ онъ, какъ воинъ, внезапно передумавъ, вложилъ мечъ снова въ ножны и, взявъ въ правую руку копьѣ, нанесъ имъ ударъ въ грудь юноши, который даже не защищался.

Ударъ былъ удаченъ, копьѣ прошло черезъ сердце и юноша, захлебнувшись кровью, упалъ на спину. Сдѣлавши нѣсколько конвульсивныхъ движеній всѣмъ тѣломъ онъ затихъ на вѣкъ...

Тогда раздался, среди полной тишины, громкій голосъ Давида:

— „Кровь твоя на головѣ твоей! Ибо твои уста свидѣтельствовали на тебя, когда ты говорилъ: я убилъ помазанника Господня!“*)

Давидъ царь Іудеи.

Давидъ, съ большинствомъ изъ своихъ людей, оставилъ сожженный Секелагъ и ушелъ въ Хевронъ, въ то время главный городъ Іудина колѣна. Будучи самъ изъ колѣна Іуды, онъ былъ принятъ въ Хевронѣ съ величайшимъ почетомъ. Но, какъ всегда, Давидъ былъ не только смѣлъ и рѣшителенъ, но и остороженъ: подойдя къ Хеврону съ четырьмя стами пошедшихъ съ нимъ, онъ не сразу вошелъ въ городъ, но послалъ Іоаву разузнать каковъ можетъ быть пріемъ. Іоавъ, какъ и при посылкѣ къ царю филистимлянъ Анхузу, блестяще выполнилъ порученіе, и уже на другой день Асаиль, его младшій братъ, ска-

*) II кн. царств. Гл. 1, ст. 2—14.

кал к Давиду с радостной вѣстью: пусть войдет, как царь! его ждет весь народ и старѣйшины с ним!

Послѣднее было важнѣе перваго, так как народ всегда дѣлал то, что дѣлали его старѣйшины, хотя вначалѣ как будто и казалось, что он имѣет свое отдѣльное мнѣніе.

Через два часа послѣ пріѣзда Асаила по дорогѣ снова показалась пыль: это старѣйшины города пріѣхали просить с в о е г о ц а р я войти к ним и править городом и страной...

Асаил предупредил об этом и Давид успѣл приготовиться: надѣв корону Саула, которую ему принес несчастный юноша-амаликитянин, надѣв браслет царя, принесенный им же, Давид сѣл на возвышенное мѣсто, покрытое шкурами леопардов, поставленное посреди роскошнаго шатра, сдѣланнаго из драгоцѣнных матерій, взятых у амаликитян во время послѣдняго похода. Вокруг шатра и внутри его, вокруг импровизированнаго трона, Авесса, сын Саруи, поспѣшно расположил почетную стражу.

С депутаціей пріѣхал и Иоав, другой сын Саруи. Как Авесса руководил пріемом депутаціи в станѣ Давида, так Иоав составил церемоніал представленія новому царю: уже за двѣсти шагов до царск ой палатки депутаты, — почтенные мужи с сѣдыми бородами и болѣе молодые представители самых знатных фамилій Іудей, — слѣзли с мулов, которых приняли слуги депутатов, и пѣшком, предводимые Иоавом, направились к палаткѣ Давида.

Депутація остановилась в двадцати шагах, и юноши, пріѣхавшіе вмѣстѣ со старѣйшинами из Хеврона, начали поспѣшно раскладывать ковры у входа в палатку Давида. — Два хора музыкантов, прибывших также из Хеврона, встали по одну и другую сторону положенных ковров. Как только это было готово, Авесса, стоявшій у палатки, дал знак, и люди, стоящіе с боков, начали тянуть влѣво и вправо веревки, привязанныя к полам шатра, который и начал медленно раскрываться.

В шатрѣ из драгоцѣнных матерій, на высоком сидѣніи, покрытом шкурами леопардов, в длинной мантии из краснаго висксона, с короной Саула на головѣ, сидѣл царь Давид! Вокруг него, у подножія его трона, стояла неподвижно, точно ряд

бронзовых изваяній, стража в блестящих доспѣхах, казавшихся золотом. Справа и слѣва шатра стояли выстроенные в ряды остальные люди Давида, всѣ в полном воинском вооруженіи.

По знаку Іоава хоры музыки начали играть, пѣвцы заплѣли и депутаты, почтеннѣйшіе люди всей Іудеи, „упали перед новым царем своимъ лицами ихъ на землю“, которая заранѣе предусмoтpительно была покрыта коврами.

Іоав громко крикнулъ:

— Да живетъ Давид, царь Іудейскій!

Этотъ крикъ былъ подхваченъ всѣми присутствующими и долго висѣлъ в воздухѣ гулъ голосовъ:

— Да живетъ Давид, царь Іудейскій!

Іоав, дав сигнал, не кричалъ, — онъ смотрѣлъ с насмѣшливой улыбкой на охваченную энтузіазмомъ толпу и думалъ то, къ чему пришелъ опытомъ своей тридцатилѣтней жизни: человѣкъ презрѣнное животное, и разница между бараномъ и человѣкомъ лишь та, что первый имѣетъ четыре ноги, а второй двѣ...

В тотъ же день депутація отправилась обратно в Хеврон, а на слѣдующій день туда въѣхалъ и новый царь Іудеи Давидъ.

Все населеніе города вышло ему навстрѣчу. Женщины вoдили хороводы, играли на гусляхъ, тимпанахъ и флейтахъ, били в бубны... И, бросая передъ муломъ Давида свои одежды, радуясь счастію имѣть одежды, по которымъ проѣхалъ царь, махая вѣтвями палмъ, кричали то, что ихъ потомки тысячу лѣтъ спустя будутъ кричать, другому царю „радуйся царь Іудейскій!“...

Черезъ недѣлю послѣ этого торжественнаго пріема были поминки покойнаго царя Саула и его сына и наслѣдника Іонафана. И тогда сначала соединенный хоръ пѣвцевъ и музыкантовъ, а потомъ отдѣльно самъ царь и, наконецъ, в третій разъ и царь и пѣвцы и музыканты, — пѣли вновь сочиненную Давидомъ, и имъ же положенную на музыку „пѣсню у лука“, которая была написана имъ по поводу смерти царя Саула и гибели изранльскаго войска.

Вотъ эта пѣсня:

„Краса твоя, о, Израиль! поражена на высотахъ твоихъ! Какъ пали сильные! Не рассказывайте в Гефѣ, не возвѣщайте на улицахъ Аскалона, что бы не радовались дочери филистимлянъ, что бы не торжествовали дочери необрѣзанныхъ! — — — Горы

Гелвуйскія! Да не сойдет ни роса, ни дождь на вас! И да не ободет на вас полей с плодами! Ибо там повержен щит сильных, щит Саула, как бы не был он помазан елеем! Без крови раненых, без тука сильных, лук Ионафана не возвращался назад, и меч Саула не возвращался даром! Саул и Ионафан, любезные и согласные в жизни своей, не разлучились и в смерти! Быстрые орлов, сильные львов они были! Дочери израильскія! Плачьте о Саулѣ, который одѣвал вас в багряницу с украшениями и доставлял на одежды ваши золотые уборы! — Как пали сильные на брани! Сражен Ионафан на высотах твоих! Скорблю о тебѣ, брат мой Ионафан! Ты был очень дорог для меня! Любовь твоя была для меня превыше любви женской! — Как пали сильные, погребло оружіе бранное!“*)

Эта „пѣсня у лука“ была выучена музыкантами и пѣвцами и отправлена во всѣ города Іудеи. Но она не остановилась там и перешла в царство Израильское, куда вошли остальные одиннадцать колѣн израилевых под властью сына Саулова Іевосфея, так как Авенир, полководец Саула, остался вѣрен его дому.

Вторым дѣлом Давида, воцарившагося в Іудеѣ, было посольство к жителям Іависа Галаадскаго, тѣм самым, которые, в годину несчастья, одни не потеряли присутствія духа и мужества, отправились в филистимскій город Бет-Сан, и сняв со стѣнъ этого города тѣло царя Саула и его сыновей, — выставленные там для позора, возвратились в свой город и торжественно сожгли эти тѣла.

Вот что послы царя Давида передали жителям Іависа:

„Благословенны вы у Господа за то, что оказали эту милость господину своему Саулу и погребли его. И нынѣ да воздаст вам Господь милостію и истинною. И я сдѣлаю вам благодареніе за то, что вы сдѣлали“.

Так как жители Іависа Галаадскаго отличались уже и прежде мужеством и самостоятельностью своих рѣшеній, то Да-

*) Гл. 1, ст. 18 — 27.

вид, всегда дальновидный, присоединил к своему посланію еще такой, исполненный глубокаго смысла, конец:

„Нынѣ да укрѣпятся руки ваши и будьте мужественны. Ибо господина ваш Саул умер, а меня помазал дом Іудин царем над собою“.*)

Авенир.

Двоюродный брат, он был другом дѣтства Саула. Вмѣстѣ играли, вмѣстѣ учились бросать копье, состязались в стрѣльбѣ из самодѣльнаго лука. Вмѣстѣ пахали землю. — Когда Саул сдѣлался царем, вполнѣ естественно сдѣлался воином и помощником царя и Авенир. Саул вѣрил своему другу, как самому себѣ. И в другѣ он не ошибся, тот был вѣрен ему при жизни, остался вѣрен и послѣ смерти.

Когда Саул умер, государство было в ужасном состояніи: все Заіорданье было занято филистимлянами, вся Іудея, составлявшая треть Израильскаго царства, выбрала царем Давида. Сильное тяготѣніе к Давиду было и в других мѣстах, так как всѣ знали, что еще при жизни царя Саула, пророкъ Самуил помазал его на царство. Одновременно с Саулом умер его наслѣдник, прославленный юлководец и любимец народа Іонафан. Умерли и два слѣдующіе сына Саула, храбрые витязи, и извѣстные народу израильскому, Аминадав и Малхисуа... Оставался еще в живых один взрослый сын покойнаго царя и два малолѣтних, но послѣдніе были еще дѣти, а во вторых их мать, красавица Риспа, была не жена, но, как женщина низкаго происхожденія, лишь наложница царя. Что же касается до взрослога сына, то он, как говорил сам покойный царь, был какой то неудачник, — царь не любил этого полубольнаго, неспособнаго ни к какому воинскому упражненію, сына. Будучи красив и лицом и тѣлом он, к сожалѣнію, унаслѣдовал в полной мѣрѣ порок отца. Но в то время, как у Саула припадки меланхоліи бывали лишь рѣдко, иногда с промежутками в нѣсколько лѣтъ, Іевосфей, сын царя, страдал этими припадками с дѣтства,

*) Гл. 2, ст. 4 — 7.

а в мужеском возрастѣ они не только не прекратились, но даже усилились. Все это заставляло ребенка, а потом юношу и, наконец, сорокалѣтняго мужа Іевосфея держаться вдали от других, не играть с дѣтьми, не принимать участія в воинских играх и упражненіях юношей и не быть в совѣтѣ царя, гдѣ естественно были старшіе сыновья Саула, так дружно жившаго со своими дѣтьми. На его несчастье он был умен и ясно видѣл свою неспособность к физическим упражненіям, видѣл, что он лишній среди других жизнерадостных людей, и это заставляло его окончательно замыкаться в себѣ самом.

Народ Израиля, хорошо знавшій красивых и жизнерадостных сыновей своего царя, почти не знал, что у царя есть еще взрослый сын, такой, котораго сам отец зовет неудачным...

Авенир прекрасно понимал, что по смерти царя Саула многое зависѣло от него, друга покойнаго царя и перваго полководца государства. Но знал, что его соперником является тридцатилѣтній, полный сил, талантов и энергіи, любимец народа Давид. Что же слѣдовало дѣлать? — Признать Давида, лишь выговоривши неприкосновенность дома Саула? Но возможно ли ставить условія, пока нѣтъ власти? — Отсюда естественный вывод: сначала захватить власть и потом уже, опираясь на эту власть, говорить об условіях. — Провозгласить царем самого себя? — Но у Авенира, несмотря на всю силу и мощь, не было таких желаній. — Но кому же тогда быть царем? —

В концѣ Авенир остановился на Іевосфеѣ, как на единственном взрослом, происходящем от законной жены, и все таки, несмотря на его отчужденность от дѣл, умном и способном в духовном отношеніи, сынѣ царя Саула.

А раз что Авенир предпринял, то всю свою энергію и весь недюжинный ум вкладывал в начатое дѣло. И результат был выше его ожиданій: не смотря на то, что Давид был в высшей степени популярен, несмотря на то, что имя Іевосфея никому не было извѣстно, одиннадцать колѣн Израиля избрали его царем и Давид, легендарный герой, который побѣждал десятки тысяч в то время, когда сам царь, любимец народа, побѣждал только тысячи, Давид побѣдил сказочнаго богатыря Голиафа, Давид в концѣ сдѣлался царем лишь того колѣна, к которому принадлежал по своему рожденію...

Авенир мог быть доволен результатом!...

Библия так говорит о воцарении Иевосфея:

„Авенир, сын Ниров, начальник войска Саулова, взял Иевосфея, сына Саулова, и привел его в Маханаим. И воцарил его над Галадом и Ашпуром, и Иезреелем и Ефремом, и Вениамином и над всем Израилем. Сорок лѣтъ было Иевосфею, когда он воцарился над Израилем... Только дом Иудин остался с Давидом...“*)

Но Давид, сдѣлавшись царем, не мог быть праздным зрителем того, что рядом с ним может быть еще другой царь:

„И была продолжительная распря между домом Сауловым и домом Давидовым“. **)

Не смотря на всѣ таланты самого Давида, не смотря на таланты его полководцев, сыновей Саруи, Иоава и Авессы, Авенир не сдавался. Он оказывался очень опасным соперником и, пока он был жив, трудно было надѣяться на то, что бы была возможность его одолѣть. Давид понимал это, и пытался склонить Авенира на свою сторону широкими обѣщаніями. Об этих обѣщаніях знал Иоав и его сердце горѣло возмущеніем: до сих пор при Давидѣ был он, Иоав, безусловно первый и никому не могло даже в голову придти оспаривать это первенство. Сейчас за ним был его родной брат Авесса и, на третьем мѣстѣ, несмотря на свою юность, лишь благодаря значенію братьев, третій брат Асаил. — Остальные шли потом и, даже первосвященник Авитар естественно становился лишь послѣ „сыновей Саруи“, как их обыкновенно называли, принимая во вниманіе их близость к Давиду и тѣсную дружескую связь между собою.

Если ко двору Давида прибудет Авенир, то это первое мѣсто безусловно будет принадлежать ему. Авенир слишком извѣстен народу, слишком знаменит, слишком стар, слишком долгое время был первым в государствѣ, что бы занимать второе мѣсто. К тому же Авенир, несмотря на свои года, полон почти юношеских сил и может прожить еще многіе десятки лѣтъ.

Какой бы то ни было цѣной, но Авенир должен быть устранен с пути Иоава!

*) Гл. 2, ст. 8 — 10.

**) Гл. 3, ст. 1.

Между войсками Давида и войсками Авенира начался новый бой. — Они часто бывали в последнее время. — На этот раз войска встрѣтились у Габаонскаго пруда, который в этом мѣстѣ был больше похож на рѣку, чѣм на пруд. К тому же посрединѣ пруда тянулся узкій остров, поросшій небольшою травой. Пруд был настолько узок, что каждое слово, сказанное на одном берегу, было отчетливо слышно на другом. —

Сначала к пруду, с разных сторон, подошли передовыя части одной и другой стороны. Подошли и начали перекопаться между собой, споря кто болѣе царь, — Давид или Иевосфей, сын Саула. Кому из двух слѣдует покориться, что бы во всем Израилѣ был только один царь. — Каждая сторона считала себя правой и перекопы часто переходили в ругань и насмѣшки.

— Что ваш Давид? кто он? — Пхе, а не царь! — Его отец и до сих пор пасет овец у Вифлеема!

— Давид помазанник Господень, а вот ваш слабоумный Иевосфей, лучше бы куклами играл вмѣстѣ с маленькими дѣвочками, чѣм сидѣть на тронѣ, на котором его придерживает Авенир, как придерживают пятилѣтняго мальчика, когда учат ѣздить на ослѣ! Давид побѣдил десятки тысяч уже в то время, как Саул с трудом побѣждал тысячи!

— Десятки тысяч чего? Сердце глупых дѣвушек? Лучше бы он побѣждал воинов!

— А кто побѣдил богатыря Голиафа? Уж не Саул ли?

— Хороша побѣда! — Камушком, случайно попавшим в глаз! Вот так побѣда! Вашего Давида еще и на свѣтѣ не было, как Саул уже грозно и крѣпко держал имя Израиля среди всѣх народов!...

Вскорѣ подошли и главныя силы, с одной стороны под начальством Авенира и с другой Иоава. Главныя части войск расположились одна против другой так, что их раздѣлял пруд, а на концах пруда с одной и с другой стороны были поставлены сторожевыя отряды, не позволявшіе своим людям выдвигаться вперед, так что люди Авенира и люди Иоава были на разстояніи двухсот шагов один от других.

Два дня стояли у пруда, вообще ничего не предпринимая. Оба военачальника ѣздили по берегам пруда, выбирая мѣсто для боя: надо ли было рѣшительно двинуться всѣми силами

к одному мѣсту, гдѣ кончался пруд, или, быть жожет, лучше было охватить противника с обѣихъ сторонъ одновременно? Или, наконец, отойти назад, в чистое поле, и принять бой там, привлеки не себя противника? Была еще одна комбинація и она также усердно обсуждалась: разведя в большомъ числѣ костры, что бы противникъ думал, что лагерь остается на своемъ мѣстѣ, осторожно обойти врага и напасть на него сзади, прижав такимъ образомъ к пруду?...

В связи с этими комбинаціями обсуждались и возможности противодѣйствія противнику: что слѣдовало дѣлать, если онъ обойдетъ с одной стороны? Если зайдетъ неожиданно сзади? Если отступитъ и будетъ выжидать в полѣ?

Время от времени на конец пруда выѣзжала группа всадниковъ и внимательно оглядывала мѣстность; видно было какъ оживленно и горячо жестикулировали всадники, то быстро разводя руки в стороны, то прижимая ихъ к груди, держа ладони наружу, то поднимая палецъ кверху и нагибая при этомъ голову, — очевидно все для вѣщаго доказательства правильности своихъ мнѣній.

Эта группа уѣзжала, а вскорѣ с другой стороны появлялась новая группа для того, что бы в точности повторить жесты и выраженія лицъ первой.

Впереди группы былъ или широкоплечій коренастый рыжій, на рыжемъ жеребцѣ, Іоав, лошадь котораго ни секунды не могла постоять на мѣстѣ и, если бы не могучія мускулистыя ноги всадника, который давалъ чувствовать жеребцу свою силу и власть, давно бы ускакала в поле. Или высокій сѣдой богатырь Авенир, выѣзжавшій всегда на превосходномъ черномъ мулѣ, отличавшемся отъ лошадей лишь болѣе длинными ушами.

Іоав и его конь были все время в движеніи, все время ихъ двигала сила жизни и энергіи, Авенир же и его мулъ остановившись были неподвижны, и только вѣтеръ развѣвалъ бѣлый длинный плащъ полководца, в свое время спорившаго по красотѣ с самымъ царемъ Сауломъ. Авенир точно не принадлежалъ к племени израильтянъ, такъ рѣдко онъ прибѣгалъ к движеніямъ рукъ во время самой жаркой рѣчи. Онъ былъ сама сдержанность и вся его энергія проявлялась лишь тогда, когда она была дѣйствительно необходима.

Когда вѣтер относил бѣлый плащ в сторону, под ним было видно блестящее воинское вооруженіе.

На третій день прихода войск случайно оказалось, что оба военачальника выѣхали одновременно, и теперь группы их стояли в двухстах шагах одна от другой. Группа Авенира, по примѣру своего полководца, была на мулах и двигалась мало, группа же Іоава почти вся на конях, которые двигались и ходили, били копытом и ржали почти безпрестанно. Жеребцы не стояли на мѣстѣ, выскакивали вперед и в стороны, и всадники лишь с трудом возвращали их назад.

Постояв около четверти часа одна против другой, группы разѣхались. Первый двинулся Авенир. Он повернул своего мула и тот, высоко подняв красивую голову и изогнув крутую шею, точно сознавая, как он красив и снисходительно позволяя любоваться собою, шагом двинулся по берегу пруда. Тогда и Іоав двинулся на своем танцующем жеребцѣ, все стремящемся подняться на дыбы, но всякій раз принужденном смириться в вѣтряных колѣнях своего всадника.

В тот же вечер к пруду, со стороны войск Авенира, к берегу подошли два человека. Оба были одинакового роста и похожи друг на друга настолько, что во всем войскѣ Авенира лишь он сам умѣл отличать одного брата от другого. Это были близнецы, трубачи войска израильскаго Леви и Шеом. Леви поднял свою длинную трубу и издал только один протяжный звук: „с о о о о о о о о л ѣ“. Он замолчал и опустил трубу. Тогда поднял свою трубу другой брат и издал такой же рѣзкій и сильный звук, но на два тона ниже: „м и и и и и и и и и“.

Он также опустил свою трубу и секунд около десяти стоял неподвижно. Затѣм вновь подняли трубы, теперь одновременно, и заиграли вмѣстѣ. Вышел звонкій и красивый аккорд: „ми-соооль“! — Снова пауза и опять первый пустил в пространство свой звук: „с о о о о о о о о л ѣ“, а второй отвѣтил звуком „м и и“.

Сыграли снова вмѣстѣ и, послѣ паузы, повторили в третій раз.

Всѣ знали, что это означает вызов непріятельскаго полководца для переговоров и были взволнованы этими звуками.

День склонялся к вечеру, и солнце бросало свои послѣдніе лучи, освѣщавшіе все красивым и странным оранжевым цвѣтом. Люди, мулы, лошади, ослы обоза, верблюды, деревья, песок, трава, кусты, — все было оранжевое и эти оранжевые предметы отражались в голубых водах неподвижнаго Габаонскаго пруда.

„Сооль-мини“... „Сооль“... „Мии“... „Соооль-мини“!,,
Военачальник желает говорить!

Народ с одной и другой стороны пруда сбѣгался к мѣсту, гдѣ трубили музыканты. Всѣ ждали: если этот же сигнал повторится со стороны Іоава, то он согласен вступить в переговоры. Но будет ли он согласен?... Если не отвѣтит, то не согласен. Если же, паче чаянія, заиграют всѣ трубы сразу, и к тому же с боем в бубны и барабаны, то это начало боя...

Пауза была длинна и отвѣта не было... Уже солнце закатилось за лѣсистые холмы Шеохи, а трубачи Іоава не отвѣчали. Народ все таки ждал и не расходился. И он дождался: со стороны Іоава к берегу пруда подошли также два человѣка, имѣя с собою длинныя трубы. В воздухѣ снова пронеслось длинное и рѣзкое „с о о о о о о о л ь“. Снова, послѣ промежутка, его смѣнило такое же длинное „м и и и и и и и“. Снова оба тона прозвучали в аккордѣ, — это Іоав отвѣчал Авениру, что он согласен не переговоры. А опозданіе во времени означало, что он, Іоав, в сущности совершенно не нуждается ни в каких переговорах, и мечем докажет свое право и свою силу.

Если прежде много народу стояло на берегу пруда в том мѣстѣ, гдѣ трубили музыканты, то теперь, послѣ отвѣта Іоава, чуть ли не всѣ побѣжали туда.

Прибыли и оба полководца. Их сопровождали люди с зажженными факелами, которые отражались в тихой неподвижной водѣ. Глашатай со стороны Авенира, толстый Халев, сын Сафатія, вышел вперед в сопровожденіи обоих трубачей. Сам Авенир помѣстился в легком, наскоро раскинутом, открытом шатрѣ у берега пруда.

Оба трубача потрубили короткое „ми-соль“ и, получив такой же звук со стороны Іоава, опустили свои трубы. Их дѣло было кончено и начиналась работа глашатаев.

— Авенир, сын Нитров, начальник войск одиннадцати колѣн

Израиля, говорит Иоаву, сыну Сарун, начальнику войск колѣна Иудина: — здравствуй!

Он замолчал и тотчас же получил отвѣтъ:

— Иоав, полководец царя Давида, помазаннаго Господом на царство, говорит Авениру, сыну Нирову, полководцу тѣх колѣн Израиля, которые еще не признали помазаннаго Господом на царство царя Давида, — здравствуй!

Терпѣніе зрителей и слушателей было поставлено на испытаніе, так как довольно долгое время молчали оба глашатая и было видно, как вожди с одной и с другой стороны говорили между собою. Видно было, как у входов в шатры стояли глашатае, имѣя около себя двух трубачей, ожидая приказанія своих полководцев.

Водворилось полное молчаніе: глашатай Авенира, толстый Халев, неся перед собою толстый живот, слегка в перекатку шел к берегу.

Снова прозвучали трубы, призывая к тишинѣ и вниманію. Затѣм Халев, набрав воздуха, загремѣл своим густым, удивительно громким басом:

— Авенир, сын Ниров, начальник войск израилевых, говорит так: — зачѣм нам оражаться и проливать кровь многих, лишая матерей их сыновей? Пусть, вмѣсто боя народа против народа, выйдет с каждой стороны на остров, что по срединѣ пруда, двѣнадцать юношей в полном воинском вооруженіи. Пусть поиграют эти юноши своими мечами и, чья сторона побѣдит, на той сторонѣ и право, та сторона и продиктует свои условія мира. А помня, что всѣ мы потомки Авраама, Исаака и Иакова, — которые ходили перед Господом, — пусть эти условія не будут тяжелы и не будут обременительны для другой стороны. — Так сказал Авенир, сын Ниров, начальник войска израилева, Иоаву, начальнику войск Иудиных!

Опять длинная пауза. У шатра Иоава толнятся военачальники. Они обсуждают предложеніе Авенира. Видно как поднимаются, опускаются и расходятся в стороны их руки и вся группа в безпрестанном движеніи. Но вот они затихли, военачальники Иуды, и видѣн лишь вставшій со своего мѣста Иоав.

Что он отвѣтит? что прикажет...

И с одной и с другой стороны раздались громкіе крики:

тише! тише! — Эти призывы к тишинѣ были так громки, что казалось кричали оба лагеря изо всѣх своих сил. Говорил одновременно весь народ іудейскій и весь народ израильскій, говорил, пока говора не покрыли звуки труб: „ми-сооол“...

Наступила тишина и раздался голос глашатаго:

— Иоав, сын Саруи, начальник войска Іудинаго, так отвѣчает Авениру, сыну Нирову, полководцу: пусть двѣнадцать юношей с каждой стороны переправятся на остров; пусть они поиграют мечами; и пусть тот, кто побѣдит, диктует мягкія условія мира, не обидныя ни одной, ни другой сторонѣ. И пусть это случится завтра, в третьем часу послѣ восхода солнца, если Авенир, сын Ниров, полководец, с этим согласен.

Опять пауза, опять оживленные переговоры и шум: тише! тише! На этот раз все это продолжалось лишь короткое время.

— Авенир, сын Ниров, полководец, согласен. Он шлет привѣтъ Иоаву, сыну Саруи, полководцу.

— Иоав, сын Саруи, полководец, шлет привѣтъ Авениру, сыну Нирову, полководцу, и ждет завтра третьяго часа по восходѣ солнца.

Теперь волновались оба лагеря — для рѣшительнаго боя надо было выбрать таких двѣнадцать юношей, которые бы непременно одержали верх над противником! Непременно! Эти юноши должны вызваться сами и быть сильнѣе и храбрѣе всѣх! Оба лагеря кипѣли гулом голосов...

Задача была крайне опасна, но вмѣстѣ крайне почетна. Всѣ вспоминали единоборство Давида с Голиафом и то, что произошло послѣ этого единоборства. Имя Давида слышалось со всѣх сторон...

Тогда Авенир понял, что этим предложеніем он сдѣлал огромную по своему значенію психологическую ошибку: всѣ вспоминали царя непріятеля, и это возбуждало симпатіи к прославленному герою, заставляло сравнивать с ним своего, еще ничѣм не проявившаго царя Іевосфея, единственная заслуга котораго была та, что он родился сыном царя... Возбужденіе же симпатіи к Давиду понижало боеспособность воинов...

В лагерѣ Іуды это предложеніе, как раз наоборот, подняло общій дух: вот как велик их царь! „Саул побѣдил тысячи, а

Давид десятки тысяч!“ — Тогда побѣдил он, теперь они докажут, что стоят своего предводителя и побѣдят они!

Авенир ясно видѣл свою ошибку, продиктованную ему неумѣстным в данном случаѣ человѣколюбіем, и кусал от досады губы...

Надо было исправить то, что можно было еще исправить, и он отдал слѣдующія приказанія:

— Завтра, во время поединка, стянуть войска к концам пруда и, чѣм бы поединок не кончился, с криком ринуться на врага. Броситься непременно первыми! Отнюдь не ждать, пока перейдет в наступленіе противник! Не защищаться, но нападать! — Если даже побѣдят юноши врагов, то все таки броситься с криком „побѣдили!“ Этот крик должны сначала дать начальники. Крикнуть и ринуться на врага, увлекая за собою воинов. — Так как народ будет лишь с трудом отходить от мѣста поединка, то заставить его уйти оттуда, заранѣе втолковав людям, что наши двѣнадцать юношей так хороши, что в побѣдѣ их не может быть никакого сомнѣнія, почему и необходимо заранѣе занять выгодныя мѣста для боя. — Важнѣе всего при первых же криках побѣды, или даже пораженія, обрушиться на врага всѣми силами и всей мощью.

В то время, как Авенир отдавал эти приказанія подчиненным ему начальникам войск, Иоав также собрал своих вождей и говорил им:

— Во что бы то ни стало, но бой должны начать мы! Непременно мы! Не они, но мы! Чѣм кончится поединок мы не можем предсказать, но что произойдет послѣ него мы знаем навѣрно: даже если побѣдят наши, то Авенир, эта хитрая старая лисица, бросится со своими войсками вперед! Можно же представить, что будет, если паче чаянія побѣдят они! — Помните, что рѣшительностью и настойчивостью часто можно вырвать побѣду в самый послѣдній момент! В момент, когда, казалось бы, побѣждает непріятель! Поэтому предписываю...

Сѣрые глаза Иоава были почти без рѣсниц. Но тѣм ярче был их металлическій блеск. Он гипнотизировал своими глазами, сидящими в глубоких глазницах, над которыми нависали густыя рыжія брови. Прав был Авенир говоря, что такой слуга может повиноваться только такому господину как Давид, че-

ловѣку еще большей мончи и... жестокости, если она по его мѣнѣю была нужна. Во всѣх словах Іоава, в его взглядѣ и движеніях, в интонаціи голоса было что то непреложное, недопускающее даже мысли о возможности сопротивленія или просто только противорѣчія. Даже его неукротимые братья Авесса и Асаил подчинялись этой непреклонной, увѣренной в себѣ, волѣ. Когда он сказал слово „предписываю“, то окружающіе его вожди, и раньше не спускавшіе с него глаз, теперь смотрѣли не мигая, точно зачарованные.

Іоав продолжал:

— Предписываю весь народ, — слышите? — весь народ направить к концам пруда. Я сам потом прикажу, кто должен остаться в центрѣ около мѣста поединка. Как только кончится, я первый; — независимо от того кто побѣдит, так как это не важно, — закричу: побѣдили! побѣдили! — Этот крик обязаны, — слышите: обязаны, — подхватить всѣ, кто его услышит. А как только услышите его, бѣгите на врага! Помните, что побѣдит тот, кто первый, — слышите: первый! — бросится на врага с криком „побѣдили“!

Іоав знал Авенира, так же как Авенир знал Іоава!

Тотчас послѣ восхода солнца начальники начали отводить воинов на мѣста, предназначенныя для боя. Люди волновались и не хотѣли идти, так как каждому хотѣлось посмотреть как будут „играть“ мечами двадцать четыре отборнѣйших воина из обоих станов.

В числѣ других охотников вызвались и братья Іоава Авесса и Асаил, но Іоав их рѣзко остановил:

— Вы мнѣ нужны для болѣе важнаго дѣла, чѣм погибнуть на этом поединкѣ, как гибнут бараны под ножом мясника! Старый Авенир промахнулся и сыграл мнѣ в руку: напомнил о поединкѣ Голіафа и Давида! Имя Давида теперь не только у нас, но и у наших противников сіяет как никогда! Как воины Израиля могут с энтузіазмом бороться за эту мокрую курицу Іевосфея, когда против него блесит и переливается самоцвѣтными камнями имя героя Давида! Опростоволочился старый!

Больше всѣх волновались тѣ двадцать четыре юноши-героя, которым предстояло утром или побѣдить или умереть. Они заранѣе представляли себѣ берега Габаонскаго пруда, устьян-

ные тысячами зрителей. Всѣ эти зрители знали, что от побѣды или пораженія одной из сторон, зависит участь двух царей двух половин Израильскаго царства. Сознаніе важности этой исторической минуты придавало им силы. Сознаніе того, что они будут „играть“ под взглядом десятковъ тысячъ горящихъ нетерпѣніемъ глаз, возвышало ихъ в собственныхъ глазахъ и каждый изъ нихъ чувствовалъ себя Давидомъ, идущимъ на Голиафа и побѣждающимъ его! — Да и чѣмъ ихъ подвигъ ниже подвига Давида? — Какъ тотъ такъ и они вызвались добровольно! Какъ тотъ такъ и они вполне сознаютъ опасность смерти! — Ихъ подвигъ ни на югу не ниже подвига героя-царя!

Велико было ихъ разочарованіе, когда кромѣ группъ всадниковъ главныхъ вождей обѣихъ сторонъ, они увидѣли только небольшія кучки воинов...

Авениръ в этотъ день былъ плохо настроенъ: сознаніе неудачности предложенія волновало его. Онъ, непривыкшій высказывать свои мысли, и на этотъ разъ замкнулся въ себѣ, никому не выдавая своего волненія, и все время говоря о предстоящей побѣдѣ, въ которую онъ самъ не вѣрилъ.

Его зоркіе глаза отчетливо видѣли шатеръ Іоава, находившійся на разстояніи пятисотъ шатовъ. Тяжелая фигура Давидова полководца сидѣла на складномъ стулѣ и оба брата, Авесса и Асаилъ, стояли около него. Старшій, Іоавъ, былъ ниже братьевъ, но все въ немъ указывало на огромную силу. Младшій, Асаилъ, еще юноша, высокій и тонкій въ тали, но съ широкими плечами и высокой и широкой грудью.

Авениръ, глядя на шатеръ непріятельскаго полководца, думалъ: что, если бы судьба свела меня въ юлѣ съ однимъ изъ сыновей Саруи? — До сихъ поръ одинъ Саул превосходилъ Авенира въ воинскомъ искусствѣ и въ силѣ бросанія копья. Но онъ не пробовалъ состязаться ни съ молодымъ героемъ Давидомъ ни съ его полководцемъ Іоавомъ... Что касается до Авессы или, еще больше, до Асаила... Этотъ юноша разумѣется не можетъ идти въ счетъ...

Авениръ представлялъ себѣ всѣхъ трехъ братьевъ: у Авессы такіе же сѣрые, съ зеленымъ оттѣнкомъ, глаза какъ у старшаго брата; Асаилъ голубоглазый. Вообще это самый симпатичный изъ трехъ. Можетъ быть потому, что очень молодъ...

Звук боевых труб прервал размышления Авенира. Двенадцать отборных воинов подошли к шатру, что бы получить последний привѣтъ своего вождя. Он встал и вышел к ним. И в то время, когда говорил им ласковыя напутственные слова, указывая, как велика будет их слава на небѣ, — так как они идут за правое дѣло, — и как на землѣ их будут прославлять в пѣснях и молитвах пока существует Израиль, — говоря эти слова он думал: зачѣм матери в муках родили этих отборных молодцов, идущих теперь на бойню? Зачѣм отцы оберегали их дѣтство и отрочество? Вот они сейчас полные жизни и сил переѣдут на этот фатальный остров, а оттуда, возможно, привезут только их бездыханныя тѣла... Зачѣм все это? к чему? Жил Саул и был велик и славен! Прославляли героя, любимца народа Ионафана!... И их больше нѣтъ...

Юноши ушли, а Авенир все стоял и думал подобныя думы. Потом потряхнул головой: стар становлюсь! Прежде, идя в бой, думал ли я хоть что нибудь подобное!? Стар становлюсь! стар!

Двенадцать юношей, образцов мужской силы и красоты, ѣхали на лодкѣ на средину пруда к острову. Таких же двенадцать красавцев ѣхало с другой стороны.

Кто из этих двадцати четырех вернется назад?...

Рулевые и гребцы с одной и с другой стороны старались одновременно достигнуть земли. И это им удалось. Двенадцать с одной и двенадцать с другой вышли из лодок, выстроились и, по новому звуку труб, двинулись вперед.

Авенир вполголоса позвал оруженосца:

— Шеву! Сокол здѣсь?

Сокол был любимый мул полководца. На нем ѣздил еще царь Саул. Иевосфей был недоволен, когда Авенир, даже без спроса, взял этого мула. При мысли об Иевосфее Авенир слегка поморщился: как мог быть у такого отца подобный сын! В сущности говоря во всем Израиль лишь два человека могли бы носить корону послѣ орла Саула. Эти два человека он, Авенир... и... царь Иудей Давид... И уж, конечно, не Иевосфей, несмотря на его ум и доброту, может царствовать в Израиль... Если бы не этот Иоав, втершійся между ними, он бы пожалуй, выговорив полную безопасность дому Саула, и сам бы пошел на службу к Давиду...

Но занимать мѣсто ниже этого Іоава... Пожалуй даже ниже его братьев... Нѣтъ, до этого Авенир еще не дожил и, даст Бог, не доживет!...

На разговорѣ об условіях боя было рѣшено, что сигнал к бою подаст Авенир, — Іоав был предупредителен к своему противнику. Поэтому Авенир позвал трубачей и, видя что двадцать четыре стояли в десяти шагах одни от других готовые к бою, подал сигнал. Этот сигнал был тотчас же подхвачен трубачами Іоава.

Обѣ шеренги двинулись одна на другую и произошло то, чего никто не ожидал и никто не мог предполагать! Всѣ ждали, что начнется бой. Длительный бой не на жизнь, но на смерть. Воины будут бить мечем, копьем, защищаться щитом, отбѣгать, уклоняться от удара, нападать вновь, поддерживать друг друга, нападать сразу по нѣсколько человекъ; что они разбѣгутся по всему островку нападая и защищаясь... Что будет так, как всегда бывает в бою: удары будут все тяжелѣе и тяжелѣе, раны сильнѣе и сильнѣе. Воины начнут ослабѣвать от ран и от потери крови. Все чаще будут падать, и многіе, упавши, уже не смогут подняться... Мечи будут рубить о мечи, копья будут отскакивать от щитов... Наконец, на одной из сторон будет больше павших, чѣм на другой и сторона, гдѣ больше останется в живых, будет побѣдительницей.

Так бывало всегда в боях, но в этот раз вышло иное... Вышло как то очень просто и ужасно именно по своей простотѣ.

Почему именно так разыгрался этот странный, невѣдомый в исторіи, поединок?

Потому что слишком велика была ненависть, слишком велика была храбрость и слишком мала опытность противников.

Под звуки фанфар, играемых на обоих берегах пруда, двадцать четыре юноши двигались одна шеренга на другую. Они сошлись и вот.. точно по командѣ, хотя никто этой команды не подавал, — всѣ двадцать четыре схватили лѣвой рукой голову противника, а правой вонзили меч в его сердце.

В воздухъ мелькнуло двадцать четыре меча и двадцать четыре юноши, могущих быть гордостью любого народа, счастье двадцати четырех матерей, — повалились на землю кровавой массой...

На них смотрѣли с обоих берегов и никто ничего не понимал: почему они упали и не встают? Почему не продолжают бой? Развѣ не знают, как много зависит от этого боя?...

Кровавая масса, однако, начала шевелиться; приподнимались руки и ноги, горбились туловища... Но все слабѣе и слабѣе были эти движенія, а вскорѣ затихли и совсѣм...

В Библии так сказано об этом странном поединкѣ: „они схватили друг друга за голову, вонзили меч один другому в бок, и пали вмѣстѣ“...

Первый понял Авенир и тихо прошептал:

— Славные милые юноши! — Они пронзили сердца один другому... — Потом громко крикнул:

— Подать Сокола!

Затѣм, как только вскочил на коня, крикнул:

— Побѣдили! побѣдили! Вперед на врага!

По этому сигналу всѣ трубачи начали безпрестанно трубить, всѣ барабаны и бубны бить, флейты играть: это был сигнал к бою.

Авенир, впереди группы всадников неся по полю, крича:

— Вперед! вперед! Побѣдили! побѣдили!

Но с другой стороны пруда то же, въ точности до деталей, продолжал Иоав: он также скакал вдоль берега пруда на своем рыжем жеребцѣ и громким голосом кричал:

— Побѣдили! побѣдили!...

Никогда, кажется, не дрались так ожесточенно с филистимлянами или амаликитянами, как теперь дрались евреи с евреями!...

Сокол, великолѣпный мул Авенира, был убит непріятельской стрѣлою в самом началѣ боя и израильтяне, его воины, сразу остались без верховнаго руководства, тогда как со стороны Иоава был, кромѣ него, вѣрный, опытный и умный помощник Авесса.

Авенир, уже пѣшій, отбивался от ряда воинов, наседавших на него, нападавших спереди, с боков и сзади. Он медленно отступал как медвѣдь, преслѣдуемый собаками. Послѣ того, как нѣсколько человек из нападавших упало для того,

что бы уже никогда не встать, ярость преслѣдующих ослабѣла и они не рѣшались больше приближаться к старому воину, ограничиваясь лишь пусканіем стрѣл и бросаніем копій, от ударов которых Авенир спасался или отскакивая в сторону или принимая удар на свой щит.

Пользуясь передышками он взглядывал на поле и с грустью видѣл, что число нападавших іудеев все больше и число защищавшихся израильтян меньше и меньше. О побѣдѣ нечего было и думать, надо было спасать жизнь.

Он видѣл Іоава на его рыжем жеребцѣ, в сопровожденіи группы всадников пронесшимся мимо. К счастью он не узнал, не замѣтил Авенира... Но сзади несется еще один всадник, очевидно отставшій от группы. Это Асаил, брат Іоава, юноша с лицом молодой дѣвушки. Он тоже пронесся было мимо, но замѣтил и круто повернул коня. Авенир натянул лук и стрѣла попала в коня. Оба, конь и всадник, покатались на землю. Асаил оторопѣл от паденія, но быстро пришел в себя, поднял оружіе и направился к Авениру. У того уже не было стрѣл и он отбросил в сторону ненужный болѣе лук. Увидя неожиданную помощь в лицѣ Асаила, толпа врагов устремилаcь за ним.

Отдѣльные воины Авенира бѣжали то здѣсь то там, и не было надежды на их помощь, а принять бой одному против толпы врагов, толпы, во главѣ которой был такой воин, как Асаил, было неразумно. Тогда Авенир побѣжал. Первый раз в жизни.

Ему было болѣе шестидесяти лѣтъ, но разстояніе между ним и толпой начало уменьшаться, лишь Асаил, о котором Библія говорит что „он был легок как серна“, приближался к нему, далеко опередив воинов.

В головѣ Авенира мелькали странные для него мысли: — он, Авенир, бѣжит с поля битвы! Бѣжит от преслѣдованія юноши! Он, Авенир! — Итак полное пораженіе, послѣ котораго, вѣроятно, уже нельзя будет сопротивляться... Придется все таки передаться Давиду... Надо будет лишь выговорить полную безопасность всему Саулову дому...

Он оглянулся: толпа далеко отстала, но Асаил был совсѣм близко. Тогда Авенир крикнул ему:

— „Ты ли это, Асаил?“

— „И Асаил отвѣтил: — это я.

— „Не бѣги за мной, уклонись вправо или влево! Видишь сколько воинов бѣжит, — выбери одного из отроков и возьми его вооруженіе!

„Но Асаил не захотѣл отстать от него. И повторил Авенир еще, говоря Асаилу — „Отстань от меня, что бы я не поверг тебя на землю. Тогда с каким лицом явлюсь я к Іоаву, брату твоему?

„Но тот не захотѣл отстать. Тогда Авенир, поворотивши копье, поразил его в живот. Копье прошло насквозь его, и он упал там же, и умер на мѣстѣ...”

Только к ночи удалось Авениру собрать своих воинов. Став на холмѣ Амма, что против Гіаха, воины Авенира вновь построились к бою. Іоав и Авесса собрали также своих людей и увидѣли, что они не в большом числѣ. Поэтому, когда Авенир предложил перемиріе, Іоав, сдѣлав вид, что только снисходит к бѣдствіям людей и не желает кровопролитія, согласился, сказав даже так:

— „Жив Господь! Если бы ты не говорил иначе, то еще утром перестали бы люди преслѣдовать братьев своих“*).

Хитрость демонов.

„И была продолжительная распря между домом Сауловым и домом Давидовым. Давид все болѣе усиливался, а дом Саулов все болѣе и болѣе ослабѣвал...“**).

Авенир с каждым днем убѣждался в том, что его ставленнику вскорѣ невозможно будет удержаться на престолѣ. Мягкій, чаще больной, чѣм здоровый, царь не имѣл среди подданных никакого авторитета. И в то же время имя Давида гремѣло. То он гнал филистимлян, то ѣздил по городам Іудеи, заѣзжая попутно и в города других колѣн израилевых, гдѣ его принимали часто так же радостно и торжественно, как и в городах своего царства. Мысль о том, что Давид помазанный царь и, послѣ

*) Гл. 2, ст. 12 — 27.

**) Гл. 3, ст. 1.

смерти бездѣтнаго Іевосфея, царь не только Іудей, гдѣ он уже царствует теперь, но и всей израильской земли, — укоренилась все болѣе и болѣе в сердцах и умах израильтян, независимо от того, какого он колѣна. Израильское царство держалось лишь именем Авенира, друга и первого полководца Саула, память котораго была дорога всему народу. Имя Саула как то невозможно было отдѣлить, — Давид это понимал и употреблялъ всѣ усилія, чтобы завязать с Авениром переговоры, предлагая тому самыя выгодныя условія. Авенир выслушивал тайных и явных послов Давида, но не говорил ни да, ни нѣтъ. Большую роль в этом нежеланіи дать положительный отвѣтъ играла боязнь Іоава, так как Авенир знал этого человѣка и боялся его мести за убійство Асаила, его брата. Как ни силен был Давид, но с таким человѣком, как Іоав, было трудно справляться даже Давиду...

Вѣроятно, долго бы еще рѣшался Авенир, но помог случай: царь Іевосфей, несмотря на всю свою доброту, нанес смертельную обиду своему первому полководцу!... Нанес, не желая обидѣть того, но, как царь и сын, не могшій поступить иначе.

У царя Саула была наложница, которую он нѣжно любил, красавица Рицпа. Она нравилась не только царю Саулу, но и равной мѣрѣ и его другу и первому полководцу Авениру. Она родила своему мужу и повелителю двух прелестных сыновей и, до самой смерти престарѣлаго царя, была в холѣ и чести, как бы исполнѣ законная жена высокаго происхожденія. Послѣ смерти Саула она осталась при дворѣ царя Іевосфея среди других вдов покойнаго царя.

Авенир, несмотря на свои сѣдины, продолжал быть свѣжим и молодым. Рицпа теперь ему нравилась еще больше чѣм прежде. Тогда она, как наложница господина, была совершенно недосыгаема для него, теперь же, как вдова, была несравненно ближе... Он старался владѣть собой, но образ Рицпы преслѣдовал его. И красавица сознавала грѣховность взглядов, бросаемых на нее правителем страны. Сознавала, боялась и избѣгала встрѣчаться с ним. Но эта боязнь только разжигала его... Если ей не удавалось ускользнуть от него, она опускала глаза и краснѣла, дѣлаясь при этом еще краше чѣм прежде. Когда она уходила, плавно покачивая свой стройный торс на

выточенных ногах, Авенир провожал ее долгим взглядом. Если бы она не была женою царя... вдовой... Но вдовы царей тѣ же жены... Наложница, но рожденіе двух сыновей сравняло ее с женами... Сам царь Іевосфей был милостив к ней и полон уваженія...

Однажды Авенир, зайдя в женскій дом с мастеровыми, что бы говорить о ремонтѣ, встрѣтил Рицпу. Она не знала что в корридорѣ мужчины и была лишь в короткой туникѣ, из которой любопытно и стыдливо выглядывала лѣвая грудь. Увидя мужчин, и среди них Авенира, густо покраснѣла, секунды три-четыре стояла в нерѣшительности, и убѣжала в свою комнату. Мастеровые засмѣялись, но лицо Авенира было серьезно. Кончив разговоры и отпустив людей он медленно вернулся в корридор. Простояв нѣсколько секунд, рѣшительным движеніем открыл дверь комнаты Рицпы и вошел. Увидя его, она подняла обѣ руки к груди и начала быстро и испуганно дышать. — Она была обворожительно хороша. Дѣтей не было в комнатѣ. Она и Авенир были одни.

Авенир взглянул на нее, остановился и тихо прошептал:

— Роза Іерихона!...

Ее звал розой Іерихона еще царь Саул. Ее так звали во дворцѣ.

Авенир сѣл на кровать. Он набрал воздуха глубоким вздохом, так как у него не хватило дыханія. Повернулся к ней и серьезно, но глухим и странным голосом, поразившим его самого, спросил:

— Чего же ты испугалась?...

Оба молчали. Потом Авенир снова глубоко вздохнул, грузно поднялся и пошел к Рицпѣ. Та протянула обѣ руки вперед и зашептала:

— Не надо! не надо! нѣтъ, не надо! нехорошо!

Но уже было поздно...

Входя Авенир не закрыл дверей и это погубило его и погубило царя Іевосфея.

Царю было доложено тотчас же, и Рицпа, еще не оправившаяся и не понимавшая в полной мѣрѣ, что случилось, была позвана к царю. Іевосфей сидѣл на любимом креслѣ Саула и

держал голову обѣими руками. Увидя вошедшую молодую женщину, он тихо спросил:

— Так ты чтить своего царя и повелителя, отца твоих дѣтей и отца моего?

Рица заплакала тихими слезами. Потом по-дѣтски сказала:

— Он обидѣл меня...

Царь не отвѣтил, встал и молча начал ходить по комнатѣ.

И лицом и тѣлом он был похож на Саула, своего отца, но вмѣстѣ с тѣм какая огромная разница! Это был высокій худой человек со впалой грудью. Он не мог не только быстро бѣгать, но даже ходил опираясь на палку. Был умен, но сознание физической слабости, — что так презиралось в то время — угнетало его. Его мучили частыя головныя боли и припадки, напоминавшіе припадки его отца Саула.

Шагая по комнатѣ, слегка оттягивая при этом правую ногу и тяжело опираясь на палку, царь поглядывал на тихо плакавшую обильными слезами молодую женщину. Через нѣсколько времени он мягко сказал:

— Не хорошо то, что ты сдѣлала. Иди.

Когда на слѣдующій день Авенир пришел с обычным докладом, царь долго крѣпился, хотя слова все время грозили сорваться с языка. Он мучался, слушая доклад, и Авенир понимал, почему царь сегодня так замкнут и так разсѣян. Доклад был кончен, и правитель поднялся, чтобы уйти. Тогда Іевосфей сказал дрогнувшим голосом:

— Вот что, Авенир... Нехорошо это... очень плохо...

Авенир сразу понял, о чем говорит царь. Понял и возмутился до того, что потерял обычную выдержку и сдержанность. — Он не любил Рицы, но ея красота волновала его. Он знал как плохо было то, что вышло, и упрекал себя. Самый проступок не только не дал ему наслажденія, но это было сплошное гадкое и плохое чувство. Рица не сопротивлялась, она лежала без движенія, как будто это был неживой человек. Голова ея была закинута в сторону, и из глаз текли слезы. Эти слезы только одни показывали, что она жива и сознает то, что происходит. И что это происходящее наносит ей тяжелую моральную боль. Когда все кончилось, злоба давила Авенира. Ему были

отвратительны всѣ женщины міра, но отвратительнѣе всѣхъ эта Рицпа, которая продолжала лежать в прежней позѣ, не мѣняя ее... Лишь слезы, продолжавшія струиться по щекам, показывали, что это не бездушная деревяшка, но страдающій человекъ.

В это время раскрылись двери и через секунду закрылись. Авенир обернулся, но не могъ узнать кто открывалъ дверь. Тогда злоба съ еще большей силой подкатилась къ нему: конечно сейчасъ доложатъ царю... конечно будутъ длинные разговоры... И главное,—виноватъ во всемъ онъ самъ!... Онъ одинъ виноватъ во всемъ!...

Онъ взглянулъ на Рицпу, та лежала в прежней позѣ. Подойдя къ ней Авенир глупо сказалъ:

— Встань!

Но молодая женщина, очевидно ожидая удара, только закрыла голову руками...

Тогда Авенир, внявъ себя от злобы, схватилъ ее за руку и дернулъ съ постели на пол. Потом, не глядя на нее, привелъ в порядокъ свою одежду и вышелъ из комнаты. Идя онъ думалъ: — какъ глупо! какъ безобразно глупо! и даже двери были открыты и кто то видѣлъ Рицпу в ея позѣ и рядомъ его... А завтра, если не сегодня, этотъ больной кретинъ начнетъ мнѣ выговаривать... Человекъ, обязанный мнѣ всѣмъ... Опуститъ в землю глаза и робко начнетъ... Какъ я ненавижу ихъ всѣхъ!

Ночь не успокоила его. Мысль, что весь дворецъ говоритъ о его поступкѣ, волновала и не давала спать. — Или, быть можетъ, поступить свирѣпо? Разыскать невольнаго свидѣтеля и посадить его в клоповникъ? или даже казнить? Нагнать ужасъ на всѣхъ! — Да, мол, Авенир сдѣлалъ это, но Авенир имѣетъ право дѣлать все!

В концѣ, послѣ безсонной ночи, Авенир рѣшился молча выслушать замѣчанія царя Іевосфея: какъ никакъ, онъ царь, и, во вторыхъ, обязанъ сказать, такъ какъ онъ сынъ... Это его долгъ, а долгъ Авенира, какъ виновнаго противъ покойнаго друга, какъ виновнаго противъ царя — молчать...

Но всѣ добрыя пожеланія исчезли в тотъ моментъ, какъ Іевосфей заговорилъ. Здѣсь сказалося все: и крайнее недовольство собой, и безсонная ночь... Въмѣсто того что бы промолчать, какъ онъ рѣшилъ, Авенир заговорилъ рѣзкимъ и кричащимъ голосомъ:

— Говори! Что там еще нехорошо? Я не привык слышать подобных слова!

Руки Иевосфея дрожали и длинные тонкіе пальцы отбивали мелкую дробь о мраморную доску стола. Он сказал медленно, глядя на эти дрожащіе и барабанищіе пальцы:

— Ты знаешь сам, Авенир...

Авенир прервал его прежним кричащим голосом:

— Я ничего не знаю... Ничего...

В то же время он думал: — ах, как все это нехорошо! как нехорошо! И как нехорошо то, что я теперь говорю...

Царь продолжал своим тихим, дрожащим голосом:

— „Зачѣм ты вошел к наложницѣ моего отца Рипцѣ?...“

Тогда Авенир крикнул:

— „Развѣ я — собачья голова? — Я против Іуды оказал нынче милость дому Саула, отца твоего, братьям его и друзьям его, и не предал тебя в руки Давида, а ты взыскиваешь на мнѣ грѣх из за женщины! То и то пусть сдѣлает Бог Авениру, и еще больше сдѣлает ему! Как клялся Господь Давиду, так и сдѣлаю ему: отниму царство от дома Саулова и поставлю престол Давида над Израилем и над Іудой, от Дана до Вирсавіи...“*).

Авенир, всегда сдержанный и умѣющій владѣть собою, теперь кричал и махал руками. Царь перебирал предметы на столѣ своими длинными худыми пальцами и эти пальцы дрожали. Он ни слова не отвѣчал Авениру, и тот, прокричавши свои угрозы, выскочил из комнаты.

Вечером и ночью с царем был сильный нервный припадок, напоминавшій припадки его отца Саула...

Авенир провел новую бессонную ночь. На утро ему доложили, что его ждет купец-египтянин. Это был тайный посол Давида, который уже нѣсколько раз был у Авенира, предлагая все болѣе и болѣе лестныя условія. Услышав имя посла, Авенир подумал: — зачѣм тянуть?... Развѣ можно измѣнить то, что порѣшил Господь? Борьба неравна, и с каждым годом, если не с каждым мѣсяцем, положеніе Давида крѣпче, а положеніе царя Иевосфея, или, правильнѣе, — положеніе его, Авенира, — ху-

*) Гл. 3, ст. 7 — 12.

же... Можно еще держаться мѣсяца, пожалуй даже года — и все равно надо будет сдаться!... Да и не рѣшил ли он уже с самаго начала передать царство Давиду, лишь выхлопотаившую безопасность дому Саула: его дѣтям, внукам, женам, братьям и друзьям?... И не придется ли ему, если он будет тянуть, кончить тѣм, чѣм кончил его друг Саул: броситься на острие своего меча?...

В тот же день Давидов посол получил ясный отвѣтъ, который Авенир просил передать самому царю Іудейскому:

— „Заклужи союз со мною, и рука моя будет с тобою, что бы обратиться к тебѣ весь народ Израильскій“*).

У царя Давида.

Тот купец-египтянин, который сидѣлъ у Авенира, теперь говорил с царем Іуды. Давид слушал спокойно играя персидским кивжалом, и купец, человек наблюдательный, старался замѣтить, дрожат ли пальцы царя. Купец кончил словами:

— Я кончил, царь. Слова Авенира мною переданы в точности. Но он еще добавил: если царю Давиду будет угодно, я к нему пришлю довѣренное лицо для окончательных переговоров,

Купец помолчал и сказал:

— Разумѣется я, царь, не смѣю давать тебѣ совѣтов и ты в тысячу раз умнѣе меня, но, я, часто переѣзжая из Іудеи и Израиль и из Израиля в Іудею, убѣдился в том, что этот союз одинаково полезен как Авениру так и тебѣ...

Царь Давид отпустил купца такими словами:

— Приходи в это время завтра, и я дам тебѣ окончательный отвѣтъ.

Царь был взволнован — наблюдательный египтянин это замѣтил, но причина волненія была иная: царь думал о Мелхолѣ, своей бывшей женѣ. Если Израиль будет принадлежать ему, то и Молхола, и ея нынѣшній муж Фалтій будут его подданными... Фалтій не смущал Давида — как лишній, он будет просто устранен с пути... Но Мелхола? — Любит ли она его по

*) Гл. 3, ст. 7 — 12.

прежнему? — У Давида было уже много жен и наложниц, но равной Мелхолѣ не было! Не потому, что она самая знатная из всѣх, но потому, что ни одна так не любила его, как эта мечта его юности. Всѣ его жены хороши, но лучшая из всѣх все таки была Мелхола...

У Давида былѣ шесть законныхъ жен, не считая прихотей-наложницъ. Каждая изъ жен родила ему сына, — нѣкоторыя и дочерей, — но кто же считаетъ дѣвочек!... Аммон, сынъ его первой жены Ахиноамы-израелитянки, жены кочевой жизни и изгнанія, полюбливей его всѣми силами и всею страстью молодой души.

Далуя, сынъ красавицы и умницы Авигеи кармилитянки, бывшей жены Навала, женщины, умѣвшей быть всегда интересной и привлекательной, в обществѣ которой никогда не бываетъ скуки.

Авессалом, сынъ Маахи, дочери царя Гессурскаго. Послѣ Мелхолы это самая знатная изъ жен, урожденная принцесса.

Адонія, сынъ голубоглазой и свѣтловолосой Аггифы.

Саффатій, сынъ Авигалы, у которой волосы такъ густы и такъ длинны, что закрываютъ ее какъ покрывало, изъ подъ котораго видны лишь ступни ногъ.

Ефраам, сынъ вздорной, крикливой, капризной, но всегда умѣющей чѣмъ то притягивать Эглы.

Но сколько сколько молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ побывало на ложѣ царя... И все таки воспоминаніе о Мелхолѣ взволновало Давида. — Или это просто миражъ, и когда придетъ Мелхола теперь, окажется, что она хуже всѣхъ?... Царю достаточно было пойти в женскій домъ, что бы найти радостно и с надеждой ожидающую его плеяду красавицъ, самыхъ обворожительныхъ женщинъ Іудеи, в которой на „хорошенькихъ дѣвушекъ всегда урожай“, но его мысль была только около первой любви — Мелхолы, этой стройной, тонкой, хрупкой, страстной, преданной, вспыльчивой, но отходчивой, ласковой, умѣющей обнимать и умѣющей цѣловать Мелхолы... Царь улыбался, вспоминая, какъ онъ держалъ руку молодой дѣвушки и, едва сдерживая себя, старался спокойно говорить: Мелхола! у тебя красивые глаза!... Такихъ красивыхъ глазъ я не видѣлъ нигдѣ и никогда... — Мелхола! у тебя красивыя ушки! Я нигдѣ и никогда не видѣлъ та-

ких хорошеньких ушек!... — Мелхола! у тебя очаровательныя губки! Мнѣ в жизни не приходилось видѣть таких прелестных губок! — Мелхола! у тебя красивыя груди! Много дѣвушек в Израилѣ, но равной тебѣ нѣтъ!...

И вот теперь Мелхола принадлежала другому!... Другой цѣлует эти губки! Другой глядит в эти глаза, другой прижимает это стройное горячее тѣло, трепещущее от сдерживаемой страсти!... Слова любви другого слушают эти милыя ушки, так прелестно выглядывающія из копны свѣтлых, как у Давида, волос...

Ревность мучила Давида. Да, он царь, но на что ему царство, если он безсилен даже отнять свою жену у чужого человека!... Стоит ли быть и царем послѣ этого! Стоило ли проливать потоки крови! Какое, в сущности, счастье даѣо это царство?... Не был ли он в тысячу раз счастливѣе с Мелхой?...

Когда на слѣдующій день египетскій купец Го-Тем пришел к царю Давиду, то получил слѣдующій отвѣтъ:

— „Хорошо, Авенир, я заключу союз с тобою, только прошу об одном: именно — ты не увидишь лица моего, если не приведешь с собою Мелхолы, дочери Саула, когда придешь увидѣться со мною“*).

По уходѣ купца Давид долго ходил по своей спальнѣ. Только теперь ему пришло в голову, что сдѣланное им важно и в политическом отношеніи: всѣ как-то позабыли, что он зять прежняго царя! Зять почти то же, что сын, и он, Давид, как такой близкій родственник покойнаго царя, имѣет полное право быть законным наслѣдником Саула. Почти то же право, что и Иевосфей, и во всяком случаѣ большее, чѣм сыновья наложницы Риццы!...

Затѣм Давид думал, как произойдет сліяніе обоих царств. Оно должно произойти естественно, незамѣтно, без потрясеній и, именно ради этого, прочно на вѣки! — Авенир останется правителем царства израильскаго так же, как Иоав царства Іудейскаго. Оба, конечно, под верховным правленіем его, царя Давида. Этим, кстати, будет рѣшен спор

*) Гл. 3, ст. 13.

между обоими полководцами: их области будут различны, и ни один из них не будет выше другого. Иоав будет первым в Иудѣ, а Авенир первым в Израилѣ... Трудно было придумать лучший выход из труднаго положенія.

Царь был доволен. Он взял египетскую арфу, свой самый любимый инструмент, и красивые звуки музыки и пѣнія наполнили комнату и сад. Всѣ останавливались и шопотом говорили:

— Слышите? — Это поет царь! Как хорошо!

Радость нераздѣленная только пол радости — Давид поставил арфу и направился в женскій дом. Сначала он шел рѣшительным широким шагом, потом пошел медленно, наконец остановился... К кому он пойдет? Будь здѣсь Мелхола, разумѣется, он не стал бы раздумывать, но теперь?... К толстухѣ Ахиноамѣ?... Но она будет смотрѣть влюбленными глазами, думать и говорить только о том, что хотя и незнатнаго рода, но предпочтена всѣм женам царя... К царевнѣ Маахѣ, у которой бывают минуты безпричинной радости и минуты безпричинной злобы?... К Авиталѣ? — Но у нея кромѣ длинных волос ничего нѣтъ... Самая скучная из жен, и непонятно, как он мог ею увлечься!... Хотя воспоминаніе об Авиталѣ нѣсколько разожгло Давида: кромѣ волос у нея было удивительно упругое тѣло... Но развѣ она поймет? К Эглѣ? — У этой Эглы своя жизнь! Это единственная из жен, которая страстна, когда ей хочется, и холодна, как лед, если не в расположеніи. Которая может быть нѣжна, может быть отвратительна, у которой все зависит от настроенія. Которую нельзя ни запугать, ни разогрѣть ласками... И если он теперь, желая излить хоть бы частичку души, пойдет к ней, то, возможно, она выгонит его вон! Это единственная из жен, которая не боится его, царя и повелителя, ни на десятую долю мизинца, и которую нельзя утратить никакими наказаніями...

Порыв чувственности охватил молодого царя и он рѣшительно направился к Эглѣ.

Войдя в женскій дом, он первую встрѣтил Авигею, бывшую жену Навала. Авигея улыбнулась, протянула ему обѣ руки и опустила глаза. От улыбки на щеках проявились прехорошенькія ямочки.

— Царь! ты здѣсь?!...

Она нагнулась и лукаво заглянула в лицо Давида, глядя снизу вверх.

— К кому?... Чье сердце притянуло сердце моего царя?...

Авигея прижалась тѣлом к Давиду и тихо и влюбленно прошептала:

— Красавица-царя...

Давид смотрѣлъ на нее и молчал. Потом нагнулся и почему-то прошептал:

— Пойдем... к тебѣ, Авигея...

Когда они шли рука об руку по корридору, одна из дверей открылась и оттуда вышла своенравная Эгла. Она посмотрѣла прямо в глаза Давиду, громко, саркастически засмѣялась и, едва они прошли, хлопнула дверью с такой силой, что задрожали стѣны и в нѣскольких, сразу послѣ этого открывшихся дверях, показались испуганные или удивленные женскія лица. Евнух, толстый человѣкъ высокаго роста, выбѣжал из ближайшаго корридора и подбѣжал к царю, ожидая приказанія. Тот остановился и холодным спокойным голосом приказал:

— Сейчас же посадить Эглу в темную башню. Выпустить завтра послѣ захода солнца. Не давать ей ни ѣсть, ни пить все это время.

Отдавши это приказаніе, Давид, не обращая вниманія на Авигею, направился к выходу из женскаго дома. Авигея, понявъ настроеніе царя, прошла в свою комнату. Это понравилось Давиду и он, остановясь, позвал ее:

— Авигея, иди сюда!

Когда она подошла, он так же громко, не обращая вниманія на присутствующих, сказал:

— Иди со мною, Авигея.

Оба вышли из женскаго дома и через сад прошли ю дворец. Через нѣсколько времени ужасный крикъ огласил женскій дом, сад и дворец. Давид пріостановился и, улыбаясь, сказал:

— Эглу тащат в башню. Своенравная женщина...

Через два часа Авигея возвратилась в женскій дом, а ночью Эгла принимала в башнѣ неожиданнаго посѣтителя: в совершенной темнотѣ в замкѣ зазвѣл и заскрипѣлъ ключ, и

Эгла, испуганная, что ее будут съѣчь, — что уже бывало, — вскочила с досок, на которых лежала. Массивная дверь медленно открылась, и в дверях появился сторож, державший в руках масляную лампу. Сзади сторожа был еще кто-то, и у Эглы мелькнула мысль: — ну, конечно! палач! — Но в это время раздался красивый гармоничный голос?

— Ты, Эгла, принимаешь гостя?

На это послѣдовал отвѣтъ, заставившій сторожа ухмылянуться и едва удержаться от громкого смѣха:

— Ко всѣм чертям всѣ эти гости! И ты и твои палачи. — всѣ убирайтесь ко всѣм чертям!

Царь, взяв из рук сторожа лампу, вошел, и сторож закрыл за ним массивную дверь. Царь и Эгла остались одни...

Солнце уже взошло, когда Давид и Эгла вышли из башни. Когда они спустились вниз, Эгла, не обращая вниманія на сторожей, евнухов и тѣлохранителей, порывисто обняла Давида и сочно поцѣловала его в губы. Тот позволил себя поцѣловать, потом обнял ее в свою очередь и прошептал:

— У! ненасытная!

Авенир.

Авенир получил отвѣтъ царя Іуден. С одной стороны, он жалѣлъ, что начал это дѣло, — было жаль царя Іевосфея и он боялся соперничества и мести Іоава, — но с другой стороны видѣлъ, что иного выхода не было, так как подданные Іевосфея как то сами собой, естественно считали Давида также своим царем. Обѣзжая города, Давид нерѣдко заѣзжал в пограничные города Израильскаго царства, и всегда ему был истинно царскій прием, если принимать во вниманіе только энтузіазм населенія, и не обращать вниманія на отсутствіе официальных влатель. Народ сбѣгался сам, без всяких оповѣщеній, и кричал: „да здравствует царь Давид!“ Возможно, что если бы Давид вздумал пріѣхать в столицу Іевосфея, то его приняли бы, как царя и там, — народ не дѣлал строгаго различія между двумя царями...

Что слѣдовало дѣлать Авениру при таких условіях?...

Долго ли он мог еще охранять царство в домѣ Саула? Тѣм болѣе, что царь Іевосфей был слаб здоровьем и не имѣлъ дѣтей. Наслѣдником считался ребенок-калѣка, сын Іонафана, но какво было разочарованіе всѣх, видѣвших этого будущаго царя! Царь, в умах всѣх людей того времени, представлялся ростом, силой и красотою лучше всѣх, — какой же он царь, если есть болѣе высокіе чѣм он, есть болѣе сильные, болѣе ловкіе, болѣе искусные в верховой ѣздѣ и в умѣніи владѣть оружіем, болѣе красивые чѣм он!... Это казалось вполне естественным! Саул вполне подходил к этому идеалу: если он и его придворные были вмѣстѣ, то никому не приходило в голову спрашивать: который из них царь? — Тот, кто лучше всѣх, тот, кто красивѣе всѣх, кто выше всѣх, кто ѣдит лучше всѣх, кто мечет копьё так, что никто не сравнится с ним — это и есть царь! Иначе он не мог быть царем! Это понятно каждому!

Идеалу царя отвѣчал и Іонафан: послѣ своего отца он был самый высокій и самый прекрасный из всѣх! Послѣ него шел главный полководец государства, ростом лишь немного меньше царя и наслѣдника, лишь чуть уступающій им по силѣ и красотѣ: вполне понятно, что он не царь, но только полководец!

Давид был высок, но много было таких, как он. Но зато Давид был красив! И, во время военных игр, — в которых, правда, не принимали участія ни сам царь Саул, ни наслѣдник престола Іонафан, ни главный полководец Авенир, — во время этих игр Давид всегда был первым. И, слѣдовательно, он также мог быть кандидатом на престол.

Но вот Саул умер, и на престолѣ Іевосфей. Правда, царская порода в нем видна! Он высок, он красив! Но он ходит, опираясь на палку, он говорит тихим голосом, — а голос Саула гремѣлъ, как боевая труба.

С Іевосфеем еще, в крайности, можно было бы помириться, так как он тѣлом и лицом напоминалъ отца, но помириться с мыслью, что этот ребенок, ходящій на костылях, ребенок с грустными глазами, вздрагивающій при всяком внезапном звукѣ, что этот ребенок будет царем Израиля... Нѣтъ, эта мысль не улаживалась в умы, и народ естественно тянулся к герою, побѣдившему десятки тысяч еще в юности, Давиду.

Были еще сыновья Саула, красавицы — мальчики, дѣти Риццы... Но она наложница...

Были, наконец, внуки, дѣти дочери Меровы... Но это значит идти чуть ли ни в дѣс или пустыню разыскивать царя в Израилѣ в то время, когда в Иудеѣ правит Давид, царь вполне подходящий под понятіе народа о царѣ: лучший среди самых наилучших...

„Ты не увидишь лица моего, если не приведешь с собой Мелхолы, дочери Саула“, — таков был отвѣтъ Давида. Требованіе ясное и опредѣленное: Царь Иудеи желает переговоров; он желает вести эти переговоры лично с Авениром; непремѣнным условіем начала переговоров служит привоз Мелхолы в Хеврон, столицу Иудеи.

Авенир вполне оцѣнил правильность всѣх трех условій: Давид будет говорить с правителем Израильскаго царства не как чуждый этому царству, но как зять прежняго царя...

Помолчав, Авенир так отвѣтил послу Давида:

— Передай царю Давиду, что необходимо особое, официальное посольство из знатных людей к царю Иевосфею: только он один в государствѣ может выдать свою сестру иностранному государю.

Посол помолчал и спросил:

— А если не выдаст?

Авенир гордо поднял голову:

— Как это „не выдаст“? — Если я говорю, то говорю!

Посол молча поклонился.

Через час Авенир входил к царю Иевосфею. Царь и прежде боялся своего энергичнаго правителя, но послѣ исторіи с Риццой вздрагивал всякій раз, когда слышал голос Авенира. Но он превозмогал себя и был к нему ровен и ласков, понимая, что правитель не только необходим, но и искренно предан дому Саула.

— Что, Авенир, привело тебя ко мнѣ? Вѣроятно, что нибудь очень важное, что ты пришел не в урочный час?

Авенир, сдѣлав обычный низкій поклон и коснувшись пальцами лѣвой руки земли, сказал:

— Да, царь! Дѣло важное, необходимое и, до извѣстной степени, не терпящее отлагательства. — Разрѣшишь съѣсть, царь? —

Іевосфей заторопился:

— Конечно! конечно! Никогда не сиропивай, Авенир, — ты для меня теперь, как второй отец!

Сѣв и нѣкоторое время помолчав, обдумывая, в какой формѣ слѣдуетъ поднести извѣстіе о требованіи Давида, Авенир начал:

— Да, царь! — Дѣло серьезное и необходимое, котораго мы не можем не исполнить, желали бы мы или нѣтъ! — До меня дошло, независимо от того, кружным путем, что царь Давид вскорѣ придетъ специальное посольство просить прислать ему его бывшую жену Мелхолу. Я полагаю, что мы не можем противиться этому. Напротив, — надо воспользоваться благопріятным случаем для того, чтобы установить дружественныя отношенія с царем Давидом, так как лишь тогда ты можешь царствовать вполне спокойно. Ты, царь, человѣкъ умный и вполне понимаешь наше положеніе: народ смотрит на Давида, как на законнаго наследника престола. Ты, как родной сын всѣми любимаго царя Саула, еще пользуешься любовью и уваженіем народа, но что будетъ дальше, послѣ твоей смерти, сказать трудно... Во всяком случаѣ Давиду отказать нельзя в этой его просьбѣ, первой, со времени раздѣленія царств. Говоря между нами, с глаза на глаз, слѣдуетъ сознаться, что бороться с нимъ нелегко просто потому, что воины не хотятъ сражаться с войсками героя Давида!... Мы пробовали защищаться силой, но силы измѣняются нам. Его былия и нынѣшнія побѣды, его красота, ласковость, умѣнье обращаться с народомъ как бы околдовали, очаровали этотъ народ. Надо, законную жену, и мы отправляемъ ее с блестящимъ посольствомъ, чтобы доказать, что ты не имѣешь никакихъ завоевательныхъ цѣлей. Я самъ встану во главѣ посольства, чтобы подчеркнуть, какое важное значеніе мы придаемъ возможности жить с сосѣднимъ царствомъ в мирѣ. Но я же тамъ необходимъ, и для того, чтобы заключить союзъ на вполне равныхъ условіяхъ, чтобы отнюдь это все не означало даже намека на какое нибудь подчиненіе: пока ты живъ, — а пусть Господь дастъ те-

бѣ еще долгіе года,—ты должен оставаться самостоятельным и независимым государем, а за это время мы посмотримъ, что надо будетъ дѣлать дальше. Разъ измѣнила сила, то надо прибѣгать къ уму, а я считаю въ настоящее время самымъ разумнымъ наше полное согласіе на просьбу царя Давида.

Іевосфей, какъ всегда, когда онъ слушал, отбивалъ своими длинными и тонкими пальцами мелкую дробь по мраморной доскѣ стола. Какъ всегда же, эти пальцы слегка дрожали, и поэтому нельзя было замѣтить, насколько взволнованъ царь. Помолчавъ, онъ тихо спросилъ:

— Но развѣ мы можемъ отправлять Мелхолу помимо ея согласія и согласія ея мужа Фалтія?

Авенир усмѣхнулся:

— Фалтія, разумѣется, никто не будетъ спрашивать!... Да нельзя спрашивать и Мелхолу: интересъ страны выше личныхъ чувствъ одного человѣка. Да, наконецъ она такъ любила Давида, что едва ли съ ея стороны встрѣтится какое нибудь препятствіе. Но если бы и встрѣтилось, то нельзя обращать вниманіе на женскіе капризы, хотя бы эта женщина даже была дочерью царя.

Іевосфей тихо отвѣтилъ:

— Насколько я знаю, Фалтій ее любитъ, и она любитъ Фалтія. Мнѣ жаль ихъ.

Авенир серьезно отвѣтилъ: —

— На войнѣ, царь, приходится убивать. Жаль людей, жаль красивыхъ дѣвушекъ, которыхъ насилуютъ и убиваютъ воины, — но, къ сожалѣнію, безъ этого нельзя обойтись...

Авенир поднялся, показывая, что разговоръ конченъ и дѣло рѣшено, — царю надо было лишь повиноваться. Вставъ, онъ склонился въ низкомъ официальном поклонѣ и вышелъ.

Счастье быть царевичемъ и царемъ.

По уходѣ Авенира царь всталъ и медленно, опираясь на палку, началъ ходить по комнатѣ. Нѣсколько разъ онъ повторилъ старинную египетскую поговорку:

Чѣмъ такъ жить, такъ лучше умереть...

Но смерть не приходила. Ему теперь сорокъ два года и,

хотя он чувствует себя слабым, но таким он был и двадцать лѣтъ назад, поэтому, возможно, он проживет еще двадцать лѣтъ, если не больше. Иногда подгнившее дерево еще долго скрипит... Вот уже два года, как он царь... Для него это слово является только насмѣшкой... Имѣл ли он за эти два года царства хотя недѣлю, в общей суммѣ, чистаго счастья? Сдѣлался ли он счастливѣе, чѣм до него? Было ли счастье вообще для него? — Быть может, в дѣтствѣ... Отец его не любил, пренебрегал им, при нем говорил, что это неудачный сын. Мать он едва помнил: он был болен, страдал, и вот над ним наклонилось какое то молодое женское лицо с большими, грустными глазами. Когда это лицо было близко, ему было легче, и он рученками тянулся к нему... Тянулся и звал: — мама! мама! С мыслью об этом лицѣ соединялось всегда облегченіе страданий. — Потом он этого лица не помнит, остались чужія равнодушныя лица... Он был самый загнанный из дѣтей царя. У него уже в раннем дѣтствѣ составилось крѣпкое убѣжденіе, что одним из самых больших несчастій на землѣ, это быть царским сыном.

Так прошло дѣтство и отрочество. Не лучше была и юность. У его матери, умершей, когда ему было два года, не было больше дѣтей, а с другими дѣтьми он не мог подружиться просто потому, что его не принимали в компаньоны игр: по их мнѣнію он не умѣлъ бѣгать, спотыкался, падал, был глуп. Ему это высказывали и прямо кончали: — убирайся и не мѣшай! — Чрезвычайно впечатлительный от рожденія, он уходил не только в этот раз, но уже вообще не рѣшался приблизиться к играющим дѣтям в теченіи долгих мѣсяцев. Новая робкая попытка кончилась, как и прежнія: — убирайся и не мѣшай! — Юношей он был один, совершенно один. Иногда отец, игравшій и шутившій с дѣтьми, с досадою замѣчал ему:

— Ну, чего прячешься? Чего смотришь изподлобья? — Эх, ты! неудачник!

Юность кончилась, и настал зрѣлый возраст. Отец женил его сразу на трех дѣвушках. Эти дѣвушки нравились ему, но он боялся к ним приблизиться. Онѣ не поссорились между собою, как это обыкновенно дѣлают жены, но подружились и, кажется, только потому, что всѣ три не любили его. Иногда он

приходил в свой дом и слышал, как онѣ шутили и смѣялись. Он стоял, и его сердце билось: какое бы это было счастье, если бы онѣ приласкали его! Ему вѣдь нужно было так мало! Но когда он входил, всѣ три дѣлались серьезны, смѣх и шутки уже не слышались, и ему казалось, что онѣ только ждут, чтобы он скорѣе ушел. Ему казалось, что он им противен, как скользкая и холодная лягушка...

Так он дожил до сорока лѣтъ. Тогда отец и братья были убиты, и Авенир, даже не спросив, сдѣлал его царем... Жизнь сдѣлалась лучше послѣ этого? Нѣтъ, хуже! — Прежде он мог забиться в свою нору, и никто не интересовался, гдѣ он; мог гулять по ночам в саду, когда всѣ спали, и никто не наблюдал за ним... Теперь день и ночь его охраняет стража, точно преступника, и когда он сказал об этом Авениру, тот засмѣялся и сказал, что иначе нельзя, что он царь, и его жизнь драгоценна... Его, конечно, никто не задерживает, когда он ночью выходит в сад, но офицер и нѣсколько воинов издали, не спуская с него глаз, слѣдуют за ним. Один раз он их прогнал прочь, но они лишь отошли дальше, а на утро Авенир говорил о том, что люди исполняют свой долг, оберегая царя, что за это их надо хвалить, а не ругать... — Он говорил, а царь чувствовал себя провинившимся мальчиком...

Иногда мелькала мысль начать дѣйствительно править! Он, вѣдь, не слабоумен и иногда давал совѣты самому Авениру, причем тот, обдумав, всегда исполнял эти совѣты. И исполнял, разумѣется, не потому, что они даны царем, — Іевосфей всегда себя мысленно называл царем из тряпок, на подобіе дѣтских кукол, — но потому, что находил их умными. Иногда он не исполнял этих совѣтов, но всегда потом жалѣл и говорил:

— Как жаль, царь, что я тогда и тогда не исполнил твоего совѣта! Тогда бы этого не случилось!

В сущности, Авенир относился к нему очень хорошо, и даже прежній покровительственный тон его в послѣднее время, когда он больше познакомился с ним, начал переходить в почти дружескій. Да и в прежнее время он к нему относился не плохо. Нѣкоторым придворным доставляло удовольствіе дразнить и издѣваться над загнанным царским сыном, так как это им проходило всегда безнаказанно, и Іевосфей никогда не жаловался

отцу. Авенир никогда не дразнил его и всегда относился к нему так же фамильярно-почтительно, как и к другим царским сыновьям и дочерям.

Свѣтлым пятном на фонѣ жизни Іевосфея был Іонафан. Втайнѣ он обожал Іонафана, и тот как бы чувствовал это: ни одного грубаго слова, всегда ласковая улыбка, часто мелкіе подарки... Но Іонафан был всегда или занят или окружен другими людьми. Он был идеалом Іевосфея, идеалом, к которому тот боялся даже приблизиться, — не из-за него самого, но из-за этих чужих, окружавших его людей, смотрѣвших так зло на робкія попытки Іевосфея приблизиться и заговорить „со вторым царем Израиля“, как часто называли Іонафана в послѣднее время, когда утомленный Саул поручал ему правленіе государством.

Царь лег на мѣховое ложе, но мысли не оставляли его. — Конечно придется послать Мелхолу, — Авенир в этом прав... Но как жаль Фалтія! Это один из самых симпатичных людей!... Он, возможно, не переживет этой разлуки... Мелхола для него идет сейчас послѣ Бога... Если даже не перед Богом... У него она единственная жена, и он даже разсердился, когда ему как то сказали, что неудобно, когда такой богатый и уважаемый человекъ имѣет только одну жену.

— Это может говорить только тот, кто не знает Мелхолы!

Счастливый человекъ! — Мои три жены, послѣ того, как я сдѣлался царем, стали слаще меда, но развѣ я не вижу, что противен им, как и прежде?...

Будет она счастлива с Давидом? — Я думаю, нѣтъ! — У того уже шесть жен и нѣсколько десятков наложниц. Каково ей будет дѣлить его со всѣми ими... И это послѣ того обожанія, которое она видит и чувствует в каждом словѣ и каждом жестѣ ея нынѣшняго мужа Фалтія, который боится ей измѣнить, как дѣвушка боится потерять свою дѣвственность...

Конечно, послѣ моей смерти Израильское царство перейдет к Давиду, но что будет с моими дядями, братьями царя Саула? Что с сыновьями от Рицпы? Что с дѣтьми Меровы?...

Конец счастья...

Приказаніе царя поразило Фалтія, мужа Мелхолы, как громом! — Она, — часть его жизни, часть его тѣла, часть его души, должна покинуть его и отправиться к Давиду! Фалтій в юности еще любил Мелхолу. „Любил так, что другія женщины, — как женщины, а не как люди, — не существовали для него. Ради нея он остался дѣвственником и ради нея, сдѣлавшись ея мужем, не знал других женщин, считал бы себя недостойным ея, если бы согрѣшил с другой. Его счастьем не было предѣлов, когда, послѣ бѣгства Давида, царь Саул отдал ему Мелхолу. Сначала это было самое странное супружество, какое существовало в Израилѣ: Мелхола любила Давида и была безутѣшна, а новый муж, как святыню, берег всякое горе своей жены, хотя бы это даже было горе по сопернику. Больше полугода он не прикасался к ней, хотя и был законным мужем. В концѣ добился сначала ея жалости, потом уваженія и, наконец, любви... Сначала она позволила цѣловать руки и ноги, но ночью запирала задвижку. Потом повѣрила ему и не запирала дверь своей спальни. Потом... потом сдѣлалась его женой... Добровольно, по любви к нему и по уваженію... Любовь и уваженіе у нея слились воедино так, что их нельзя было больше раздѣлить. Она была счастлива в объятіях мужа и счастлива, ожидая его. Саул часто говорил, что завидуетъ ему и завидуетъ ей. Но ему вообще везло относительно дочерей: Мерова была также безконечно счастлива, и царь Саул иногда думал, не счастливѣе ли одноженцы, чѣм многоженцы, каким был он?... И называл счастье одноженцев глубоким, а счастье многоженцев широким.

Они часто говорили о Давидѣ, и Мелхола с грустью признавалась, что теперь, когда знает, что у Давида нѣсколько жен и еще больше наложниц, она, даже если бы к ней не пришло счастья в лицѣ Фалтія, не пошла бы к Давиду.

— Или все, или ничего! Я не могла бы дѣлать его, как не могу дѣлать тебя! Я плакала и страдала, когда он бѣжал, хотѣла бѣжать к нему, и меня держали взаперти, но счастье ждало меня. и это счастье был ты! Рано или поздно Давид бы

измѣнил мнѣ, нашел бы другихъ жен, и я никогда бы не могла этого прстить!...

Счастье казалось такъ безконечно, и вдругъ этотъ приказ!

Когда прѣхали царскіе воины для сопровожденія Мелхолы къ царю Іудей, сѣлъ на мула и Фалтій. Офицер, начальник конвоя, с улыбкой спросилъ его:

— Ты, кажется, лично хочешь представить твою жену царю Давиду?

Всѣ бывшіе кругомъ засмѣялись. Фалтій взглянулъ на жену и, увидя ея полныя слезъ глаза, не выдержалъ, и по его щекамъ покатались слезы. Онъ не обратилъ вниманія на насмѣшки и поѣхалъ сзади конвоя, такъ какъ ему не разрѣшили ѣхать рядомъ с Мелхолой. Много разъ офицеръ, уже серьезный, такъ какъ искреннее горе тронуло его, пытался уговаривать Фалтія вернуться домой, но эти уговоры вызывали только новыя слезы.

— О! Если бы ты зналъ, что она для меня!

Мелхола прятала свое лицо подъ длиннымъ покрываломъ, но когда поднимала его, то видно было, что она такъ же безутѣшна, какъ ея мужъ.

Такъ доѣхали до города Бахурима, гдѣ къ нимъ долженъ былъ присоединиться Авенир. Увидя Фалтія, онъ удивился:

— Ты ли это, Фалтій? Но почему же ты здѣсь?... Или ты такъ думаешь ѣхать до самого Хеврона?... Немедленно поѣзжай назад!

Прощаясь, Фалтій прижалъ къ рукѣ Мелхолы и не могъ оторваться отъ этой руки. Она, крытая покрываломъ, гладила его голову и тихо говорила:

— Прощай, Фалтій, прощай! Не плачь, мой дорогой — я тебя не забуду, не забуду то счастье, которое ты мнѣ дал... Ты былъ лучший изъ людей, кого я знала въ моей жизни. Лучшій изъ всѣхъ! Слышишь? — Изъ всѣхъ! Безъ исключенія! Слышишь?...

Раздался громкій голосъ Авенира:

— Фалтій! твой мулъ ждетъ тебя!

Тогда Фалтій, покачиваясь, какъ пьяный, вышелъ изъ комнаты. Онъ выѣхалъ изъ города, но ждалъ, притаясь у бугровъ. Ждалъ и видѣлъ, какъ на бѣломъ верблюдѣ колыбалась палатка изъ роскошной красной матеріи. Кругомъ ѣхали всадники, и впереди ихъ

можно было узнать молодую юношескую фигуру и сѣдую бороду Авенира...

„И послал Іевосфей, и взял ее от мужа, от Фалтія, сына Лаишева. — Пошел с нею и муж ея, и с плачем провожал ее до Бахурима. Но там Авенир сказал ему: ступай назад...“

Прежде всего политика.

В двери комнаты, гдѣ находился царь Давид, робко посту-чали. Царь не любил, когда его тревожили не во время пріем-ных часов, и в другое время смѣльчаку бы не сдобровать, но в этот раз было нѣчто дѣйствительно важное: вошел дежурный офицер стражи и неувѣренным голосом сказал:

— Ты, царь, приказал доложить во всякую минуту, если пріѣдет Авенир, правитель Израиля, и...

Тут офицер остановился: как слѣдовало доложить о Мел-холѣ? — Твоя жена Мелхола? Твоя бывшая жена Мелхола? Дочь покойнаго царя Саула, Мелхола?

Царь строго смотрѣл на него:

— Авенир, правитель Израиля, и...?

Испуганный офицер заторопился и сказал лишь одно имя:

— И Мелхола!

Давид презрительно улыбнулся:

— Кто это Мелхола?

Тогда офицер выпалил сразу всѣ титулы, даже лишніе, о которых слѣдовало умолчать:

— Мелхола, дочь покойнаго царя Саула, твоя бывшая же-на, нынѣ жена Фалтія, сына Лаишева...

Лишь сказавши, офицер сообразил, какую нетактичность он сдѣлал, но сказаннаго уже нельзя было вернуть. Он стоял на вытяжку и смотрѣл прямо в глаза Давиду. А тот, опять пре-зрительно улыбнувшись, сказал:

— Передай Сафатію, начальнику стражи дворца, чтобы он никогда не посылал ко мнѣ глупых офицеров. — Этими сло-вами и передай ему мое приказаніе. — Иди, и чтобы я тебя болѣе не видѣл во дворцѣ.

Давид прошелся по комнатѣ и ударил в серебряную до-

щечку маленьким молоточком. Немедленно вошел новый офицер.

— Мою жену Мелхолу, дочь царя Саула, помѣстить в помѣщеніе, уже назначенное мною для нея. Авенира, полководца моего тестя царя Саула, и его слуг, прѣхавших с ним, помѣстить также в помѣщеніях, указанных мною смотрителю дворца. Через час чтобы была готова легкая закуска и, когда моя жена и полководец царя Саула Авенир явятся туда — доложить мнѣ. Слуг их угостить теперь же в своих помѣщеніях. Иди.

Царь был на вид совершенно спокоен, но его пальцы отбивали частую дробь по ручкѣ кресла из слоновой кости, на котором он сидѣл. Он думал: — свершилось! Я царь над всѣм Израилем! Но что мнѣ дѣлать с Іевосфеем?... Время, впрочем покажет... Главное Авенир, а Авенир теперь мой! Я опять зять царя Саула и, слѣдовательно, его законный наслѣдник... Хорошо, что Іоав и Авесса теперь в походѣ — они могли бы причинить непріятности и вызвать даже затрудненія... Авенир и Іоав слишком большіе звѣри, чтобы им быть вмѣстѣ. Но я стѣмѣю их разъединить! Авенир будет править Израилем в Маханаимѣ, ибо ничто не должно по внѣшности измѣниться в царствѣ Израильском, лишь вмѣсто царя Іевосфея будет царь Давид... Опасно лишь первое время, а там я стѣмѣю смирить Іоава! Не будь я Давид, чтобы могло случиться иначе, чѣм я хочу!

Молхола, как женщина, не возбуждала в Давидѣ прежних чувств. Быть может, виною были глупыя рѣчи только что изгнаннаго офицера, напомниваго, что есть какой то Фалтій, который еще вчера обнимал и цѣловал ее... И хотя дни этого Фалтія сочтены, — если он не догадался убѣжать в Египет или Ассирію, — но воспоминаніе о нем осталось... Там вообще придется кое кого устранить... Сам Іевосфей не страшен, но дѣти Рицпы обѣщают пойти по талантам в своего отца... Тоже дѣти Мерovy... Вообще Мерова еще горько вспомнит, что пренебрегла мною... Но это потом... Будем надѣяться, что я проживу еще не год и не два...

Через час офицер доложил:

— Твоя жена Мелхола, царь, — дочь царя Саула, — и его полководец Авенир почтительнѣйше ждут тебя в столовой.

Царь поднялся, строгій и величественный, и медленно пошел в столовую, предшествуемый офицером, который поспѣшно выскочил и доложил в столовой: — царь Давид! — почти в то время, когда тот уже входил в столовую.

Там ждал Авенир, ждала Мелхола и нѣсколько из наиболѣе близких придворных. Войдя, царь подошел к Мелхолѣ, которая стала на колѣни, и протянул ей руку. Когда она поцѣловала эту руку, Давид нагнулся, поцѣловал ее в голову и милостиво сказал:

— Встань, Мелхола! — Ты моя жена перед Богом и перед людьми!

Затѣм он протянул руку и Авениру, также ставшему на одно колѣно, и тот, принимая и цѣлуя руку царя, невольно улыбнулся, так ему было странно цѣловать руку Давида, того мальчика, который прямо от овец пришел во дворец и играл перед царем на египетской арфѣ...

Теперь была лишь легкая закуска, а пир был назначен на другой день. Послѣ закуски царь позвал Авенира в свой кабинет, и они проговорили болѣе трех часов наединѣ. Царь Давид, официальный и торжественный во время закуски, был неузнаваем: уже при входѣ Авенира он быстро поднялся ему на встрѣчу, взял его за руку, подвел к креслу рядом с собой и почти насильно усадил в это кресло.

— Здравствуй, Авенир! Сколько воды утекло в Иорданѣ за тѣ года, что мы не видѣлись! Помни, Авенир, и никогда не забывай: как я уважал твоего покойнаго царя и друга Саула, так я уважаю тебя. Ты для меня не слуга, но друг, как ты был не слугой, а другом для царя Саула. И, если ты будешь относиться ко мнѣ, как относился к покойному царю, то наша дружба будет с каждым годом тверже и крѣпче! Ты знаешь, что ко мнѣ очень близок Иовав, а я знаю, что несчастный случай заставил тебя убить его брата Асанла. Но повѣрь мнѣ, что я съумѣю сдѣлать так, что и ты, и Иовав будут вполне довольны. Не думай, Авенир, что я против тебя за то, что ты предпочел мнѣ Саулова сына и посадил его на царство в Израилѣ. Не думай: я знаю, что это был твой долг перед царем

Саулом. Но ты позабыл одно: то, что пророк Самуил помазал меня на царство во всем Израилѣ священнымъ елеемъ, взятымъ отъ Скинии Завѣта... Не твоя вина, что изъ дѣтей Саула остался лишь этотъ Іевосфей, совершенно не годящійся въ цари... Ты клялся вѣрности царю Саулу и свято выполнилъ эту клятву. Изъ этого я знаю, что, когда ты поклянешься передъ Скиніей Завѣта вѣрности мнѣ, — то эта клятва твоя будетъ выполнена тобою такъ же свято, какъ въ свое время клятва царю Саулу. Я склоняюсь передъ твоей вѣрностью и твоей правдой, Авенир!

Царь поднялся и отвѣсилъ Авениру, также вскочившему съ мѣста, низкій поклон, коснувшись рукой пола. Авенир был пораженъ и не зналъ, что дѣлать, но Давидъ уже взялъ его за руку и опять насильно посадилъ на кресло.

— Садись, Авенир. Мы теперь одни, и это не официальный пріемъ въ присутствіи многихъ людей, передъ которыми всегда надо играть комедію, такъ какъ иначе они зазнаются, и ихъ будетъ трудно усмирить. Ты не изъ числа подобныхъ людей, и я знаю, съ кѣмъ говорю! — Я знаю, Авенир: лишь полное и ясное сознаніе того, что Іевосфей не на своемъ мѣстѣ, привело тебя ко мнѣ. Ты боролся, сколько могъ, и я уважаю тебя за эту борьбу. Но теперь слушай мою мысль: прежде всего помни, что мы говоримъ наединѣ, — мужъ разсудка и ума къ мужу разсудка и ума! Мы будемъ понимать одинъ другого съ полуслова, и мнѣ не придется тратить лишнихъ словъ. Слушай же: народъ Израіля чтитъ меня, какъ царя, въ той же степени, какъ и народъ Іуды. Лишь твоему разуму, силѣ воли и талантамъ удавалосьъ удерживать этотъ народъ отъ провозглашенія меня царемъ всего Израіля, царемъ, какимъ былъ царь Саул. Въ теченіе двухъ лѣтъ слабоумный Іевосфей...

Давидъ замѣтилъ, что Авениръ рѣзко повернулся, желая что то сказать, и обратился къ нему, прервавъ свою рѣчь:

— Говори, Авенир, говори! Я жду!

— Іевосфей боленъ тѣломъ, но онъ не слабоуменъ, царь!

— Пусть! Пусть! Не спорю съ тобой. Но все таки, развѣ таковъ долженъ быть царь, когда весь народъ еще поѣмнитъ красавца, умницу и богатыря Саула? Я хочу сказать, въ похвалу тебѣ, что какова должна была быть твоя сила надъ народомъ, что ты сдѣлалъ

сохранить дому Саула двѣ трети прежняго государства! Сохранить тогда, когда рядом в Іудеѣ правит помазанный Господом царь Давид, извѣстный каждому человѣку в Израилѣ! Давид, о котором составлены легенды, о котором поют пѣсни и во имя котораго водят хороводы! Ты видишь: я не скуплюсь на похвалы себѣ, но это похвалы тебѣ, сьумѣвшему, несмотря на все это, сдѣлать то, что ты сдѣлал дому твоего друга и повелителя! За это я и преклонился перед тобою, Авенир!

А теперь слушай: я понимаю, что послѣ этого всего ты не можешь быть вторым в государствѣ, но ты знаешь, что не может быть вторым и Иоав, — ни по своим заслугам передо мною, ни по своему уму и талантам, ни по своему, наконец, характеру. И вот я хочу сдѣлать так, что первыми вы будете оба: он в Іудеѣ, а ты в Израилѣ. Он будет жить в Хевронѣ, а ты в Маханаимѣ. Ты два года управлял Израилем, — управляй им и дальше! Разница лишь в том, что тогда считался царем Іевосфей, а теперь будет считаться царем Давид.

Давид улыбнулся и пояснил:

Ты, разумеется, знаешь разницу между мною и Іевосфеем! Но народ не должен замѣтить разницы. Должно выйти, что в сущности Давид был всегда царем, а с Іевосфеем было только так... дань имени царя Саула... Был сын, а теперь зять покойнаго царя... Не измѣнилось ничто, и Давид помазанный царь всего Израиля. Мои слова, быть может, тебѣ кажутся нѣсколько запутанными, но я ими хочу передать нѣсколько запутанныя понятія израильтян, которые знают, что был Авенир и есть Авенир, а царь, конечно, Давид, зять покойнаго царя, помазанный на царство самим Господом через посредство его пророка Самуила... Разумеется, я вскорѣ поѣду по городам Израильскаго царства. Разумеется, ты будешь сопровождать меня, как в свое время сопровождал царя Саула. Разумеется, я буду и в Маханаимѣ, и вездѣ меня будут встрѣчать по крайней мѣрѣ так, как в свое время встрѣчали царя Саула. — Ты понимаешь меня, конечно, в полной мѣрѣ, Авенир?

Давид встал и нѣсколько раз прошелся по комнатѣ. Встал и Авенир. Давид не усаживал его, даже не замѣтил того, что Авенир стоял, — он был слишком поглощен новой мыслью:

— Вот, Авенир!... Что мы будем дѣлать с Іевосфеем?...

Мнѣ не хотѣлось бы поднимать руку на сѣмя царя Саула, но не может же быть в одном царствѣ двух царей! — Скажи — как быть?...

Авенир тоже повторил:

— Да... как быть?... Пожалуй, вот как: ты поѣдешь по городам Израиля, и я вездѣ буду с тобою. Так, мало по малу, мы доѣдем до Маханайма, и там, во время твоего торжественнаго въѣзда, тебѣ выйдет навстрѣчу царь Іевосфей. Когда ты слѣзешь с мула, онъ преклонится перед тобой, своими руками снимет с себя корону и передаст тебѣ. А потом ты ему назначишь небольшой город, гдѣ он и будет безвыѣздно жить в чести и холѣ, почти как царь. Он будет счастливѣе, чѣм теперь, так как царство для него большая тяжесть при его болѣзнях и при его характерѣ.

Давид помолчал и задумчиво сказал:

— Если он согласится... Да, тогда это наилучшій из выходов...

Он помолчал опять и уже другим, веселым тоном сказал:

— Завтра я в твою честь устрою большое пиршество, послѣ чего и отпущу с миром. Я не ошибся в тебѣ, Авенир, и рад за тебя и за себя!

Когда Авенир склонился, прощаясь, в официальном покло-нѣ, Давид вдруг быстро подошел к нему, обняв и звонко поцѣловал в щеку, сказав растроганным голосом:

— Как отца моего!

На глазах его были слезы...

Мелхола.

Мелхола стояла среди своего новаго помѣщенія. Для нея поспѣшно строился днем, при свѣтѣ солнца, и ночью, при свѣтѣ факелов, отдѣльный флигель при женском домѣ дворца. Именно она жила в помѣщеніи начальника евнухов, которому было приказано выйти из квартиры лишь в том, что было на нем одѣто, для того, чтобы самая почетная из жен чувствовала себя не в пустом домѣ, но в жилой квартирѣ. С ней приказано было обращаться как с царицей. До сих пор этого почетнаго

титула не носила ни одна из жен, даже дочь Гессурскаго царя Мааха, чѣм она всегда возмущалась и что было даже причиной известной холодности между тестем и зятем.

Несмотря на этот вѣтшій почет, лицо Мелхолы было мрачно и брови сжаты. Изрѣдка на глаза наворачивались слезы, и тогда она их смахивала досадливым движеніем руки.

Да! Ея счастьем конец! Не долго же прожила она с ним! Она еще так молода, так полна сил! Гдѣ тот Давид, покорный любовник, с которым она жила в небольшой пристройкѣ к дворцу Саула? Да, там она была царица! — Еще болѣе она была царица с Фальгіем, которому платила любовью за его любовь. Любовью такой же страстной, преданной, нѣжной, какую он отдавал ей... Это время прошло и не вернется никогда... Нынѣшній Давид, царь Давид, — это чужой человѣкъ. Для нея он лишь царь, — начальник, владыка, повелитель и только... Давид муж, Давид преданный друг умер, его нѣтъ... Вот он только что ушел от нея: холодный, вѣжливый, корректный, — даже поцѣловал руку! — Какая честь! — Но она не нуждается в этой чести, ей не нужна милостыня!... Что она теперь? Жена? царица, как ея величают? — Нѣтъ, она снизошла до роли царской наложницы, исполнительницы прихотей царя, стала, наравнѣ с любимой лошадыю и собакой, царскою вещью! Любимую лошадь кормят и чистят, так как, быть может царю и повелителю вздумается прокатиться на ней, так и ее, царскую жену, держать в холѣ лишь потому, что быть может царю и повелителю придет прихоть приласкать ее...

И это она, Мелхола, дочь настоящаго царя, снизошла так глубоко и пала так низко!

Слезы наворачивались на глаза, и она сбрасывала их досадливым жестом руки.

Другая царская дочь.

Царю Іевосфею доложили:

— Твоя сестра Мерова, дочь царя Саула, просит твоего разрѣшенія, царь, повидать тебя.

Царь быстро поднялся, и радостная улыбка залила легкой краской его обычно блѣдное лицо.

— Проси, проси, зови ее сюда!

Вошла Мерова. Вот кому слѣдовало быть царицей! Вѣчно юная, время не касалось ее, хотя ей было уже тридцать лѣтъ, что для южанки было не мало. В сущности, для женщины она была слишком крупна, но так гармонично сложена, так граціозна, что лишь при сравненіи с другими видно, как она велика. Когда, еще при жизни Саула, она стояла рядом с отцом, то невозможно было представить болѣе царственной пары.

Как Ионафан был единственным братом, никогда не гнавшим Іевосфея, так Мерова единственной сестрой, ласковой к нему. Мелхола, напримѣр, даже кажется не знала о том, что он существует на свѣтѣ, но Мерова даже не раз упрекала его:

— Никто тебя не загонял! Ты сам загоняешь себя! Будь смѣл, и пред тобою склонятся, а ты робок и избѣгаешь людей! Чего ты дичишься? Чего ты прячешься от всѣх?...

Он почти подружился с ней, сдѣлавшись царем. Жаль, что они жили не в столицѣ, и поэтому приходилось рѣдко встрѣчаться, но если встрѣчались, то для Іевосфея эта встрѣча была, как струя свѣжаго воздуха.

Мерова сіяла молодостью, красою и счастьем. Вопреки всякому этикету, она сѣла и, опять-таки вопреки этикету — ждать, пока заговорит царь, — начала говорить, говорить и говорить! Іевосфей слушал ее и улыбался счастливой улыбкой, даже не стараясь понять, о чем она говорит. А говорила она о мужѣ, о дѣтях, о своем счастьи... О пяти прелестных мальчиках, о котѣ Даремѣ, который умнѣ многих людей, и ходит с ней на прогулку! О собакѣ Шамѣ, на которой в холодную погоду спит кот и очень сердится, если Шам не лежит спокойно. Если Дарема совершенно недоволен Шамом, то встает, фыркает ему в глаза и бьет его лапкой по мордѣ! О лодкѣ, в которой она, муж и дѣти чуть ли не каждый вечер ѣздят по пруду. Она сидит на рулѣ, а толстый Адриель гребет, отдуваясь и вытирая пот с лица.

Кончила приглашеніем пріѣхать к ней на нѣсколько дней. Іевосфей грустно улыбнулся:

— Пріѣхать! — Как будто цари вольны дѣлать то, что им хочется! Это рабы в позолоченных одеждах!

Мерова удивилась:

— Но что ты говоришь? А почему отец дѣлал все, что ему хотѣлось? Вздумается — ѣдет на охоту! Придет в голову — ѣдут на всю ночь ловить рыбу! Почему же не можешь то же дѣлать и ты? — Скажи Авениру, чтобы он остался вмѣсто тебя, вот и все!

Уходя нѣсколько раз повторила:

— Так мы ждем! Слышишь? Ждем! Я и Адриель! И дѣти! И кот Дарема! И собака Шам! — Слышишь? — Мы ждем!

Помолчав, она сказала с дѣтской серьезностью:

— Как хорошо, что я тогда не вышла за Давида! Сидѣла бы теперь в Хевронѣ в женском домѣ, точно лошадь или мул на конюшнѣ у богача! — Сколько у него теперь этих жен?... Бррр!

Засмѣялась, охватила руками шею брата и зацѣловала его.

На слѣдующій день Іевосфей, в первый и в послѣдній раз в жизни, проявил собственную волю. Он сказал Авениру:

— Завтра я хочу поѣхать погостить к моей сестрѣ Меровѣ. Без всякой пышности, не как царь, но как брат. Там я хочу прожить недѣлю.

Авенир сдвинул брови и рѣшительно сказал:

— Этого нельзя, царь!

Тогда Іевосфей, весь красный от гнѣва, поднялся и холодно сказал:

— Я тебѣ уже сказал: завтра я ѣду! Распорядись приготовить простой экипаж и сдѣлать так, чтобы всю эту недѣлю я провел в имѣніи сестры один, без всяких свит и тѣлохранителей. Если необходим конвой, то пусть он живет за имѣніем в палатках, но в самом имѣніи чтобы не смѣл быть никто. Я долго не буду жить, и это, по всей вѣроятности, моя послѣдняя воля, но от этой воли я не отступлю. Если ты воспротивишься, я поѣду все равно, — надѣюсь, никто не посмѣет задержать царя открытой силой или запереть его на замок! Мое рѣшеніе твердо, и я не совѣтую тебѣ дѣлать публичнаго скандала. Я ѣду завтра, через час послѣ восхода солнца.

Теперь иди, Авенир, не говори и не серди меня. Помни все время, что то, что я сказал, будет! Иди с миром!

Авенир медленно сказал:

— Но если я все-таки не сдѣлаю по твоему желанію?

Лицо Іевосфея густо покраснѣло. Он отвѣтил рѣшительным тоном:

— Сдѣлаешь. Но если не сдѣлаешь, то горько пожалѣешь! Иди!

Авенир поднял глаза и медленно отвѣтил:

— Хорошо... Все будет исполнено согласно твоего желанія.

Он сдѣлал обычный глубокій поклон и вышел. По его уходѣ Іевосфей безсильно опустился в кресло: если бы Авенир не уступил, то дѣйствительно бы горько в этом расканвался бы. Но он уступил, поняв, что иначе поступить невозможно.

Цѣлую недѣлю прожил царь в имѣніи сестры. Воины и свита не спускали с глаз границ имѣнія, но Іевосфей их не видѣл. За эту недѣлю царь поздоровѣл и улыбка часто бывала на его лицѣ. Он даже бѣгал со своими племянниками, греб на лодкѣ, смѣняя толстаго Адріеля, возбуждая искренній и звонкій хохот сестры своею неумѣlostью. Смѣялся и Адріель, но старался быть почтительным. Ходили и на прогулки со знаменитым котом, который дѣйствительно бѣжал вмѣстѣ, но бѣжал по своему, по кошачьи, как не бѣгают собаки: он то скрывался в густой пшеницѣ, то, забѣжав далеко вперед, выходил из нея, садился на дорогу и сидѣл с таким видом, как будто ему никакого дѣла не было до гуляющих, и этих людей, которые идутъ по дорогѣ, он совершенно не знает... Приходу сестры царь обрадовался так, как он не радовался уже давно.

Не хорошо вышло только послѣдній раз: в то время, когда дѣти радостно бѣгали и играли, глаза царя вдруг расширились и лицо смертельно поблѣднѣло: он увидѣл какими-то духовными очами гору и на горѣ семь висѣлиц, на которых висѣли красавицы юноши с лицами пяти мальчиков Меровы и двух сыновей Рицпы... Царь вскрикнул, взмахнул в воздухъ руками и упал без чувств. Это был послѣдній день пребыванія царя в имѣніи сестры и шурина.

Авенир и Иоав.

На другой день Давид дал в честь Авенира большой пир и на этом пиру Авенир сказал так:

— „Я встану и пойду. И соберу господину моему весь народ израильскій; и они вступят в завіт с тобою, и будешь царствовать над всѣми, как желает душа твоя“. *)

На другой день послѣ пира Авенир был отпущен с большою честью домой.

В тот же день, вскорѣ послѣ отъѣзда Авенира, неожиданно вернулся в Хеврон Иоав со своими войсками. Когда он вѣзжал в столицу, подбоченясь на своем рыжем, утомленном дорогой, жеребцѣ, то на его губах играла самодовольная улыбка: — Кто равен ему в Израилѣ? Вот он опять возвращается с похода послѣ побѣды с богатой добычей! Куда бы царь его не послал, — там счастье, там удача, там прибыль! — В его лицѣ царь Давид имѣет клад!

Но когда, пріѣхавши домой, спрыгнул со своего коня, то услышал от слуги, принимавшаго лошадь, слѣдующую, поразившую его, новость:

— Жаль, господин, что ты не пріѣхал нѣсколькими часами раньше! — Царь Давид в честь израильскаго полководца Авенира давал большое пиршество и сегодня, незадолго до твоего пріѣзда, отпустил его с большою честью.

Иоав слушал и его густыя рыжія брови, сросшіеся в одну линію, сжимались больше и больше. Наконец он отрывисто сказал:

— Ты или лжешь, раб, или сошел с ума!

Отвѣтъ был спокоен:

— Спроси других, господин! — Как бы я посмѣлъ лгать тебѣ!

Иоав спросил других: все было чистой правдой! Тогда Иоав, как был в пыли послѣ долгой дороги, пошел на царскій двор. Это не был пріемный час и дежурный офицер загородил ему дорогу:

*) Гл. 3, ст. 21.

— Прости, Иоав, но царь приказал не смѣть ему даже докладывать, если бы кто желал его видѣть!

Иоав сдѣлал движеніе оттолкнуть воина, но сдержал себя и только рѣзко сказал:

— Я не „кто“, но полководец Иоав! Доложи царю, что я немедленно желаю его видѣть!

Офицер был в сильном смущеніи:

— Но, господин... царь не приказал дѣлать исключенія ни для кого...

Иоав сжал брови и надвинулся на офицера всѣм корпусом, спрашивая угрожающим тоном:

— Ты доложишь, или нѣтъ?

Тогда офицер пробормотал:

— Доложу, господин!

Давид стоял у окна и смотрѣл в него. Его мысли были далеко. В это время в дверь осторожно постучали. Давид быстро и грозно повернулся: кто смѣл стучать, когда он ясно и опредѣленно это запретил?

— Войди!

Офицер, открыв дверь остался в ней, так грозен был вид царя. Но царь спросил довольно спокойным голосом:

— Какое важное дѣло заставило тебя нарушить данное мною приказаніе?

— Прости, царь, но полководец Иоав, еще весь в пыли от дальняго пути, желает непремѣнно и сейчас же видѣть тебя по одному важному дѣлу.

— Пусть войдет.

Иоав дѣйствительно был в пыли и неумытый послѣ длиннаго пути. Давид спокойно, по внѣшности, спросил:

— Какое важное дѣло привело тебя, Иоав, ко мнѣ, что ты даже не имѣл времени умыться и переодѣться?

Но Иоав был взволнован болѣе Давида и не замѣтил скрытаго смысла слов, обращенных к нему. Он молчал, так как тѣ фразы, которыя приходили ему на язык, нельзя было сказать, так онѣ были рѣзки и вызывающи. Но говорить надо было и он заговорил:

— „Что ты сдѣлал? — Вот приходил к тебѣ Авенир: зачѣм ты отпустил его и он ушел? Ты знаешь Авенира, сына

Нирова! Он приходил обмануть тебя, узнать выход и вход твой, и развѣдать все, что ты дѣлаешь!“ *)

Слова были рѣзки, но еще болѣе рѣзок был тон, которым они говорились. Давид, наружно спокойный как и прежде, спросил Иоав:

— Так ли слѣдует говорить с царем? Или я должен отдавать тебѣ отчет в моих дѣлах? Или не смѣю ничего сдѣлать, не спросившись тебя? — Ступай, и я потом поговорю с тобой!

Иоав хотѣл еще говорить, но царь, подойдя к столу, на котором стояла серебряная доска для зова слуг, взял в руки молоток. Тогда Иоав круто повернулся и вышел.

Царь был в раздумьи: приказать немедленно схватить Иоаву, или сначала обдумать дѣло? — Рѣшил, как всегда в важных дѣлах, переспать ночь и рѣшить утром со свѣжею головою. Это правило: „переспать ночь“, никогда не обманывавшее его прежде, на этот раз измѣнило ему: в этот день произошли событія необыкновенной важности, событія, которыя заставили измѣнить весь план его дѣйствій. Событія, пред которыми дерзкій отвѣтъ полководца своему царю, являлся дѣтской шалостью...

Иоав, выйдя из дворца, сѣл на своего жеребца и полным галопом поскакал в казармы войск. Там, не слѣзая с лошади, отдал приказ: осѣдлать самых быстрых коней и мчаться в догонку Авенира. Догнав, почтительнѣйше доложить, что царь Давид просит его немедленно возвратиться в Хеврон для важных переговоров.

Отдав приказаніе, он оставался на конѣ до тѣх пор, пока группа всадников не выѣхала из ворот казарм и не понеслась по пыльной дорогѣ. Лишь послѣ этого он шагом поѣхал домой. Дома, наскоро перекусив, помывшись и почистившись, надѣл новую броню и стал ждать. Но усталость послѣ похода была так велика, что он сидя уснул. Уснул как был — в полном вооруженіи.

Уже солнце было близко к заходу, как во двор Иоаву вѣхал всадник в пыли, на покрытой потом и пѣной лошади:

*) Гл. 3, ст. 24 — 25.

— Доложите Иоаву, что немедленно за мною ѣдет Авенир, сын Нирова, со всеми своими людьми.

Иоава разбудили. Он выслушал гонца и сказал:

— Хорошо. Выведи своего коня, поѣшь и отдохни сам, а я сейчас же поѣду в казарму.

Там, по приказанію полководца, все время стоял в полном вооруженіи отряд из числа тѣх, что не были в походѣ.

Вскорѣ пріѣхал и Авенир. Иоав вышел ему на встрѣчу и привѣтствовал обычным привѣтом:

— Да здравствует Авенир, сын Нирова! — Слѣзай с мула, сдѣлай одолженіе, и иди ко мнѣ — я должен передать тебѣ нѣчто тайное...

Авенир слѣз с мула и пошел к Иоаву.

— Вот сюда, — сказал тот и направился под арку ворот.

— Вот что, Авенир...

Он подошел вплотную.

— Так вот что, говорю, Авенир...

Всѣ дѣйствія и слова Иоава были так необычны, что у Авенира проснулось подозрѣніе, тѣм болѣе, что его люди окружались людьми Иоава, хотя это и дѣлалось как бы для привѣтствія их. Он все время наблюдал за Иоавом, который держал руку на рукояткѣ меча.

— Так вот что...

С быстротой молніи Иоав выхватил меч и вонзил его в тѣло Авенира, не имѣвшего на себѣ ни брони ни кольчуги. Авенир еще имѣл силы схватить врага за руку и крикнуть:

— А! Проклятый измѣнник!

Иоав, вытаскивая меч, спокойно сказал:

— Это я плачу долг за Асаила, моего брата!

Сказав это, Иоав, не отдав людям никаких приказаній, пѣшком пошел в свой дом.

Ко дворцу Давида прискакали три всадника: это были высшіе, послѣ Иоава и его брата Авессы, военачальники давидова войска. Спрыгнув с лошадей и бросив их на произвол судьбы, они быстро попли ко входу во дворец. Дежурный офицер загородил им дорогу, но они, размахивая возбужденно руками, заговорили всѣ три одновременно:

— Пусти нас к царю! Доложи, что Иоав убил Авенира!

Так как они говорили всё вмѣстѣ и слова их были очень странны, то офицер не пропускал их к царю и не шел докладывать сам, что еще больше волновало пришедших. Крик был так велик, что из внутренних покоев прибѣжал другой офицер. Прибѣжав, он начал возбужденно говорить:

— Царь волнуется, кто смѣет производить такой шум и так кричать в его дворцѣ?

Тогда всё двинулись к покоям царя. Когда вошли в залу и сдѣлали обычный поклон, старшій из присутствующих начал свою рѣчь:

— Случилось, о царь! — великое несчастье! — Иоав, сын Саруи, твой главный полководец и начальник всѣх войск в Иудейском царствѣ...

Царь сдѣлал нетерпѣливое движеніе и говорившій замолчал. Тогда царь сказал:

— Ты, кажется, не кончишь сегодня!

Ошеломленный офицер продолжал молчать. Собрав вновь свои мысли, начал:

— Случилось, о царь! — огромное несчастье! — Твой первый полководец и начальник всѣх войск Иудейскаго царства Иоав, только что, собственноручно, никого об этом не предупреждая, нарочно или печально, нам неизвѣстно...

Царь снова сдѣлал нетерпѣливое движеніе и говорившій, привыкшій к придворному этикету, сразу замолчал, ожидая, что скажет царь. И тот, стараясь быть спокойным, повторил:

— Говори скорѣе дѣло — боюсь, ты иначе не кончишь сегодня.

— Слушаюсь, царь, и буду возможно болѣе краток...

Офицер подумал, на чем он остановился, и продолжал:

— Иоав собственноручно заколол правителя Израильскаго царства Авенира, сына Нирова...

Давид поднялся с мѣста, как разворачивающаяся пружина:

— Авенир еще жив? И как он очутился здѣсь, когда я отпустил его еще утром?

Офицер, ошеломленный сразу двумя вопросами, сначала отвѣтил на послѣдній:

— Иоав, сын Саруи, полководец, по твоему приказанію,

послал за ним гонцов, которым было приказано сказать ему, — я сам слышал это приказаніе! — возвратись немедленно, так как царь Давид желает тебя видѣть по очень важному дѣлу.

Несмотря на все желаніе владѣть собою, Давид нетерпѣливо перебил:

— Хорошо, хорошо! — Но Авенир жив?

— Ну, гдѣ же там жив! — У него выпали всѣ внутренности из живота!... Сразу умер! Покачался, покачался по землѣ и испустил дух свой!

Двери в залу, гдѣ находился Давид, остались открыты и за ними собралось довольно много людей: офицер стражи и стражники, затѣм наиболѣе близкіе из придворных, проводящих почти все время около покоев царя. Они слушали и, пораженные событіем, точно окаменѣли. Царь Давид поднял обѣ руки кверху и громко и торжественно сказал:

— „Невинен я и царство мое в крови Авенира, сына Нирова! Пусть падет она на голову Іоава и на весь дом отца его! Пусть никогда не остается дом Іоава без сѣменоточиваго, или прокаженнаго, или опирающагося на посох, или падающаго от меча, или нуждающагося в хлѣбѣ!“

Похороны Авенира были торжественны: сам царь, в разодранных одеждах, с головою, посыпанной пеплом, шел за тѣлом полководца, которое несли высшіе сановники и офицеры царства. Всѣ они также были в разодранных одеждах и с головами, обсыпанными пеплом.

Іоава и Авессы не было на похоронах: оба сидѣли в темной башнѣ дворца, за крѣпкими желѣзными запорами.

Весь Хеврон был здѣсь. Прежде чѣм положить гроб в пещеру, Давид, поднявшись на возвышеніе, чтобы его видѣли и слышал весь народ, громко и отчетливо сказал:

— „Смертью ли подлаго умирать Авениру? Руки твои не были связаны, и ноги твои не в оковах, ты пал, как падают от разбойников!“

Слезы лились по щекам Давида, и весь народ плакал с ним. Потом царь сказал:

— „Знаете ли, что вождь и великій муж пал в этот день в Израилѣ?“

Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ всему народу, царь повернулся къ ближайшимъ придворнымъ и тихо сказалъ:

— „Я теперь еще слаб, хотя и помазан на царство, а эти люди, сыновья Саруи, сильнѣе меня! Пусть же воздастъ Господь дѣлающему злое по злобѣ его!“*)

Смерть Іевосфея.

На торжественныхъ похоронахъ Авенира — ихъ предводителя. присутствовали сопровождавшіе его лица свиты и конвой. Одаренные богатыми подарками, они отправились в Махананим, столицу Израильскаго царства.

Старшій в посольствѣ, послѣ Авенира, Іаред, сын Хуша, задумчиво ѣхал на своемъ мулѣ, — онъ думалъ о томъ, что должно случиться далѣе... Ясно, что Іевосфею безъ помощи Авенира не удержаться на престолѣ... Но что будетъ съ ними, слугами Іевосфея?... Пока царь Давидъ наговорилъ имъ всѣмъ много ласковыхъ и сердечныхъ словъ, но что будетъ завтра?... Онъ, Іаред, попробовалъ было остаться в Хевронѣ на службѣ царя Давида, но самъ царь отправилъ его назадъ. И что бы дѣлали жены и дѣти Іареда, если бы началась война между царствомъ Израильскимъ и царствомъ Іудейскимъ? Нѣтъ сомнѣнія, что побѣдитъ Давидъ, такъ какъ единственный, кто могъ держаться противъ него, умер... Но что сдѣлали бы съ его семьей до этой побѣды? Не засталъ бы онъ, какъ измѣнникъ, лишь пепелъ и развалины на мѣстѣ своего дома? Лишь трупы жен и дѣтей?...

Отпуская царя Давидъ ясно сказалъ то, что слѣдовало передать царю Іевосфею:

— Побѣжай и доложи царю Іевосфею, что я и мое царство неповинны въ крови Авенира, сына Нирова, этого великаго человѣка во Израилѣ.

Когда Іаредъ началъ говорить: — теперь ты, Давидъ, нашъ государь... тотъ перебилъ его и еще разъ повторилъ свои прежнія слова.

*) Гл. 3, ст. 26 — 39.

На том и кончилось. Что же дальше? Что будет завтра? что послѣ завтра? Иоав и Авесса сидят в башнѣ, но Саруйа, их старшій отец, вопреки обычаю, остается на свободѣ... Кто его вѣдает, кто хочет царь Давид...

Дежурный офицер, докладывая царю Іевосфею о возвращеніи посольства к царю Давиду, уже знал о смерти Авенира. Весь город знал об этом, за исключеніем самого царя. Офицер, доложив о том, что посольство прибыло, мялся и не уходил, поэтому царь спросил его:

— У тебя, Хелкія, кажется, что-то на душѣ. — скажи мнѣ, если это облегчит тебя.

Хелкія опустил глаза и пробормотал:

— Разное, царь, говорят в городѣ... Не знаю, смѣю ли я говорить об этих случаях?... Может просто болтают... Одно только: Авенир, сын Нирова, твой главный полководец, не вернулся с посольством... Теперь Іаред за начальника.... По городу всѣ говорят, что Авенир убит, и что его убил Иоав... Может и врут, а только посольство привел Іаред, а когда я его спросил про Авенира, он разсердился и крикнул: — я болтать с тобою пришел, что ли? — Доложи царю, что прибыло посольство, и не твое дѣло разсуждать! — Так прикажешь, царь, им войти? — Они ждут в пріемной залѣ.

Царь сидѣл и молчал. Сначала его лицо залилось краской, потом стало еще блѣднѣе, чѣм обыкновенно. Наконец с видимым трудом произнес два слова:

— Введи Іареда!

Іаред, высокій и худой старик, тонкій, сухой и ровный, вошел и сдѣлал обычный поклон. Царь внимательно смотрѣлъ на него, но на лицѣ посла нельзя было прочесть ничего.

— Что скажешь, Іаред? И больше хорошаго чѣм дурного или наоборот?

Іаред поклонился вторично, на этот раз „малым поклоном“, и тихо сказал:

— Печально, о царь, мнѣ это говорить, но я вѣстнне лишь дурного... — Авенир, сын Нирова, поддержка всего хорошаго в Израилѣ, умер... Рука Иоава, сына Саруйи, поразила его... Царь Давид приказал посадить в башню обоих сыновей Саруйи — Иоава и Авессу, — но отец остался на свободѣ... Царь

Давид торжественно похоронил Авенира, и тѣло его несли самые важные сановники государства. Никого никогда не погребали с таким почетом, какъ царь Давид похоронил Авенира....

Вдругъ Іаред громко крикнулъ:

— Сюда! Сюда! На помощь! Царь умер!

Царь началъ падать, и Іаред едва подхватилъ его. Вбѣжавшіе слуги перенесли безжизненное тѣло царя на его ложѣ, но там, когда царскій лекарь началъ растирать его небольшою заячей шкурою, чтобы согрѣть царя, тотъ открылъ глаза.

Іевосфей не умеръ и, послѣ часового лежанія, самъ поднялся и самъ перешелъ на кресло, говоря лекарю, желавшему ему помочь:

— Оставь, мнѣ хочется испытать мои силы!

На другой день царь призвалъ къ себѣ членовъ верховнаго совѣта и приказалъ:

— Каждый обязанъ в точности исполнять свою службу, какъ если бы Авенир былъ живъ. Вы не думайте, что я слабъ, боленъ и не гоюсь въ правители! Пока я найду замѣну Авенира, вы должны подтвердить всѣмъ и подтвердить сугубо, — что за неисполнение своего долга будутъ наложены самыя тяжелыя наказанія!

Но здѣсь силы измѣнили царю и ему опять сдѣлалось дурно. Пока дворцовый лекарь былъ у него, члены верховнаго совѣта говорили въ пріемной залѣ:

— Конечно, онъ сынъ Саула, но какъ можно быть царемъ при этомъ слабомъ тѣлѣ?... Не сегодня, такъ завтра царь можетъ умереть, и что тогда будетъ съ царством?...

Когда царь оправился, то вновь созвалъ къ себѣ членовъ верховнаго совѣта. Онъ имъ сказалъ:

— Я самъ хотѣлъ начать править государствомъ, но мои силы слабы, и я боюсь, что не все смогу сдѣлать, что хочу. Пусть Фелетъ, сынъ Іаира, правитъ государствомъ на мѣстѣ Авенира, и всѣ обязаны слушать его, какъ слушали Авенира! А ты, Фелетъ, оставь меня на недѣлю въ покоѣ. Я поправлюсь за эту недѣлю, и тогда мы увидимъ, что слѣдуетъ дѣлать дальше.

Царь снялъ съ руки перстень и подалъ его Фелету:

— Вотъ мой перстень, правь государствомъ и помни, что за

всякую несправедливость отвѣтить предо мною и пред Господом, Богом Израилевым! — — —

Помолчав, царь сказал слабым голосом:

— А теперь выйдите всѣ и не тревожьте меня всю эту недѣлю.

Фелет всегда управлял государством в отсутствіи Авенира, и поэтому ему оставалось только дѣлать то, что он дѣлал, когда Авенир был с послѣдним посольством у царя Давида. Царь Іевосфей мог надѣяться, что правленіе находится в настоящих руках.

Прошло два дня с того времени, как царь Іевосфей назначил Фалета правителем государства. Ко дворцу царя подъѣхало два всадника. Это были братья Баана и Рихав, сыновья Риммона Бееротянина. Оба они были из числа предводителей войска Израильскаго царства и оба были хорошо извѣстны во дворцѣ. Слѣзши с мулов и передавши их людям дворцовой стражи, они направились во внутрь. Дежурный офицер подошел к ним. Рихав спросил его:

— Ну, как идут дѣла?

Офицер безнадежно развел руками.

Баана подтвердил жест офицера словами:

— Да! да! Все валится! Не сегодня, то завтра войска царя Давида будут в Маханаимѣ!...

Рихав усмѣхнулся и сказал шопотом, оглянувшись кругом:

— Может быть он уже в пути!

— А каков новый правитель Фелет? — спросил Рихав.

Офицер пожал плечами:

— При нынѣшних обстоятельствах нужен Авенир, да и тот пожалуй бы со всѣм не справился...

Сказавши офицер опасливо посмотрѣл по сторонам и тихо добавил:

— Говоришь и всего боишься... Конечно, Фелет опытный государственный муж, но когда вся машина кряхтит и скрипит...

Он почел нужным переменить разговор и спросил дѣловым тоном:

— Вы это чего? — К царю нельзя! Никого не велѣно пускать!

Баана успѣшил успокоить офицера:

— Нѣтъ, мы за пшеницей... Вѣдь интендантъ прежній? Дан, сын Матреда?

Офицер засмѣялся:

— Кому же еще быть? — Не хватало бы еще мѣнять людей в такое время! — Идите по этому корридору, а там корридор расходится, — направо во внутренніе покои царя, а налево к интенданту.

Офицер опять засмѣялся:

— Смотрите, не заблудитесь, и не пошадите к царю! Ну, да, вы знаете!

Братья пошли по корридору, а офицер сошел вниз, на лѣстницу, ведущую во двор.

Дойдя до поворота корридора, Баана, шедшій впереди, остановился и стал прислушиваться. Было сейчас послѣ полудня, когда всѣ в странѣ спали, пережидая полуденную жару. Даже воин, бывшій в этом корридорѣ, дремал. Увидя двух важных офицеров, он подтянулся, но видимо сон одолевал его. Братья повернули влѣво, но не дошли до комнат интенданта и повернул назад. Воин спал, и они потихоньку прошли мимо его. Когда они уже были у комнат царя, в корридорѣ послышались шаги. Заговорщики окаменѣли, но шаги остановились и раздался сладкій зѣвок: воин проснулся и теперь зѣвал. Когда опять все затихло, Баана снял свои сандалии и Рихав послѣдовал его примѣру. Теперь они шли точно волки на добычу — неслышными шагами.

Рихав, в свое время бывшій помощником начальника дворцовой стражи, отлично знал расположеніе комнат. Он тихо прошептал брату:

— Около спальни царя всегда дежурит спальник. Навѣрно он спит, но его надо будет прикончить. Ты предоставь это мнѣ, — я его задушю раньше чѣм он издаст хотя бы самый слабый звук! На всякій случай возьми веревку и, если понадобится, накинь и задуши его окончательно.

Но это не было нужно — спальника на обычном мѣстѣ не было. Очевидно безпорядок в государствѣ сказался и на служителях двора.

Заговорщики вошли в спальню царя. Какъ они и пред-

полагали — тот спал. Окна были занавѣшены, но глаза заговорщиков, привыкшіе во время пребыванія в корридорѣ к еще большей темнотѣ, без труда различали всѣ предметы. Под тяжелым виссонным пологом спал царь. Сон его был тяжел и безпокоен. Рихав нагнулся к брату и прошептал:

— Петля у тебя? Готова?

Тот молча показал веревку, смазанную, для легкости дѣйствія, оливковым маслом. Тогда Рихав, стиснув зубы и раскрыв при этом рот, — что придавало ему выраженіе собаки, оскалившей зубы, — широко раскрыв пальцы и изогнувшись корпусом, направился к спящему царю. Баана, расправив петлю, слѣдовал за ним.

Неожиданно царь раскрыл глаза и начал подниматься. Рихав, как коршун, бросился на него и схватил его за горло. Почти одновременно Баана накинул петлю и начал давить.

— Палец! мой палец! придавил мой палец! — шептал каким-то свистящим голосом Рихав.

Когда брат освободил веревку, он выхватил свой палец и начал его сосать, чтобы нѣсколько утѣшить боль.

Царь схватил своими руками руки Баана, душившего его веревкой, и извивался в судорогах всѣм тѣлом. Рихав навалился на него, не давая ему двигаться и давя горло руками поверх веревки.

Через полминуты движенія тѣла прекратились. Продержав еще минуту, Рихав шепнул:

— Можно рѣзать! А только, смотри, осторожно, чтобы не забрызгать себя кровью! Голову, вѣдь, надо пронести мимо стражи... Придерживай, придерживай! Вот так... пусть себѣ льется здѣсь, лишь бы не на нас...

Через десять минут оба брата выходили из дворца со спокойным и равнодушным видом. Один нес в мѣшкѣ голову царя Іевосфея, которую он хорошенько закрутил в легкую матерію, а потом в пкурку, — чтобы как-нибудь не выдала кровь.

Воин в корридорѣ так и не справился со своим сном и теперь, сидя на табуратѣ, спал, слегка похрапывая. Дежурный офицер сидѣл на нижних ступенях лѣстницы на самом солнцепекѣ. Баана, державшій мѣшок, проходя мимо, пошутил:

— Чего жарись-то? — он засмѣялся: — на жаркое? Офицер лѣниво поднял голову и спросил, не глядя на братьев:

— Ну? Покончили?

Тѣ вздрогнули и не отвѣтили. Тогда офицер пояснил:

— С пшеницей-то покончили, говорю?

Баана показал ему мѣшок с головой царя и сказал:

— Вот! пшеница первый сорт! — Ну, прощай! Чего, дѣйствительно, жарись-то?

Офицер лѣниво отвѣтил:

— Двигаться трудно... Сѣл тут, да вот и сижу...

Братья сѣли на мулов, которых подвели дворцовые служители, и попрощавшись, выѣхали со двора дворца. По улицам ѣхали легкой рысью, но за городом пустили мулов галопом: надо было спѣшить, — погоня могла быть во всякое время!

Весь день и всю ночь ѣхали братья в Хеврон со своей ужасной ношей. То шагом, то рысью — сколько только могли вынести мулы. Приѣхавши в Хеврон, направились ко дворцу царя Давида.

Дежурный офицер стоял перед входом, который охраняли два воина высокаго роста, как это любил царь Давид. Офицер узнал посѣтителей, — всѣ трое были при дворѣ царя Саула два года назад. Баана, видя удивленіе дежурнаго офицера, засмѣялся и спросил:

— Что ты, Шаллум, смотришь на нас, точно мы выходцы с того свѣта?

Офицер, дѣйствительно удивленный, нерѣшительно спросил:

— Но вѣдь вы же оба на службѣ царя Іевосфея?...

Рихав засмѣялся:

— Были! Были когда-то! А вот теперь на службѣ царя Давида!...

Он хлопнул по мѣшку, который держал брат, и многозначительно сказал:

— Эта пшеница нам откроет всѣ двери к сердцу царя Давида! Это волшебная пшеница!

Офицер ткнул рукою в мягкій мѣшок, — так как голова

была завернута в полотно и мѣх, — и спросил с удивленіем в голосѣ:

— Пшеница? Почему пшеница?

Но Баана уже серьезно сказал:

— Доложи царю Давиду!

Офицер пожал плечами:

— Вы сошли с ума! Развѣ можно к царю в таком видѣ!

Баана настойчиво повторил:

— Доложи царю! Так и скажи: Баана и Рихав, — он, вѣдь, нас знает! — пріѣхали из Маханаима. Ёхали весь день и всю ночь, покрыты пылью с головы до ног и желают тебя видѣть, царь, немедленно. Говорят, что дѣло так важно, что нельзя откладывать ни одной минуты. — Слышишь? Так именно и доложи!

Глаза офицера заблестѣли любопытством:

— А что случилось?

И, указывая на мѣшок, с улыбкой продолжал:

— Уж не голову ли Іевосфея, царя Израильскаго, привезли вы с собой? Какія новости? Скажи же!

Баана холодно отвѣтил:

— Ты, вѣдь, не царь, Шаллум, что бы я говорил тебѣ то важное, с чѣм мы пріѣхали, раньше, чѣм скажу Давиду — царю! — Доложи, иначе можешь горько каяться, — если царь узнает, что мы тут стояли у входа в продолженіи четверти часа! Дѣло может дойти и до головы!... Только уже твоей!

Офицер повернулся и пошел с добладом. Два воина огромнаго роста, стоявшіе у входа и слышавшіе весь разговор, продолжали стоять без движенія, как бронзовыя статуи. Рихав нагнулся к Баанѣ и прошептал:

— Охрана царя иначе ведется, чѣм у нас!

Вскорѣ офицер вышел, и братья двинулись было вперед, но офицер их остановил.

— Куда? — Я не докладывал же самому царю! Я доложил начальнику охраны, о он уже рѣшит, достаточно ли важен случай, чтобы беспокоить царя в неурочное время.

Через нѣсколько времени вышел воин и доложил офицеру:

— Начальник стражи требует пришедших в свой кабинет.

Когда Рихав и Баана собрались идти, офицер довольно строго сказал им:

— Оставь мѣшок! Не пойдешь же ты с мѣшком к царю!

Баана улыбнулся и отвѣтил:

— Гдѣ мы, там и этот мѣшок! А содержаніе его может узнать только царь!

Офицер пожал плечами и сказал:

— Идите! Все равно вас не пустят с мѣшком!

Идя за воинном, шедшим впереди их, что бы показывать дорогу, Рихав тихо сказал брату:

— Да! Это не у нас! При такой охранѣ трудно!... И у царя Саула не было подобнаго...

Хотя начальник охраны знал обоих, но все таки спросил имена их, имя отца, откуда они, когда выѣхали из Маханаима, когда пріѣхали в Хеврон и, наконец, какова цѣль их желанія видѣть царя? Отвѣчали на всѣ вопросы, кромѣ послѣдняго, но и на послѣдній пришлось отвѣтить, что Іевосфей, царь Израильскій, умер, но о подробностях они могут доложить лишь самому царю.

Снова возбудилось дѣло о мѣшкѣ — начальник охраны ни за что ни хотѣлъ их пустить к царю, имѣя в руках этот мѣшок...

Баана в концѣ разсердился и сказал:

— Если так, то мы поѣдем обратно в Маханаим, — нам, как видно, нечего дѣлать в Хевронѣ!

Наконец начальник охраны особы царя повел их в царскій кабинет. Братья низко поклонились, и первый из них, Баана, сказал:

— „Вот, царь, голова Іевосфея, сына Саула, врага твоего, который искал души твоей. Нынѣ Господь отомстил за господина моего, царя, Саулу и потомству его.“*)

Давид никак не ожидал именно этого, но внѣшне он остался спокоен и смотрѣлъ, как Баана вытаскивал из мѣшка сверток мѣха, как он разворачивал этот сверток, вынимал из него сверток бѣлаго полотна и, наконец, из него вынул голову Іевосфея. Эту голову братья по дорогѣ вынимали из мѣшка, тщательно

*) Гл. 4, ст. 5 — 12.

отмыли всю кровь и завернули в чистое полотно. Голова, положенная на сверток полотна, в который она была завернута, до удивительности напоминала голову отца Иевосфея, царя Саула. Баана и Рихов также замѣтили это сходство и невольно неприятное чувство прошло по их спинам.

Давид уже овладѣть собою вполне. Он спокойным голосом спросил:

— Как умер царь Израильскій, и как его голова могла очутиться в твоём мѣшкѣ?

Баана довольно подробно и довольно вѣрно рассказал происшедшее. Только самую смерть царя передал коротко:

— Увидя спящаго царя, мы задушили его и послѣ смерти отрѣзали голову, что бы ты мог повѣрить нашим словам, и не принял нас за простых хвастунов.

До сих пор царь и сыновья Реммона были одни. Теперь Давид ударил в серебряную доску, и вошел дежурный офицер. Царь обратился к нему:

— Отведи этих людей в дежурную комнату и наблюдай, что бы они не убѣжали: за это ты мнѣ отвѣчаешь своею головою. — Передай начальнику охраны дворца, что я его жду.

Через час у царя собрался большой совѣтъ. Когда царь вошел в тронную залу, двѣнадцать тѣлохранителей были там у подножія трона. Они преклонили свое оружіе перед входившим царем, и потом все время стояли совершенно неподвижно, как будто это были не люди, но изваянія.

Царь был одѣтъ в парадный царскій плащ и большую корону из чистаго золота, с драгоценными камнями. Сѣвъ на трон, он обратился к старѣйшинам Іуды с такой рѣчью:

— Царь Израильскій Иевосфей, сын царя Саула, умер при слѣдующих обстоятельствах...

Давид подробно передал то, что ему было рассказано Бааном и Рихавом. Послѣ этого он приказал внести голову царя Иевосфея, положенную на серебрянное блюдо и смазанную благовонными мазями и елеем. Внесенная голова поразила всѣх присутствующих своим сходством с головой Саула. Всѣ знали об этом сходствѣ еще при жизни, но теперь, послѣ смерти, оно особенно бросалось в глаза.

Ввели убійц царя Іевосфея. Оба брата, предчувствуя недоброе, потеряли всю свою самоувѣренность, и когда Давид приказал им вновь подробно рассказать, как произошло убійство, путались, заикались, останавливались, искали слов и не могли их найти. — Все это среди полного молчанія, так как даже царь старался не двигаться и не кашлять. Когда Баана сказал, как они убили царя: — увидя что царь спит, я ударил его мечем... то Давид мягко перебил его:

— Ты не ошибаешься, Баана? — Прежде ты говорил, что задушил царя Іевосфея, и уже послѣ этого вы отрѣзали ему голову?

— Правда, царь, дѣло было именно так, как ты говоришь, но мы думали лишь о тебѣ и не могли допустить ни малѣйшаго крика, так как вбѣжала бы стража, и твой враг мог бы остаться жить...

Когда братья кончили свой рассказ, Давид поднялся и приказал принести ему голову. Указывая на нее, он торжественно сказал:

— „Жив Господь, избавившій душу мою от всякой скорби! Если того, кто принес мнѣ извѣстіе, сказав: „вот умер Саул“ и кто считал себя радостным вѣстником, я схватил и убил в Секелагѣ, вмѣсто того, что бы дать ему награду, — то теперь, когда люди негодные убили человѣка в его домѣ на постели его, неужели, я не взыщу крови его от руки вашей и не истреблю вас с земли?“...*)

Казнь убійц царя Израильскаго Іевосфея была тяжела: сначала им были отрублены руки, потом ноги, затѣм они были разсѣчены на части, и эти части повѣшены над прудом в Хевронѣ.

Голова царя Іевосфея была торжественно, с царскими почестями, похоронена в гробѣ Авенира.

*) Гл. 4, ст. 5—12.

Давид — царь всего Израиля.

Царство Израильское пало в руки царя Давида, как падает яблоко послѣ того, как оно окончательно созрѣет: он просто послал в города Иудеи своих воевод, и старѣйшины поспѣшили отправить ему ключи городов при торжественных посольствах. Все случилось как бы по взаимному уговору, хотя такого уговора и не было. Когда Фелет, правитель Израильскаго царства, явился в Хеврон, то он уже застал там старѣйшин ближайших городов Иудей: эти старѣйшины поѣхали без вѣдома верховнаго правителя государства. Царь не принял Фелета, передав ему:

Обожди, пока соберется весь Израиль.

Ждать пришлось недолго, и на торжественном приѣмѣ Фелет, от имени всего Израильскаго царства, сказал:

— „Вот мы — кости твои и плоть твоя! Еще вчера и третьего дня, когда Саул царствовал над нами, ты выводил и вводил Израиля. И сказал Господь тебѣ: „ты будешь пасти народ мой и ты будешь вождем Израиля.“*)

Львы в клѣткѣ.

Иоав и его брат Авесса продолжали сидѣть в темной башнѣ дворца. Но их отец, старый Саруйя, и весь дом его были на свободѣ. И никто не понимал, почему царь дѣлает так, а не иначе...

Цѣлый мѣсяц Саруйя сидѣл дома, ожидая, что придут царскіе воины уведут его, но когда то не случилось, он сам пошел в Хеврон. Начальник дворцовой охраны Рефаил, сын Оведа, немало удивился, увидя старика:

— Или ты, Саруйя, о двух головах, что пришел ко дворцу царя Давида? Радуйся, что царь позабыл о тебѣ, и не накликай бѣду ни на себя, ни на дом твой!

Саруйя, совсѣм бѣлый, но ходящій крѣпкой эластичной походкой, очень похожій на своего старшаго сына Иоава, упрямо твердил:

— Доложи обо мнѣ царю!...

*) Гл. 5, ст. 1—2.

Рефаил, высокій, полный, с черною как смоль курчавой бородою, молча слушал неоднократно повторенную просьбу старика. Потом заговорил медлительно и важно, — так как всѣ дѣйствія его были важны и медлительны, чѣм он чрезвычайно импонировал всѣм, кому приходилось говорить с ним.

— Обожди, Саруйя, пока уляжется гнѣвъ царя. Не ты один — мы всѣ будем просить его за твоих сыновей. Но пока еще не время! Ты знаешь царя, и знаешь как нехорошо шутить с ним, когда он не желает этих шуток...

Но Саруйя стоял на своем:

— Доложи обо мнѣ, я принимаю на свою голову и милость и гнѣвъ царя Давида.

Рефаил отрицательно покачал головой.

— Я, Саруйя, у себя дома, и знаю, что в этих стѣнах ушей нѣтъ. Но вмѣстѣ с тѣм, я не знаю, во что мнѣ обойдется то, что ты теперь говоришь со мной. Я не могу этого скрыть от царя, так как уши царя слышат все и глаза царя видят все, что дѣлается в царствѣ его. Но я и воспользуюсь этим: попытаюсь пощупать почву под твоими и под моими ногами, — потому что всѣ знают, как я был предан твоим сыновьям, когда они были в славѣ и в почетѣ. И я не мало удивлен, что зная об этом царь, первым дѣлом не смѣстил меня с этой должности, — начальника охраны его священной особы, должности самой важной в государствѣ послѣ мѣста, которое занимали твои сыновья. — Иди теперь, Саруйя и жди, — я пошлю тебѣ отвѣтъ царя, но сам, сдѣлай милость, больше не приходи ко мнѣ.

На слѣдующій день Рефаил, послѣ обычнаго доклада у царя, сказал:

— Саруйя, отец Иоава и Авессы, приходил к царю и просил меня доложить тебѣ об его желаніи видѣть тебя.

Царь помолчал и спросил:

— Что же ты отвѣтил ему?

— Что я мог отвѣтить? — Будь счастлив, Саруйя, сказал я, что царь не трогает тебя, и молчи. Так как царь знает, что и куда слѣдует положить.

— Однако ты все таки доложил мнѣ о желаніи Саруйи?

— Как я мог скрыть от моего царя, что отец Иоава и Авес-

сы был у меня? Как я мог скрыть, почему он был у меня? Все, что знаю я, должен знать и мой царь!

Давид усмѣхнулся.

— Нѣтъ ли у тебя еще чего нибудь на душѣ?

— Вот, царь: я тогда нехорошо разслышал, в какую башню, слѣдовало посадить сыновей Саруйи: в темную, нижнюю, или в свѣтлую, верхнюю?...

Царь неожиданно нахмурился:

— Вот что, Рефаил: у тебя, полагаю, только одна голова и, если паче чаянія ты ее потеряешь, то к туловищу уже не приставишь запасную голову.

Рефаил поблѣднѣлъ и молчал. Царь спросил:

— Гдѣ они сидят?

— В нижней, царь, в темной. Получают только хлѣб и воду, как и всѣ тяжелые преступники.

— Теперь иди, Рефаил, и не пытайся шутить со мною. Иди.

Несмотря на запрещеніе, Саруйя уже ждал в домѣ Рефаила. Тот, увидя старика, позабыл всю важность и замахал руками:

— Уходи! Ради Господа, уходи! — Царь меня спросил есть ли у меня запасная голова, что бы приставить к туловищу, если, паче чаянія, эта как нибудь отдѣлится от него!...

Он прошел мимо Саруйи и запер дверь перед самым его лицом.

Старик глубоко вздохнул и вышел из дома Рефаила.

Прошел еще мѣсяц. Каждый день в башнѣ, в которой сидѣли Іоав и Авесса, открывалась массивная деревянная, окованная желѣзом, ставня, и тюремщик брал с подоконника сосуд из под выпитой воды, — так как воды давалось ограниченное количество, и она вся всегда выпивалась до послѣдней капли. Затѣм, налив сосуд вновь водою, тюремщик его ставил снова на подоконник. Потом брал два куска хлѣба, каждый величиною с кулак крупнаго мужчины, и клал эти два куска рядом с водою. Послѣ этого массивная ставня затворялась, закладывалась желѣзным болтом и замыкалась огромным висячим замком.

Раз в день свѣжій воздух и свѣтъ проходили во внутрен-

ность башни, — время, пока тюремщик, перемѣнялъ воду и клал хлѣб. Все остальное время в башнѣ был душливый отвратительный воздух, полный запахом человѣческих испражнений и мочи.

Такова была знаменитая нижняя башня, в нынѣшнее время мѣстопробываніе Іоава и Авессы, бывших первых полководцев царя Давида.

Прошло два мѣсяца послѣ убійства Авенира. Два мѣсяца братья, сыновья Саруи, задыхались в зловоніи башни, питаются лишь настолько, что бы не умереть с голоду. Царь, казалось, забылъ о них, и никто не смѣлъ напомнить ему.

Назначена была большая царская охота на львов, появившихся вблизи столицы и рвавших овец и коров жителей деревень. Всѣ жители этой мѣстности должны были оцѣпить мѣстность, гдѣ предполагались львы, и, дѣлая всевозможный шум, гнать их на царя и его свиту. И вот, когда царь, сопровождаемый конвоем и многими важными сановниками, ѣхал по дорогѣ, вдруг из кустов около дороги вышел Саруй, и упал на землю перед мулом царя. Царь обѣхал его и громко приказал Рефаилу, начальнику царской охраны:

— Старик соскучился по своим сыновьям! — Посади его к ним в башню — пусть повидаются.

Рефаил отѣхал в сторону отдать соотвѣтствующее приказаніе, а царь больше не сказал об этом ни единого слова.

Охота была удачна, а царь доволен: именно ему довелось убить и львицу и льва. Два довольно больших львенка были взяты живьем в звѣринец царя. Львица была подстрѣлена стрѣлою царя и добыта им же копьем. Лев бросился на мула Давида, но тот успѣлъ встрѣтить его ударом брошеннаго копья. Удар был так силен, что лев упал на землю не кончив прыжка. — Царь мог быть доволен своею охотой!

Когда проѣхали мимо дворцовой башни, царь слѣз с мула и пошел в башню. Вся свита также спрыгнула со своих мулов и лошадей, и двинулась за ним, но царь раздумал, остановился и спросил начальника охраны:

— Старик здѣсь, Рефаил?

Получив утвердительный отвѣтъ, он прибавил:

— Но ты это навѣрно знаешь, или только полагаешь, что твое приказаніе не могло быть невыполненным?

— Навѣрно знаю, царь, так как мнѣ доложили тотчас послѣ того, как Саруйя был посажен в ту же башню, в которой находятся Іоав и Авесса.

— Хорошо. Завтра, послѣ обычнаго доклада, ты мнѣ напомнишь об этом.

Царь не пошел в башню, но пѣшком направился во дворец в свои комнаты. Перед входом он отпустилъ всѣх, которые сопровождали ему.

На слѣдующій день, послѣ окончанія ежедневнаго доклада, Рефаил доложил:

— Кромѣ того, ты, царь, приказал напомнить, что старый Саруйя находится в той же башнѣ, гдѣ и его оба сына Іоав и Авесса.

Царь так долго молчал, что Рефаил хотѣлъ было повторить свой доклад. Потом заговорил медленно, видимо обдумывая каждое слово:

— Старика выпустить теперь же... Сказать ему, что бы впредь не мѣшался в царскія дѣла... Так... А тѣх двух обмыть и перевести в верхнюю башню... Я собственно хотѣлъ их выдержать в этой башнѣ три мѣсяца, но уж пусть... Пищи в верхней башнѣ давать им вдвое, — пусть еще поголадают, — это им полезно, — но для нужды водить вниз — пусть дышат чистым воздухом... А нижнюю обильно помыть и хорошенько высушить. — а то мимо нельзя идти, такой запах... Иди и сдѣлай все тотчас. Наблюдай сам за всѣм, и только когда оба сына Саруйи, вымытые и в чистой одеждѣ, будут сидѣть в верхней башнѣ, только послѣ этого можешь уйти к себѣ. А завтра, в обычное время, подробно доложишь, как все произошло. Иди с миром.

Когда открыли дверь, то оттуда пахло таким запахом, что Рефаил отдернулся в сторону. Он стоялъ теперь около открытой двери и ждал, что кто нибудь покажется в дверях. Но внутри было и тихо и темно. Тогда Рефаилу пришло в голову, что всѣ трое умерли, задохну-

лись в вони. Он подошел ближе, и довольно неувѣренным голосом позвал:

— Саруйя!... Иоав!... Авесса!... Выйдите сюда!...

Никто не показывался. Тогда Рефаил приказал открыть окно, что бы пустить свѣтъ сбоку, и посмотреть живы ли узники; он был серьезно озабочен, и в головѣ уже вставал будущій, до крайности непріятный, разговор с царем...

Но вот показался Саруйя. Он постоял в дверях, затѣм нетвердым шагов двинулся дальше. Подойдя к Рефаилу, нагнулся к его уху и тихо прошептал:

— Хорошо царь Давид награждает своих лучших слуг!

Рефаил только испуганно махнул рукой.

Вышел Авесса с лицом озлобленного волка. Наконец Иоав с опущенным вниз взором, котораго он так и не поднял до конца разговора. Выйдя из башни, он остановился в дверях и больше не двигался. Рефаил начал говорить:

— Вот!... вот!... Так сказал царь Давид: — старика выпустить совсѣм и сказать ему, чтобы впредь не смѣл мѣшаться в царскія дѣла. — Слышишь, Саруйя? — ты свободен, но впредь не смѣй вмѣшиваться в царскія дѣла! — А дальше царь сказал так: — тѣх двух обмыть, переодѣть в чистую одежду и перевести в верхнюю башню. Пищи им давать вдвое и водить вниз для нужды. По одиночкѣ водить, а не обоих вмѣстѣ, и под сильным конвоем.

Он повернулся к начальнику стражи:

— Ты слышал? — Так, вот, исполняй! — Уходи же, Саруйя! Чего стоишь, когда тебѣ приказано уходить?

Саруйя подошел к сыновьям, тихо сказал нѣсколько слов, повернулся и, не прощаясь с Рефаилом, ушел.

Еще через мѣсяц в жизни узников была снова перемѣна: им было разрѣшено давать хлѣб, фрукты, овощи, мясо, вареное и жареное, молоко, масло и яйца в количествѣ, в каком они пожелают.

Так прошло еще девять мѣсяцев. Ровно через год послѣ заключенія в тюрьму, царь Давид, теперь уже неограниченный повелитель всего Израиля, только что блестяще закончившій войну с филистимлянами, гдѣ он сам командовал израильскими тысячами, — послѣ прогулки по саду вдруг неожиданно поднял-

ся в верхнюю башню. Дежурный офицер и начальник караула в сію же минуту явились, и ждали приказаній.

— Открой дверь.

Ключ привратника загремѣл в замкѣ.

— Закрой! — приказал царь, войдя в просторную комнату башни. На губах Давида играла чуть замѣтная улыбка, все желавшая расшириться, но он сдерживал ее. Оба узника вскочили с мѣст и вытянулись как солдаты, если входит офицер. Царь сѣл и, пока ничего не говоря, с любопытством осматривал комнату. Было чисто и сухо. Свѣтъ и воздух свободно проходили в маленькія окна башни, закрытыя толстыми желѣзными рѣшетками. На нарах лежали тюфяки, наполненные сѣном, и кровати были покрыты мѣховыми одѣялами. На столѣ большой сосуд с водою и блюдо с фруктами.

Оглядѣвъ всю комнату, царь посмотрѣлъ сначала на Іоаву, стоявшаго без движенія, потом на его брата Авессу. Он совсѣм улыбнулся и спросил:

— Ну, мои львята? — Угломонились? Давид все таки сильнѣе вас?

Затѣм он заговорил серьезным голосом:

— Сядьте оба. Сядьте же, говорю! Вот что, Іоав: вѣроятно ты знаешь, что произошло за этот год, пока ты отдыхал в этой башнѣ? Но я все таки напому тебя: хотя тебя и не было, но я стал неограниченным повелителем страны; хотя тебя и не было, но я блестяще закончил всѣ войны,*) получив большую добычу и богатые выкупы; хотя тебя и не было, но я вчера заключил с царем филистимским Анхусом мир, крайне выгодный для нас, и крайне тяжелый для него; хотя тебя и не было, но царская казна сильно наполнилась за этот год... Как видишь, Іоав, ты не необходим для меня: ты не Авенир и я не Іевосфей, — Давид съумѣет и сам справиться с царством!

Царь помолчал играя кистями своего пояса. Потом снова заговорил:

— Но я не забыл твоих услуг, Іоав. Я помню твою вѣрную службу и тогда, когда я был царем Іудеи, а ты моим первым охотник гоняет в горах куропатку... Помню... Помню твою

*) Гл. 5. ст. 25.

службу и тогда, когда я был царем Иуды, а ты моим первым полководцем; я знаю твои способности, знаю, что равнаго тебѣ в нынѣшнее время нѣтъ во всем Израилѣ, и вот я рѣшил: завтра уже ты вступишь в исполненіе всѣх твоих прежних должностей, как бы этого несчастнаго года и не существовало. Ты будешь опять первый послѣ меня, а ты, Авесса, как и прежде — вѣрный помощник своего старшаго брата. Сегодня вы оба отдохнете в своем домѣ, — гдѣ за это время ничто не измѣнилось, и гдѣ уже ждут вас, — так как я извѣстил ваши семьи и ваших домоправителей о вашем возвращеніи. Завтра же я созову большой совѣтъ и публично объявлю о том, что Іоав и Авесса, сыновья Саруи, возстановляются мною во всѣх своих прежних званіях и должностях.

Царь встал. Вскочили и сыновья Саруи. Царь подошел к ним совсѣм близко и тихо, но медленно и грозно, сказал:

— Но бойтесь повторить свой опыт! Помните, что Давид достаточно силен, что бы держать царство в своих руках, и что эти руки не ослабѣли, но укрѣпились!

Улыбка появилась на губах царя, и он добавил веселым и добродушным тоном:

— Теперь идите, мои лучшіе друзья! Я все нехорошее забыл, — забудьте же его и вы! Цѣните меня, и я буду цѣнить вас!

В дверях царь сказал начальнику стражи дворца Рефану и окружавшим его офицерам:

— Іоав и Авесса возстановляются во всѣх своих прежних правах и должностях. В точности исполняйте приказанія их, так как они приказывают моим именем.

На другой день на торжественном засѣданіи Большаго Совѣта воля царя была объявлена сановникам, а послѣ этого, через глашатаев и во всем царствѣ.

На этом засѣданіи Іоав и Авесса, в блестящем вооруженіи, стояли по обѣим сторонам трона царя.

Столица Давида Іерусалим.

Тридцать лѣтъ было Давиду, когда умер Саул. Тридцать два года, когда он сдѣлался повелителем всего Израиля. Семь

лѣтъ и шесть мѣсяцев он царствовал в Хевронѣ, царствовал со славой и великой честью для своего имени и своего народа. Мало по малу всѣ окрестные народы должны были платить Израилю тяжелую дань, но за то царь Давид и народ израильскій богатыя и „ширился“.

Но Давид небылъ доволен своей столицей и присмотрѣлъ себѣ другой город, стоявшій, однако, так крѣпко, что без больших жертв его невозможно было взять. Это город был расположен на горѣ Сіонѣ и его жители, іевуссеи, гордые, неприступным положеніем, хвастливо говорили:

— Если Давид возьмет даже весь міръ, то все таки ему не удастся взять Сіон!

Однажды Давид предложил им выгодныя условія покупки города, но жители надменно отвѣтили ему:

— Ты сам по себѣ, и мы сами по себѣ: сохрани свое золото и свое серебро для самого себя!

Тогда Давид повелѣлъ им сказать:

— Не пускаете меня добровольно, так я войду силою!

На это іевуссеи, жители города, отвѣтили так:

— „Ты не войдешь сюда! Тебя отгонят слѣпые и хромые!“*)

Это означало, что крѣпость сама по себѣ уже настолько крѣпка, что даже одни слѣпые и хромые могли бы отогнать такого героя, как Давид.

Давид умѣлъ ждать. Он оставил этот отвѣтъ в своем сердцѣ: хорошо! буду помнить: меня отгонят слѣпые и хромые!...

Через два мѣсяца послѣ этого насмѣшливо-гордаго отвѣта, Давид одним из своих знаменитых усиленных переходов. когда кажется, что люди не перешли или переѣхали из одного мѣста в другое, но перелетѣли по воздуху, — Давид ночью ползком подошел к Сіону и неожиданно, среди полного мира, ворвался в крѣпость.

— „И сказал Давид в тот день: всякій, убивая Іевусеев, пусть поражает и хромых и слѣпых, ненавидящих душу Давида“...*)

На утро город, устланный трупами жителей его, был в пол-

*) Гл. 5, ст. 5—8.

ной власти Давида. Город этот, с того дня носящій название Иерусалима, сдѣлался и остался навѣки „городом царя Давида“, так как Давид украсил его и укрѣпил так, как он никогда не был укрѣплен раньше. Прошло три тысячи лѣтъ, а „стѣны Давида“ поражают и в нынѣшнее время крѣпостью своей постройкой, и широким замыслом.

Первым зданіем, выстроеннымъ в новой столицѣ, был великолѣпный дворецъ царя. Царь, богатаго морской торговлей города Тира, Хирам, в видѣ почетнаго откупа, прислалъ Давиду мастеровъ и огромное количество превосходнаго кедроваго дерева, которое доставлялось в ближайшую к Иерусалиму гавань, а оттуда перевозилось на верблюдахъ к мѣсту постройки. Мастера царя Хирама, — каменщики и плотники, — выстроили зданіе, равнаго которому небыло и в самомъ Тирѣ. В этомъ великолѣпномъ дворцѣ Давидъ жилъ до своей смерти, взявъ еще много новыхъ жен и еще больше новыхъ наложницъ, так какъ мѣста в новомъ дворцѣ хватало на многія сотни женщинъ даже тогда, если каждая изъ нихъ имѣла свою отдѣльную комнату.

Кромѣ шести сыновей, родившихся отъ женъ в Хевронѣ, прежней столицѣ государства, вот имена сыновей, родившихся уже в Иерусалимѣ: Самусъ, Сававъ, Натанъ, Соломонъ, Евеаръ, Елисуа, Нафекъ, Іафія, Елисама, Елидаасъ, Елифалетъ, — всего одиннадцать сыновей, кромѣ прежнихъ шести. Дочерей же Давидъ не считалъ.

Переносъ Ковчега Завѣта.

Ковчегъ Завѣта съ Господомъ находился все время в домѣ первосвященника Аминадава, что на холмѣ. Теперь царь Давидъ рѣшилъ перенести его в новую свою столицу. Переносъ долженъ былъ быть сдѣланъ съ небывалою торжественностью, — в соответствии съ новымъ положеніемъ Израиля среди другихъ народовъ страны: изъ равнаго и часто даже побѣжденнаго и подчиненнаго онъ, в правленіе Давида, сдѣлался народомъ властителемъ, народомъ-побѣдителемъ всѣхъ своихъ сосѣдей, большинство, которыхъ платило постоянную дань, обогащая царскую казну, тогда, какъ другіе ограничивались „дарами“ или иначе, — единовременною данью, повторяющуюся болѣе или менѣе часто, болѣе или

меньшей величины. Но количество этих послѣдних все уменьшалось, а количество первых, то есть постоянных данников, с каждым годом увеличивалось, так как никакой народ не мог побѣдить Давида и его полководцев Иоава и Авессу, его брата, сыновей Саруи.

Приготовленія к переносу Ковчега Завѣта были огромны. Тридцать тысяч человѣкъ, депутатов от всѣх городов и деревень Израиля, собрались на это торжество. Была изготовлена новая колесница из драгоценных благовонных деревьев, которая потом должна была быть матеріалом для благоуханнаго костра, на котором будут принесены в жертву Богу волы, никогда никого еще не возившіе, но специально обученные для этого торжественнаго дня. Ковчег, величайшая святыня всего Израиля, с которой всегда невидимо присутствовал сам Господь Бог Израилев, была вынесена и поставлена на драгоценную колесницу двумя сыновьями Аминадава, священниками, Ахіо и Оза. Впереди и сзади Ковчега шли музыканты и пѣвцы.

„А Давид и всѣ сыны Израилевы играли перед Господом на всяких музыкальных орудіях из кипарисового дерева: и на цитрах, и на псалтырях, и на тимпанах, и на систрах, и на кимвалах...“

Торжественное шествіе Ковчега было благополучно, однако, лишь до страннаго случая, крайне напугавшаго, как самого царя Давида, так и весь бывший с ним народ: когда около гумна одного человѣка, по имени Нахона, молодые волы круто завернули, и колесница накренилась на одну сторону, сыну первосвященника Аминада, священнику Озѣ, шедшему за колесницей, показалось, что она опрокинется, и Ковчег Божій упадет на дорогу. Он поспѣшил поддержать падающую святыню. — Колесница выровнялась и Ковчег не упал, но священник Оза, едва дотронулся до святыни, пал мертвым на землю: его поразили Господь за то, что он осмѣлился прикоснуться к такой великой святынѣ.

Так объяснил дѣло царь, так его объяснили священники, так его понял народ. Один Иоав усмѣхнулся и, подтолкнув брата, тихо сказал:

— Но кто же выносил Ковчег из жилища первосвященника Аминадава? Не его ли сыновья Ахіо и Оза? И кто ста-

вид его на колесницу? Не эти ли же священники? И кто снимет его с колесницы, когда мы прибудем к мѣсту названія? Не священники ли также?...

Авесса осторожно толкнул брата и тот замолчал. Через нѣкоторое время Авесса пояснил:

— Когда ты говорил, царь смотрѣл на нас!

„И утѣшилсѣ в тот день Давид Господа, и сказал: как войти ко мнѣ Ковчегу Господню? И не захотѣл Давид везти Ковчег Господень к себѣ, в город Давидов, а обратил его в дом Аведдара Гефянина.“

Случай с Озою до крайности напугал всѣх, и когда доѣхали до дома Аведдара, гдѣ царь приказал оставить Ковчег, никто не рѣшался снять его с колесницы, боясь смерти. Тогда царь приказал оставить его на колесницѣ, выпрягнувши волов, и устроить над ним шатер из драгоцѣннаго виссона.

Но вскорѣ случилось нѣчто неожиданное:

„Господь благословил дом Аведдара и все, что было у него, ради Ковчега Божія“*): все, что рождалось в домѣ его, — от людей и до скота, — рождалось легко и без болей, было крѣпко и здорово, поля Аведдара дали превосходный урожай, оливковые деревья необыкновенно большіе и сочные плоды, виноградныя гроздья необыкновенной величины и ягоды, небывало крупныя, были сладки как мед; град, прошедшій широкой полосой, прошел как раз мимо полей Аведдара... Всякое дѣло, которое он предпринимал, кончалось выгодно для него и счастливо.

Когда царю доложили об этом, он задумался: не лежит ли вообще благословеніе на том, у кого находится Ковчег? Но тогда разумѣется он должен быть в Сіонѣ, рядом со дворцом царя!

В этот раз торжество перевозки Ковчега Завѣта с Богом было еще больше, чѣм в первый раз: почти поминутно останавливалась процессія для убійства жертвеннаго животного.

„И когда несли Ковчег Завѣта проходили по шести шагов, он (Давид) приносил в жертву тельца или овна.“*)

Весь путь Ковчега был залит кровью не в переносном, но в буквальном смыслѣ: каждые шесть шагов, — как говорит

*) Гл. 6, ст. 2—23.

Библия, — убивалось жертвенное животное. Священники, в окровавленных одеждах, поминутно убивали жалко кричащих и бросающихся в паническом страхѣ молодых быков и овец. Для непривычнаго человѣка это зрѣлище было полно ужаса: конные и пѣшіе люди едва сдерживали длинными бичами обезумѣвших от запаха крови, обреченных на смерть животных. Каждый быкъ был привязан за оба рога и за всѣ четыре ноги длинными веревками, конец, которой держал сильный, опытный в этом дѣлѣ мужчина-пастух. И эти быки, предчувствуя смерть, с расширенными от ужаса глазами, время от времени глухо ревя, неожиданно бросались в стороны, увлекая за собою и держащих их людей. Иногда быки, повалив всѣх шесть человѣкъ, которые держали веревки, вырывались и неслись по полю, наводя панику и вселяя ужас в тѣх, кто находился на их пути. Тогда за ними устремлялись конные, нагоняли быка, схватывали веревки и вновь овладѣвали обреченным на смерть животным. Несчастный быкъ, дрожа всѣм тѣлом, с обезумѣвшими глазами, полными влагой слез, покорялся и шел к тѣм, которые убивали его ударами топора... Нужна была большая сила, ловкость и умѣнье священника, чтобы убить несчастное животное... Быкъ, уже тяжело раненый, кидался вправо и влѣво, пока не падал, а его рев заглушался пѣніем толпы, и звуком музыкальных инструментов.

Когда Мелхола, будучи еще дѣвочкой, в первый раз увидѣла жертвоприношеніе, она с громким плачем бросилась на шею матери, плача и крича:

— За что? мама, за что это? Неужели Бог Израилев так зол, что ему эти мученія доставляют радость?! Бѣдные; бѣдные, бѣдные быки! Лучше умереть, но не видѣть этого.

Один персіянин, религія котораго требовала поклоненію Духу на высотах, видя однажды при дворѣ царя Давида торжественное богослуженіе, воскликнул:

— Какая ужасная религія, и какое отвратительное служеніе Богу!

Царь Давид с дѣтства привыкъ к виду крови и к виду мук. получивших смертельный удар, и вид крови не ужасал его, а конвульсивныя движенія умирающих, он видѣлъ так часто, что вид их не возбуждал в нем ни ужаса ни отвращенія, но он знал

— так его учили учителя религии — что Бог Израилев „ужасен в гнѣвъ своем“.

Боязнь вызвать этот ужасный гнѣвъ и заставляла его дѣлать то, что по мнѣнію учителей, пріятно Богу: благоуханіе жертвы...

Рев и предсмертные крики жертвенных животных, заглушали по временам пѣніе хвалебных гимнов и музыку инструментов. Сам царь, одѣтый в льняной священнический эфод, „скакал изо всей силы перед Господом“*)).

Мелхола, дочь царя Саула, главная жена Давида, не любила этих жертвоприношеній, и хотя уже не плакала и не кричала, как дѣлала будучи дѣвочкой, но предсмертный крик и жалкій рев убиваемых животных, всегда крайне волновали ее. Всегда недовольная этим обрядом, сегодня она, видя самого царя кричащим и „скачущим изо всѣх сил“, когда он вернулся во дворец, сказала ему:

— „Как отличился царь Израилев, обнажившись сегодня перед глазами рабынь рабов своих, как обнажается какойнибудь пустой человек“...

Царь Давид отвѣтил ей ядовитым словом, которое дѣйствительно укололо ее так, как он этого хотѣл:

— „Перед Господом, который предпочел меня отцу твоему и всему дому его, утвердив меня вождем народа Господня, Израиля, — перед Господом играть и плясать буду!“

С этого дня всѣ отношенія между ним и Мелхолой, как мужа и жены, были прерваны: Мелхола странная, задумчивая, холодная к ласкам, — как женщина больше не привлекала его:

— „И у Мелхолы, дочери Сауловой, не было дѣтей до дня смерти ея“...*)).

Царь Давид на верху своей славы.

Война Давида уже не ограничивались, как прежде, лишь защитой границ государства или набѣгами за поиском добычи: — денег, драгоценных вещей, рабов, рабынь, волов, ослов, овец, верблюдов, — в сосѣднія государства. Давид даже не ограничивался теперь наложеніем контрибуціи, но

*) Гл. 6. ст. 2—23.

насягал на самые народы и на самыя государства. При этом одним из самых дѣйствительных средств было навести на народ ужас, терроризировать его, убить в нем самую мысль о возможности сопротивленія. Вот, напримѣр, как он поступил с Моавитянами, побѣдив их:

„Поразил Моавитян, и смѣрял их веревкою, положив на землю; и отмѣрил двѣ веревки на умерщвленіе, а одну веревку на оставленіе в живых“...*)

Любимой фразой царя была „горе побѣжденным“! Цѣлый день мѣрили люди Давида связанных и положенных на землю Моавитян своими веревками: двѣ веревки отмѣряют и тут же, не откладывая дѣла в долгій ящик, начинают убивать. Воины подходят к связанным людям, конвульсивно вертящимся, стараясь уклониться от смертельнаго удара, и тычут копьями в грудь в лицо, в глаза, в уши, в живот своих жертв... в зависимости от того, куда пришелся удар, когда человек, связанный по рукам и по ногам, корчился и извивался... Воины Давида до того привыкли, что спорили на деньги, какой человек умрет скорѣе: кого бьют в грудь, в спину или в живот? Были и сладострастники, находившіе при этом особое наслажденіе, артисты своего палатческаго дѣла...

...„И отмѣривал двѣ веревки на умерщвленіе и одну на оставленіе в живых“...

Не легка была участь и тѣх, которым милостиво была дарована жизнь. Голая жизнь! И только! — Но за то отсюда тѣ неисчислимыя богатства, которыя царь Давид оставил своему сыну, мудрому Соломону.

„Наказанія“ побѣжденным варьировались:

„И поразил Давид Адраазара, сына Реховова, царя Сувскаго, когда тот шел, чтобы возстановить свое владичество при рѣкѣ Ефратѣ. И взял у него Давид тысячу семьсот всадников и двадцать тысяч пѣших. И подрѣзал Давид жилы у всѣх коней колесничныхъ, оставив себѣ из них для ста колесниц. И пришли сирійцы Дамасскіе на помощь Адраазару, царю Сувскому, но Давид по-

*) Гл- 8, стих, 2.

разил двадцать двѣ тысячи человекъ сирійцев. И поставил Давид охранные войска в Сиріи Дамасской, и стали сирійцы у Давида рабами, платящими дань“;*) — настолько тяжелую, что несмотря на „охранныя войска“ в населеніи все время вспыхивали возстанія.

Таким образом границы государства были расширены в одну сторону до великой рѣки Ефрата, на юг — до великаго государства Египта, на запад — до моря и на восток — до сыпучих песков пустыни. Всѣ, прежде свободные народы, населявшіе землю вокруг израильтян, были обращены в рабство, о чем с гордостью и рассказывают лѣтописи.

Все это время войны Давида были счастливы. Счастливы даже и тогда, когда он не выѣзжал из Іерусалима. Его полководцы, Іоав и Авесса усвоили всѣ приемы своего господина и царя и, частью благодаря дѣйствительным талантам, частью благодаря новизнѣ приемов, побѣждали.

Иногда неопытные сосѣди, еще не опѣнив вполне силы Давида, сами вызывали его на борьбу. Так, напримѣр, молодой царь Аммонитян, Аннон, надѣясь на помощь союзников, жестоко оскорбил послов царя Давида:

„Взял Аннон слуг Давидовых, и обрил каждому из них половину бороды, и обрѣзал одежду их на половину, до чресл, и отпустил их“;**)

Аммонитяне полагали, что они хорошо подготовились к бою: кромѣ своих войск, они наняли еще двадцать тысяч пѣших сирійцев, царь Мааха послал им тысячу человекъ и из Истова прибыло двѣнадцать тысяч воинов.

Надѣясь на свое превосходство, Аммонитяне раздѣлили свои силы и поставили их спереди и сзади Израильтян, чтобы раздавить их, как жернова раздавливаютъ крупу. Этим раздѣленіем воспользовался главнокомандующій войсками Давида, Іоав: став с отборными людьми против тридцати трех тысяч сирійцев, он остальное войско поручил своему брату Авессѣ, чтобы дѣйствовать против Аммонитян. Авесса должен был главным образом пугать противника, часто и энергично переходя в наступленіе, сдерживать врага искус-

*) Гл. 8, ст. 3—4, **) Гл. 10, ст. 4.

ными маневрами своих войск и ждать результата боя брата с наемниками, которые в силу психологии человека, всегда являются менее стойкими, чем войска, защищающія свои очаги, своих дѣтей и жен. Авесса должен был все это дѣлать по возможности лишь частью своих войск, что бы в трудную минуту придти на помощь брату. — Было рѣшено во что бы то ни стало сначала покончить с наемниками и потом, уже всѣми силами, опрокинуться на Аммонитян.

Иоав справился один со своей задачей, и как только Аммонитяне увидѣли, что союзники бѣгут, побѣжали и они, так что Авессѣ оставалось лишь бить в спину убѣгающаго врага.

На этот раз Аммонитянам удалось скрыться в укрѣпленный город, и Иоав, не имѣя в данное время средств для долговременной осады или избѣгая ее, возвратился в Іерусалим.

Результат боя поразил, однако, всю Сирію. Уже раз побѣжденный царь Сувскій, Адраазар собрал огромное, по тому времени войско, и поручил командованіе им своему лучшему полководцу Соваку. Приготовились и Израильтяне; с Иоавом и Авессой выступил и сам царь Давид.

„И побѣжали сирійцы от израильтян. Давид истребил у сирійцев семьсот колесниц и сорок тысяч всадников. Поразил и военачальника Совака, который там и умер. Когда всѣ цари покорные Адраазару, увидѣли, что они поражены израильтянами, то заключили мир с израильтянами и покорились им. А сирійцы боялись болѣе помогать аммонитянам.“*)

Аммонитяне были оставлены на произвол судьбы или, правильнѣе, на произвол войск Давида. Но они упорно защищались, и Иоав, осаждавшій их главный город Равву, мѣсяцами стоял под ней без видимаго успѣха. Много раз он пытался взять город хитростью или ночью, но аммонитяне были бдительны, и всякій раз отбивали нападенія. Но Иоав был не только храбр, он умѣл быть и терпѣливым: послѣ долгих мѣсяцев осады ему удалось лишить город воды и он послал царю Давиду гонца со слѣдующим извѣстіем:

*) Гл. 10, ст. 18—19.

— „Я овладѣл водою города. Теперь собери остальной народ, подступи к городу, и возьми его. Ибо если я возьму то мое имя будет нарѣчено ему“.**)

Очевидно тяжелый урок, данный царем своему полководцу, послѣ убійства тѣм Авенира, не прошел даром: Иоав вполне признал в Давидѣ своего владыку. Давид немедленно проявил всю энергію, присущую ему, — хотя для этого пришлось оторваться от его послѣдней, окончательно очаровавшей его, любви к маленькой Вирсави, вдовы одного из офицеров его войска.

„И собрал Давид весь народ, и пошел к Раввѣ, и воевал против нея, и взяла ее.“ Взявши же „вынес очень много из города“. В числѣ прочаго — царскій вѣнец чистаго золота, в талант вѣсом, — вѣнец, перед которым блѣднѣл вѣнец самого царя Давида, так как кромѣ болѣе тяжелаго вѣса, в вѣнцѣ был драгоцѣнный камень небывалой цѣны. Давид был так поражен, что „сейчас же возложил его на свою голову“.**))

Дальше началось, пожалуй, вообще самое ужасное, что Давид дѣлал со своими плѣнниками: моавитян мѣряли веревками и одну треть оставляли в живых; аммонитяне слишком энергично и слишком долго защищались, что бы им была оказана такая милость! Они не только должны были быть умерщвлены поголовно всѣ, но к тому же небывалым по жестокости способом. Вся фантазія ада была призвана на помощь и, наконец, рѣшено слѣдующее:

Живых людей, предварительно крѣпко связав, клали в станки для дров — и распиливали по живому тѣлу! — обыкновенными плотничьими пилами, не обращая вниманія на ужасныя крики жертв, пилили по животу, по груди, по лицу... Других также, конечно, предварительно хорошо и крѣпко связавши, клали под желѣзныя молотилки, приводимыя в дѣйствіе быками. Плѣнные извивались, и удары желѣзных цѣпов попадали по рукам, ломая кости, по ногам, по животу, по груди, по лицу...

Над „полем казни“ стоял непрерывный стон ужаса и

**) Гл. 12, ст. 27—31.

боли... Проклятія, предсмертное хрипѣніе, смѣх потерявших разсудок, скрипѣніе зубами, все сливалось в общій гулъ ужаса и боли.

Третьих рубили желѣзными топорами. Связанные люди лежали на землѣ, а палачи, ходя между ними, рубили их, точно дрова в лѣсу. — Очевидно фантазія изобрѣтателя мученій здѣсь изсякла... Но за то она проявилась в полной мѣрѣ в четвертом способѣ мученій: печи для обжиганія кирпича накалялись столько, сколько они могли выдержать и в отверстіе этих печей бросались живые связанные люди.

Все это производилось не над одним человѣком, не над десятком или сотней людей, но над многими тысячами, так как аммонитяне были многочисленным народом, а в Библии сказано ясно:

„А народ, бывшій в столицѣ, он (царь Давид) вывел, и положил их под пилы, под желѣзные молотилки, под желѣзные топоры, и бросил их в обжигательныя печи“.

В концѣ сказанія сдѣлано эпическое добавленіе:

— „Так он поступил со всѣми городами аммонитскими“...*)

Вирсавія, послѣдняя любовь.

Однажды, как раз во время войны, так печально кончившейся для аммонитян, в то время, как Іоав стоял под Раввой, их столицей, царь Давид гулял по кровлѣ своего дворца, превращенной искусными руками в розовый сад. Он встал с постели послѣ дневного зноя и теперь, гуляя по кровлѣ, с любопытством наблюдал с высоты за жизнью в окрестных домах. В одном из дворов он увидѣлъ особенно интересное зрѣлище, привлекшее все вниманіе царя, имѣвшего в это время уже около пятидесяти лѣтъ.

Около бассейна, сдѣланнаго для стока и храненія дождевых вод, мылась молодая женщина. Хотя женскій дом царя был наполнен красавицами со всѣх ковцов нынѣ такого

*) Гл. 12, ст. 31.

обширнаго царства, но новизна всегда привлекала царя. Так и теперь он наблюдал с величайшим интересом за умываньем молодой женщины. До нея было далеко, но глаза царя ясно видѣли упругія формы ея тѣла.

Купавшаяся видимо и не подозрѣвала, что за ней наблюдают, и еще меньше подозрѣвала, что наблюдают ея каждый жест и каждое ея движеніе. Она тщательно мыла и растирала каждую часть своего тѣла, совершенно не думая о других людях.

Чувственность начинала охватывать царя. Он встал и прошелся по кровлѣ. Вскорѣ вернулся и вновь начал наблюдать! надо было отдать полную справедливость чувству чистоты молодой женщины; она все еще мылась и плескалась.

Царь опять прошелся по крышѣ и снова остановился на том мѣстѣ, откуда была ясно видна молодая женщина.— Она кончила мыть себя и теперь вытиралась с той же тщательностью, с которой только что мылась. Царь уже не уходил, стоял и не спускал с нея глаз. Как только женщина ушла, он рѣзко повернулся и, дойдя до серебрянной доски, висящей на серебряных же цѣпочках, ударил молотком. На звон почти немедленно появился слуга.

— Позови ко мнѣ начальника дворцовой стражи Рефаила.

Он был гдѣ то близко, потому что явился почти немедленно. Это уже был сѣдой старик — с того времени, как Іоав сидѣл в тюрьмѣ, прошло около двадцати лѣтъ!

Рефаил, сильно пополнившій, но здоровый и сильный по прежнему, подошел своею походкой важнаго сановника к царю. Тот подвел его к краю крыши и спросил, указывая на двор дома, гдѣ только что купалась молодая женщина:

— Чей это двор и кто живет в этом домѣ?

Рефаил чистосердечно признался:

— Не знаю, царь, но я сейчас же пошлю узнать.

— Обожди и выслушай: там только что купалась молодая женщина. Я хочу эту женщину видѣть здѣсь, близко, около себя.

— Я, царь, прикажу, чтобы всѣ женщины, живущія в

этом домѣ, немедленно явились сюда. А там мы узнаем, которая из них только что купалась, и этим оскорбила глаза царя.

Царь усмѣхнулся и сказал с улыбкой:

— Она не оскорбила... как раз наоборот...

— Скажем: которая восхитила глаза царя! — Но ей это, конечно, не слѣдует говорить... Впрочем, царь, мое дѣло не разсуждать, но разыскать ее. Положись на меня и дай только мнѣ надлежащее время.

Рефаил стоял нѣсколько секунд в раздумьи, потом, очевидно пайдя то, что желал, радостно улыбнулся. Он обратился к царю:

— У меня, государь, есть нянька моих младших дѣтей Мааха. — Если мы пошлем туда воинов, то произойдут только совершенно ненужные разговоры. Но если туда сходит эта шустрая Мааха, то дѣло останется извѣстным только тебѣ, мнѣ, Маахѣ и той женщинѣ, которую ты хотѣл бы повидать. — Для этого разрѣши Маахѣ придти сюда на кровлю, чтобы я мог указать ей двор, в котором купалась эта женщина.

Царь с улыбкой отвѣтил:

— Дѣлай то, что найдешь нужным. Я иду к себѣ в комнаты.

Через нѣсколько времени рядом с Рефайлом стояла еще молодая женщина, с улыбающимся лицом, но рѣзкими энергичными чертами. С точностью опредѣлив двор, в котором находился желанный бассейн, она сошла вниз. Через четверть часа она вернулась и доложила:

— Имя купавшейся женщины Вирсавія, дочь Эліама, жена Уріи Хеттеянина, маленького по чину офицера войск Іоава, сражающагося теперь под стѣнами Раввы против аммонитян.

Почему ты не привела ее?

— Она не идет. Говорит, что мужняя жена, а не гулящая дѣвка.

— Но ты сказала ей, что сам царь желает ее видѣть?

— Сказала.

— Ну, и она?

— Только то, что я передала тебѣ. Если, говорит, возьмете меня силой — буду кричать... Сам понимаешь, Рефаил, что это неудобно...

Рефаил молчал, и только частое морганіе глазами показывало, что голова работает. Наконец он сказал:

— Пойду и доложу царю — пусть рѣшает сам... Ты обожди здѣсь, не уходи далеко.

Через нѣсколько минут он вернулся и сказал призванной им Маахѣ:

— Царь сказал ясно и опредѣленно: желаю ее видѣть. — Поди, Мааха, и дѣлай как знаешь. Но только Вирсавія должна быть здѣсь во дворцѣ.

Через пять минут Мааха вновь стояла перед Вирсавіей:

— Здравствуй снова, красавица!

Вирсавія, маленькая, но стройная и прекрасно сложенная хорошенькая женщина, встрѣтила гостью очень холодно:

— Я тебѣ сказала, Мааха: я не пойду к царю.

Мааха прикусила губу и молчала. Потом серьезно сказала:

— Царь тебя хочет видѣть. Это еще не значит, что он хочет дѣлать что нибудь дурное. Помни, что он царь, а твой муж маленькій чином офицер...

Вирсавія отрицательно покачала головою и рѣшительно повторила:

— Не пойду.

— Ты, все таки, подумай о чем говоришь! Тебя не убудет, если пойдешь, а мужу может быть очень и очень плохо. Да и тебѣ не одобровать, — ты, вѣдь, знаешь царя?

— Знаю и все таки не пойду!

Мааха направилась к выходу говоря:

— Мы еще попробуем уговорить тебя. Обожди немного.

Она вышла. На улицѣ стоял офицер и четыре солдата. Увидя Мааху поспѣшно подошел к ней. Та коротко сказала ему:

— Воинов оставь у двери, сам иди в комнату.

Вирсавія испуганно смотрѣла на офицера. Она знала его:

— Это ты, Вааса! Защити меня от этой женщины!

Офицер серьезно сказал:

— Иди, Вирсавія, — царь требует тебя.

Молодая женщина заплакала:

— Не пойду! Ни за что не пойду!

Офицер, уже старый человѣкъ, нагнулся к ней:

— Плачь, Вирсавія, но иди. Со мной четыре война и мнѣ приказано принести тебя на руках, если не захочешь идти.

Вирсавія продолжала тихо плакать. Офицер обождал и сказал:

— Иди же, Вирсавія, иди! Вытри твои слезы, нехорошо предстать перед царем со слезами на глазах! Мы не можем ждать, пока выльются всѣ твои слезы и высохнут глаза!..

Вирсавія нѣсколько раз умывала свое лицо, и глаза снова наполнялись слезами. Наконец она рѣшительно поднялась и сказала:

— Уйди, Вааса, со своими воинами, — я пойду с Маахой одна. Не хочу, что бы весь народ видѣлъ, что я иду под конвоем, точно преступница.

На это офицер отвѣтил так:

— Нѣтъ, — идите вы вперед, а мы пойдем через нѣсколько минут, — так будет вѣрнѣе!

Вирсавія, имѣя все еще печальное лицо, усмѣхнулась и взяв покрывало, вышла. За ней вышла Мааха, а через нѣсколько минут, когда обѣ женщины скрылись из виду, пошли и воины.

Давид ожидал в своей спальнѣ. Вошел Рефаил и доложил:

— Вот, царь, та женщина, о которой ты говорил. Прикажешь ввести ее и оставаться мнѣ здѣсь, или введя ее уйти.

— Скажи ей войти, а сам останься впріемной залѣ.

Вирсавія вошла и остановилась у дверей. На ней было покрывало, но, войдя, она опустила его на плечи. Глаза ея были опущены, и на них навертывались медленные слезы.

Царь, сидя, смотрѣлъ на нее: вблизи она была еще

красивѣе, чѣм издали. Он тихо и ласково, как говорят больным дѣтям, сказал:

— Не плачь, Вирсавія. Подойди ближе. Не бойся меня — я не причиню тебѣ зла.

Она продолжала стоять у дверей и плакать. Тогда царь встал со своего ложа и подошел к ней. Он стоял около и не знал, что говорить — им овладѣло непонятное смущеніе. Лишь много лѣтъ назад, когда он был простой пастух, пѣвец и музыкантъ царя Саула, он испытывал нѣчто подобное в разговорѣ с царской дочерью Меллолой. Но тогда это было вполне понятно, так как разница между пастухом и дочерью царя была слишком велика. Но какова могла быть причина смущенія теперь?... Она — жена одного из мелких офицеров, он — царь над десятками царей. Тысячи женщин побывали на его ложѣ, и он никогда не испытывал ничего подобнаго. Были женщины, которыя воспламеняли его, но не было женщин, перед которыми бы он робѣлъ... И теперь эта Вирсавія, больше похожая на дѣвочку, чѣм на женщину...

Молодая женщина подняла свое лицо и взглянула на царя. В этом взглядѣ смѣшивались робость и любопытство: так вот он, этот царь Давид, о котором ходило столько легенд! Тот Давид, при одном имени котораго дрожали цари и народы, — он был перед ней и почти робко заглядывал ей в лицо... Гдѣ же тѣ ужасы, что рассказывали о нем?... Говорили, что он связывал людей, клал их на землю длинными рядами и мѣрил веревками эти ряды. Двѣ отмѣренных веревки убивались, и одна оставлялась в живых... И так убивали не только мужчин, плѣнных воинов, но и плѣнных женщин, дѣвушек, дѣтей... Говорили, что он клал связанных людей в стойки для пилки дров и пилил живых людей плотничьими пилами... Говорили, что связанных людей по его приказанію рубили топорами, как рубят в лѣсу дрова... Говорили, что живых связанных людей он бросал в раскаленные печи для обжиганія кирпича... Говорили, что молодых дѣвушек он сначала отдавал воинам для насилія, — отбирая при этом самых красивых для себя, — а потом этих дѣвушек пилили, рубили, бросали в раскаленные

печи... Значит все это невѣрно, и царя просто оклеветали... Развѣ можно подобное допустить при этом добром лицѣ, при этих чистых глазах?

К ней наклонялась доброе, красивое, обрамленное рамкой бѣлокурых с просѣдью волос, лицо и на нее смотрѣли робкіе красивые глаза, с выраженіем ожиданія и надежды...

Ей вспоминалось другое лицо, лицо ея мужа Урія Хеттеянина, немолодого суроваго воина, для котораго долг был выше всего на свѣтѣ. Он любил ее, Урій, даже ласкал, — как ласкают маленькую дѣвочку, но она всегда боялась его. До сих пор он ни разу не ударил ее, но, когда он бывал дома, — что бывало рѣдко, — так как он проводил почти все время или на войнѣ, или в казармах, обучая воинов, — она боялась шума своего дыханія и ходила на цыпочках.

Но несравненно страшнѣе мужа был его начальник Іоав. У него была курчавая, рыжая с просѣдью борода, рыжія густыя, сросшіяся вмѣстѣ, брови, нависающія над сидящими в глубоких впадинах глазами. Глаза, почти без рѣсниц, смотрѣли холодно и как то прорѣзывали насквозь... Говорил он такими же краткими фразами, как и Урія... Увидя Вирсавію, взял ее за подбородок и спросил Урія:

— Это твоя дочь?

Не дождался отвѣта, потрепал ее больно по щекам и сказал:

— Славная, славная дѣвочка!

Раньше она много раз видѣла царя Давида, но всегда издали, всегда окруженнаго людьми, мѣшавшими ей, при ея маленьком ростѣ, видѣть. Ей всегда казалось, что если на него посмотрѣть вблизи, то он будет настолько страшнѣе Іоава, насколько тот был страшнѣе ея мужа Урія...

Теперь этот Давид стоял около нея совсѣм близко; высокій, широкоплечій и, разумѣтся, очень сильный, но вовсе, вовсе не страшный!

Она подняла лицо вторично, опять посмотрѣла в глаза Давида и, неожиданно для себя самой, улыбнулась. Испугалась этой улыбки, опустила глаза вниз и покраснѣла.

Царя Давида охватило страстное желаніе схватить эту маленькую, прелестную, граціозно сложенную женщину, под-

нять, как ребенка, в воздух и прижать к своей груди. Он живо представил себѣ, как она, неожиданно лишенная опоры, испуганная тѣм, что ее подняли на воздух, заболтает в воздухѣ миниатюрными, хорошенькими ножками, ища для них опоры... Со всякой другой женщиной он, разумеется, так бы и поступил, но эта Вирсавія... Какая чарующая сила оберегает ее, что он, царь царей, не смѣет к ней прикоснуться? — — — Не смѣет? Он, Давид, не смѣет? Какая сила сдерживала его, он не знал, но что эта сила давала совершенно новую, никогда прежде не испытанныя ощущенія — это было вѣрно! Нѣчто подобное было с Мел-холой, но в какой, сравнительно, слабой степени! Он до-жил чуть ли не до полусотни лѣтъ, у него перебивали ты-сячи женщин, он полагал, что все, что касается до отношеній мужчин к женщинам, ему в точности извѣстно, и вдруг — вѣчто н о в о е, до сих пор неиспытанное, и это новое и не-испытанное обладает небывалой силою наслажденія...

Он начал говорить, и его самого поразила слова и ин-тонація его голоса:

— Слушай... Вот, Вирсавія...

И вдруг она подняла свое лицо и, глядя прямо ему в глаза, сказала с очаровательной простотой:

— А ты, царь, совсѣм не страшный!...

Давид засмѣялся счастливым смѣхом и спросил:

— А ты меня считала страшным?

Она еще раз подняла на него свой взор, улыбнулась опять и, опустив глаза, тихо сказала:

— Теперь отпусти меня домой — скоро ночь.

При словѣ „ночь“ страсть охватила Давида. Он взял плечи молодой женщины и начал тянуть ее к себѣ. Она уперлась обѣими руками в его широкую грудь и тяжело дышала.

— Пусти меня!...

Эти слова были сказаны прерывающимся шопотом.

Давид молча тянул ее к себѣ, мягко преодолевая силу ея вытянутых, упертых в его грудь, рук. И эти руки не выдержали и скоро согнулись. Царь нагнулся к ней, обжег

своим горячим дыханіем и, прижимая к себѣ, боясь в то же время причинить ей боль, страстно прошептал:

— Я люблю тебя, Вирсавія! Так люблю, как не любил до сих пор ни одну женщину в мірѣ!

Она тихо и робко шептала:

— Пусти! Пусти меня! Скоро ночь, и я должна быть дома...

Но он чувствовал, что ее начинает охватывать тот же огонь, который пожирал его. Он поднял ее и посадил на лѣвую руку, как сажают маленьких дѣтей, и она, боясь, упасть, охватила его шею своими обнаженными руками. Он прижал свою голову к ея головкѣ, и так они стояли в продолженіи долгих секунд...

Затѣм он тихо прошептал:

— Я не знаю, что дѣлается со мной!?... Ты меня околдовала!

В отвѣтъ она засмѣялась тихим, счастливым смѣхом. Затѣм сказала одно слово, смысл котораго был неясен для нея самой:

— Вот...

Он ждал что будет дальше, но она молчала. Тогда он, с удивительной лаской в голосѣ, спросил:

— Что „вот“?

Она опять засмѣялась тихим, счастливым смѣхом, потом тихо сказала:

— Так... ничего...

— Вирсавія?...

— Ну?

Послѣ минутнаго молчанія, во время котораго Давид не переставал улыбаться, он сказал:

— Вот видишь...

Она любопытно нагнулась к нему:

— Что „видишь“?...

Ничего!...

Давид притянул ее к себѣ и поцѣловал. В первый раз от начала свиданія! Поцѣловал робко, как цѣлует юноша в первый раз в его жизни. Поцѣловал и испуганно по-

смотрѣлъ, не разсердилась ли Вирсавія? Не обидѣлъ ли он ее этимъ поцѣлуемъ? — Но она сидѣла на его рукѣхъ, и счастливая улыбка освѣщала ея прелестное лицо с закрытыми глазами, длинныя рѣсницы которыхъ теперь ясно выдѣлялись на матовомъ блескѣ щеки. Хорошенькая, счастливая головка была граціозно посажена на круглыхъ плечахъ, с которыми она соединялась тонкой, точно выточенной, шейкой. Грудь ея, скрытая легкой прозрачной матеріей, сквозь которую просвѣчивали темныя ореолы сосков, быстро и сильно дышала. Соски грудей, какъ двѣ пуговицы, ясно обозначали верхушки грудей.

Давид откинулся назадъ и окинулъ взоромъ всю эту прелесть и красоту. В немъ проснулся художникъ, и этотъ художникъ оказался на время сильнѣе мужчины-самца, державшаго до сихъ поръ лишь женщину-самку в своихъ рукахъ. Онъ восхищенно прошепталъ:

— Ты красива, Вирсавія!

И она на эти слова неожиданно и самоувѣрено отвѣтила:

— Да! Я знаю, что красива!

Этотъ отвѣтъ разсмѣшил и развеселилъ его. Ни одна женщина, кромѣ Мелхолы, — тридцать лѣтъ назадъ, — не говорила с нимъ такимъ языкомъ! Но та была дочь царя, а онъ былъ пастухъ, хотя и уже прославленный герой... Мелхола могла, смѣла такъ говорить!... Но эта дѣвочка, что сидитъ на его рукахъ?... Какъ она рѣшается такъ говорить ему, Давиду, при одномъ имени, котораго вздрагиваютъ цари и народы?...

Царю, страшному отъ Ефрата до Египта, и отъ моря до пустыни?...

— Ахъ, ты! ахъ, ты!...

Онъ притянулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ. Но это былъ не поцѣлуй страсти, но радости и счастья.

Вдругъ она повернулась и, какъ угорь, выскользнула изъ его рукъ. Онъ сжалъ руки, но было поздно — она уже стояла на землѣ. Еще черезъ секунду она бѣжала къ дверямъ. Онъ едва поймалъ ее у самой двери.

— Ты куда?

И она, глядя ему серьезно в глаза, нѣсколько удивленно:

— Как куда? — Домой!

Он ее крѣпко держал в своих руках, а она пыталась вырваться из этих желѣзных тисков. Борьба вновь возбудила его чувственность. Молодое, гибкое и упругое тѣло, извивавшееся в его руках, снова пробудило самца, от которого пытается ускользнуть самка. Оба тяжело дышали в этой глухой борьбѣ. Разумѣется, она много раз уступала в силѣ, но он щадил ее, щадил эту нѣжную атласистую кожу, и, при ея изумительной ловкости и проворствѣ, ей много раз удавалось вырываться из его рук. В борьбѣ ея легкія платья были разорваны и сброшены; вскорѣ она металась в его руках совершенно обнаженная.

Вѣроятно, было какое то необходимое и неотложное дѣло, потому что кто то постучал в двери. Давид даже не услышал этого стука. Но Вирсавія слышала и, задыхаясь от борьбы, глухо крикнула:

— Пусти! пусти меня, — стучат!

Давид воспользовался этим моментом затишья с ея стороны, схватил ее на руки и торжествующе понес к своему ложу, покрытому мягкими пушистыми шкурами лисиц.

Дверь тихо пріоткрылась, и начальник стражи дворца Рефаил заглянул в комнату. Также тихо закрыв дверь, он легонько свистнул и прошептал:

— Теперь ему не до государственных дѣл... Но как же быть?...

Он медленно пошел по корридору.

Утром первая проснулась Вирсавія. Царь еще спал и тихо улыбался во снѣ. Она разсматривала его: он был далеко не так молод, как она его представляла вчера. На темени была изрядная плѣшь, прикрытая, впрочем, длинными, бѣлокурыми, с довольно сильной просѣдью, волосами. Днем эти волосы красиво падали по плечам царя. Под глазами были мѣшки, и около носа шли к губам довольно глубокія морщины. Но лоб, высокій и красивый, был гладок. Очень красив был прямой узкій нос. Рѣсницы и брови были темны, что придавало особенную красоту всему лицу.

Могучая грудь Давида медленно, но высоко поднималась при тихом, равномерном дыханіи.

Разглядѣвъ Давида, Вирсавія начала разсматривать спящую

царя. Такой роскоши она не только не видѣла, но даже не подозрѣвала, что она может существовать. Весь пол был покрыт ковром из медвѣжьих шкур. Мраморные с рѣзбою столы. Кровать слоновой кости с золотом и серебром. Табуретки из серебра и слоновой кости. То, о чем она слышала, но никогда еще не видѣла: сосуды из стекла! Окна закрывали тяжелыя занавѣси из красной матеріи, вышитыя золотыми и серебрянными нитями. На низком мраморном столикѣ, у самаго ложа царя, была привѣшена на серебряныхъ цѣпочкахъ такая же серебряная дощечка длиною, около сорока, шириною около пятнадцати и толщиною около полусантиметра. Около нея лежалъ небольшой серебряный молоточекъ, с красивыми рѣзными украшеніями. Значенія этой дощечки она не понимала, но пока и не пыталась догадываться. Но мысль, что если ударить этим молоточкомъ по дощечкѣ, то получится красивый звук, понравилась ей. Она взяла молоточекъ и уже поднесла къ дощечкѣ, но захотѣла сначала удостовѣриться спит ли Давидъ?

Он не спал, но смѣющимися глазами слѣдил за ея движеніями. Она выпустила молоточекъ, опустила глаза и покраснѣла, как хорошо воспитанный ребенокъ, пойманный на недозволенной шалости.

Давид поднялся и силою положил ее около себя. Она сначала сопротивлялась, но потом быстро юркнула под пушистое, легкое какъ перо, одѣяло. Там обхватила его шею руками и прижалась къ нему.

Давид тихо улыбался.

Мааха, возведенная теперь в чин довѣренной царя, явилась однажды къ нему. О связи царя знали всѣ. Вирсавія жила в своемъ домѣ и Мааха состояла при ней, хотя и ночевала у Рефаила.

Давид спросилъ:

— Что скажешь, Мааха?

— Царь!... Вирсавія... Я должна доложить тебѣ... Однимъ словомъ Богъ благословилъ ее...

Царь обезпокоился. Конечно слѣдовало ожидать этой беременности, но... Она, вѣдь, замужняя, у нея есть муж... Какъ же теперь быть?...

Для начала он потребовал от Иоав, стоящего у стѣн города Раввы со своими войсками, чтобы тот прислал к нему в качестве очередного гонца Урію Хеттеянина. — Иоав немедленно выслал и, когда Урія явился, произошло нѣчто странное...

Урія был тип воина-педанта, до фанатизма преданного своему дѣлу. Трудно сказать, что предполагал Давид: вернувшись в Іерусалим, муж должен был прежде всего узнать о беременности своей жены, которую он не видѣл уже в продолженіи почти года. Это произошло бы со всяким мужем, кромѣ мужа такого типа, каким был Урія. Он же, явившись с поля военных дѣйствій, пошел во дворец не заходя домой, так как выше всего была служба, а не молодая жена! Мало того, — обласканный царем, Урія, получив сообщеніе, что к войску он поѣдет лишь на другой день, и теперь не отправился домой, но почевал в палаткѣ у дворца вмѣстѣ с людьми, прибывшими с ним. Давид был удивлен, и спросил на другой день об этом.

— „Вот ты пришел с дороги: отчего же ты не пошел в дом твой?“

„И сказал Урія Давиду:

— „Ковчег, и Израиль, и Іуда находятся в шатрах, и господин мой Иоав, и рабы господина моего пребывают в полѣ, а я вошел бы в дом свой ѣсть и пить и спать со своею женою! Клянусь твоей жизнью и жизнью души твоей, я этого не сдѣлаю!“

Царь обласкал вѣрнаго слугу и дал ему письмо для передачи Иоаву-полководцу. В письмѣ, в числѣ прочаго, были и такія слова: „поставьте Урію там, гдѣ будет самое сильное сраженіе, и отступите от него, чтобы он был поражен и умер“.

С этим письмом, осчастливленный царской лаской, Урія спѣшил к мѣсту военных дѣйствій.

Иоав в точности исполнил приказаніе царя и так писал об этом:

„... поставил Урію на таком мѣстѣ, о котором знал, что там храбрые люди. И вышли люди из города, и сразились с Иоавом, и пало нѣсколько из народа, из слуг Давидовых. Был убит также и Урія Хеттеянин“...

„И услышала жена Урія, что умер Урія, муж ея, и пла-

кала по мужѣ своем. Когда кончилось время плача, Давид поспал и взял ее в дом свой. И она сдѣлалась его женою и родила ему сына"...*)).

Таким образом декорум был соблюден: муж погиб на войнѣ смертью храбрых, а его неутѣшная жена была утѣшена самим царем.

Беременные женщины всегда внушали Давиду отвращеніе, но с Вирсавіей было иначе, и он, глядя на ея вспухшій живот, казавшійся огромным при ея миниатюрном ростѣ, умилялся, прижимал к себѣ и гладил свою капризную жену, которую „возлюбил больше самого себя“. Он, прежде никогда почти не бывавшій в женском домѣ, предпочитая требовать ту, которая почему либо возбуждала его вниманіе, к себѣ в спальню, — проводил почти все время в комнатах Вирсавіи, которыя были отведены ей не в женском домѣ, но рядом с апартаментами царя.

Вирсавія, сознавая свое безобразіе, прятала живот, ласкаясь к своему мужу, который послѣ строгаго и тяжелаго Ури казался ей нѣжным и любящим другом, но Давид сам осторожно раздвигал складки матеріи, гладил этот вспухшій живот и прикладывал ухо, что бы слышать бѣненіе сердца новой жизни...

Ничего подобнаго никогда с ним не было!...

В свое время он презирал царя Саула и называл его презрительным именем „бабника“ за то, что тот почти все время проводил в женском домѣ среди своих жен и дѣтей. При нем жены угощали одна другую, вышивали, шили и дѣлали разныя другія женскія работы, ссорились, мирились, жаловались царю одна на другую, и он их мирил. Иногда он бил их, иногда даже убѣгал, не будучи в состояніи справиться с женскою яростью. Но большею частью это была идиллія, и жены весело разговаривали между собою и с мужем-царем, забывая о том, что онѣ рабы, а он повелитель.

Дѣти играли при нем, играли с ним, лѣзли к нему на колѣни, дергали его за усы и за бороду. Всѣ эти Іонафаны, Аминадавы, Малхисуа, Меровы, Мелхолы и многіе другіе дѣйстви-

*) Гл. 11, ст. 2—27.

тельно составляли одну общую семью, и лишь постоянно болѣв-
ний сирота Іевосфей держался отдѣльно от других. Но он был
так тих, что никто даже и не знал, гдѣ он... Он не портил
радости и дружбы других дѣтей.

С Давидом было иначе. Любил он, в сущности, только
двух женщин, — одну в молодости и другую в старости. Это
были Мелхола и Вирсавія. При его страстной и чувственной
натурѣ он, конечно, не мог обходиться без женщин, онѣ были
ему необходимы каждый день и не одна или двѣ, но многія,
очень многія, что бы была постоянная смѣна впечатлѣній, воз-
буждающая чувственность. Но всѣ эти женщины, выполнивъ
свое назначеніе, обыкновенно возбуждали лишь его отвращеніе,
и бывало, что он прямо с ложа прогонял такую жену или на-
ложницу из своей спальни. Прогонял грубыми и рѣзкими
словами.

Странно было бы видѣть Давида в женском домѣ, бесѣду-
ющим и шутящим со своими женами, и играющим со своими
дѣтьми, как это часто дѣлал царь Саул. Нѣтъ, он если и при-
ходил туда, то как строгій инспектор. Первый, увидѣвшій его
идушим к женскому дому, обыкновенно кричал в корридор испу-
ганным и придушенным голосом, — чтобы не быть услышан-
ным:

— Цааарь! Царь идет сюда!

И этот крикъ наводил ужас на населеніе женскаго дома, на-
чинаая от маленьких дѣтей, поспѣшно бѣжавших к своим ма-
терям, и до Маахи, дочери царя Гессурскаго, самой знатной —
послѣ Мелхолы — из жен царя. Дрожали евнухи, дрожали,
прихорашиваясь, жены и наложницы. Лишь гордая и высоко-
мѣрная Мелхола, да никого не боявшаяся Эгла были спокойны,
как всегда. По крайней мѣрѣ, по внѣшности.

Дѣти Давида даже не знали слова „отец“, и это слово для
них в полной мѣрѣ замѣнялось словом „царь“. Также их ма-
тери никогда не употребляли слова „муж“ и, представляя Да-
вида, говорили и думали о нем словом „царь“.

Число жен Давида было слишком велико, чтобы составлять
тѣсный домашній круг, как это было у Саула. Каждая из них
жила своей отдѣльной жизнью, постоянно ссорясь из за дѣтей,
так как ни одна никогда не могла допустить, что в ссорѣ, а

тѣм болѣе в дракѣ, мог оказаться виновным именно ея ребенок. Виноваты были всегда другіе, и часто двѣ матери стояли одна против другой, как разъяренныя тигрицы.

У Саула подобные споры всегда рѣшал авторитетный голос царя, всегда старавшагося добиться правды, но здѣсь ни одна из жен никогда бы не подумала осмѣлиться обратиться к Давиду... И без этого то одна, то другая из жен отправлялась в свѣтлую, иногда даже в темную башню на воду и хлѣб, или даже вовсе без ѣды и питья на сутки и болѣе. В женском домѣ, гдѣ Мелхола или Мааха, дочери царей, не желали имѣть ничего общаго с какой-то Эглой, женщиной неизвѣстнаго происхожденія, и не могло-быть полнаго единенія. У Саула эта разница, во первых, не была так велика, а, во вторых, постоянное присутствіе царя в кругу семьи и постоянное единеніе жен между собою сближало их и возбуждало хорошія, дружескія отношенія.

Не было единенія между женами Давида, не было единенія и между его дѣтьми. Уже в раннем дѣтствѣ сыновья и дочери, ссорясь между собою, жаловались своим матерям, а тѣ в свою очередь ссорились между собою. Эти ссоры разъединяли жен и разъединяли дѣтей. — Развѣ при Саулѣ мыслимо было бы возстаніе сына против своего отца, как возставали Авессалом и Адонія? Развѣ могла случиться трагедія между Амномъ и Тамарью, гдѣ брат изнасиловал свою сестру? — Развѣ мог бы возстать против Саула Ионафан? Или Аминадав? Или Малхисуа? Или мог бы кто нибудь из братьев покуситься на Мерову или Мелхолу?

Давид часто думал об этом и, человѣкъ трезваго ума, ясно видѣлъ причинны. Саул был окружен друзьями, любившими его, он же, великій Давид, как его часто называли, был совершенно одинок. Авенир, жены Саула, дѣти его, — они всѣ души не чаяли в своем мужѣ и отцѣ. Но были друзья и кромѣ Авенира, преданные друзья, любившіе не царя, но человѣка Саула. Кто же любил его, героя Давида? Не Іоав ли и не Авесса ли? Оба они талантливые слуги, но отнюдь не друзья. Возможно, что они преданы ему, но они преданы царю, а не человѣку. Жены? Дѣти? — Он, чувствуя с приближеніем старости все

болѣе и болѣе свое одиночество, поборол себя и начал искать дружбы. Прежде всего у друга своей юности — Мелхолы. Но что он встрѣтил: холодное презрѣніе!... Другого слова он не мог подобрать к отношенію к нему Мелхолы. Гордость его возмущилась, и он не искал уже сближенія с нею. Пробовал сблизиться и с сыновьями. В сущности он любил их, но из сближенія не выходило ничего, и каждый из них сжимался в себѣ, как улитка уходил в свою раковину...

Это одиночество все больше и больше мучало его. Если-бы был хоть один человѣкъ на землѣ, с которым можно было бы говорить по душѣ, не ожидая, что он будет взвѣшивать каждое свое слово... Он пытался даже сблизиться с Эглой, но тоже неудачно: она была удивительно глупа!

В это время появилась Вирсавія и как солнцем освѣтила всю жизнь Давида. Она любила, и при этом нисколько не боялась его. Не вѣрила тому, что он может ударить ее или посадить „в башню“. Не вѣрила даже тому, что он вообще смѣет сердиться на нее. — И Давид боялся встревожить эту увѣренность, чтобы не потерять преданнаго друга, котораго он нашел с таким трудом в дни своей старости. Она была очень неглупа, и с ней можно было вести длинные разговоры, так как она быстро осваивалась даже с тѣм, о чем прежде не имѣла никакого понятія. У нея было еще одно достоинство: — зная все, она никогда не вмѣшивалась в государственныя дѣла. Когда Давид работал, ходила на цыпочках и, когда он был мрачен и угрюм, вдруг подходила к нему, обнимала своей рукой, которую он так любил и, с искренним участіем говорила:

— Милый мой! Бѣдненькій! Сколько у тебя забот!

И сейчас же убѣгала, шопотом говоря:

— Не буду! Не буду мѣшать!

Поэтому Давид охотнѣе работал и принимал доклады у нея, чѣм в своем кабинетѣ, — она ему не мѣшала, но у нея была атмосфера ласки и любви.

За то, если он был почему нибудь весел, она была, как разыгравшійся котенок: прыгала с разгону ему на спину, идя

мимо, с плутовской улыбкой и как будто не замѣчая его, вдруг спотыкалась о его ногу...

Царь царей тогда забывалъ объ этомъ важномъ титулѣ, смѣялся, бѣгалъ за ней по комнатамъ и самъ превращался в ребенка.

Когда умерла Мелхола, всѣ думали, что царь дастъ Вирсавіи титулъ царицы, но этого не случилось: умная Вирсавія не хотѣла портить отношеній ни съ кѣмъ, — она знала, что этотъ титулъ далъ бы ей однѣ непріятности.

Дѣти царя.

Дѣти царя подрастали. Старшему изъ нихъ, красавцу Амону, сыну Ахиноамы-израилитянки, жены изгнанія, бѣдствій и постоянныхъ кочевокъ, красавицы, полюболившей его со всѣмъ пыломъ и страстью молодой любви, было уже двадцать пять лѣтъ.

У Маахи, дочери царя Геесурскаго, былъ восемнадцатилѣтній сынъ Авессаломъ, сыгравшій впоследствии такую большую роль въ возстаніи противъ своего отца, и шестнадцатилѣтняя дочь Тамарь.

Давидъ отличался своею красотою и въ жены себѣ выбиралъ только красивыхъ женщинъ, поэтому нечего удивляться тому, что Библия, говоря о комъ нибудь изъ дѣтей его, непременно прибавляетъ, что онъ или она были чрезвычайно красивы. Такъ Тамарь была первой красавицей въ Израилѣ, а Авессаломъ человекъ, о которомъ Библия говоритъ: „не было во всемъ Израилѣ мужчины столь красиваго, какъ Авессаломъ, и столь хвалимаго, какъ онъ: отъ подошвы ногъ до верха головы не было у него недостатка!“

Дѣти царя жили недружно, каждая семья жила своею жизнью, и братскихъ отношеній, какъ это было въ семьѣ Саула, между дѣтьми различныхъ матерей, совершенно не было. Амонъ, сынъ Ахиноамы, и Тамарь, дочь Маахи, царевны, почти не знали одинъ другаго, — матери у нихъ были различны, а „царь“ одинаково далекъ какъ отъ одного, такъ и отъ другой. Имъ странно было даже думать, что они братъ и сестра, какъ были братъ и сестра Авессаломъ и Тамарь, выросшіе вмѣстѣ и знавшіе другъ друга съ самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста. Поэтому ничего удивительнаго не было въ томъ, что Амонъ, обративъ однажды вни-

маніе на красавицу Тамарь, воспылал к ней нечистой страстью. Эту страсть замѣтила и Тамарь. Мало того — она отчасти раздѣляла ее. Хотя случаи женитьбы брата на сестрѣ были очень рѣдки, но они все таки бывали, и, напримѣр, в сосѣднем Египтѣ наслѣдник престола всегда женился на своей сестрѣ для того, чтобы в жилах фараона текла самая чистая царская кровь:

„Ты поговори с царем: он не откажет отдать меня тебѣ” — так говорила Тамарь, когда Амнон увлекал ее куда нибудь в темный угол сада и страстно цѣловал. Всякій раз она вырывалась от него и ставила непремѣнным условіем брак с ней. Амнон, однако, с „царем” не говорил: он был опытниѣ шестнадцатилѣтней дѣвушки и знал, что отец никогда не разрѣшит брака между своими дѣтьми. Но страсть все больше охватывала его. Он лишился сна и аппетита и горящим взором слѣдил за Тамарью. С трудом ему удавалось владѣть собою настолько, чтобы не схватить ее при всѣх.

У Амнона был друг Ионадав, племянник царя, сын его родного брата Самая. По Библии этот Ионадав „был человекъ очень хитрый”. И вот этот хитрый человекъ, давно уже присматривавшійся к страсти своего кузена, рѣшил вмѣшаться в это интересное дѣло. Прежде всего он пожелал узнать истинную причину постоянного худѣнія своего друга:

— „Отчего ты так худѣешь с каждым днем, сын царев, не откроешь-ли мнѣ?”

И Амнон открыл:

— Я люблю мою сестру Тамарь. Как ты думаешь — отдаст ли мнѣ ее царь в жены или нѣтъ?

Аминадав отрицательно покачал головой:

— Не думаю... Нѣтъ того в Израилѣ, чтобы братья женились на родных сестрах.

— Но она мнѣ сестра лишь по отцу..

Аминадав продолжал отрицательно качать головой:

— Нѣтъ, нѣтъ, царь не согласится...

Амнон сказал с тоскою:

— Но я не могу больше! Ты видишь, что дѣлается со мною? Я горю и в концѣ концов совсѣм сгорю от этой страсти!

Она тоже любит меня и согласна сдѣлаться моей женой, но ты сам говоришь, что царь никогда не согласится!...

Тогда Аминадав придумал такой способ разрѣшить трудный вопрос:

— Так царь, само собою разумѣется, не согласится... Но что, если бы его поставить перед уже совершившимся фактом?... Что, если бы ты бросился ему в ноги и сказал: царь! прости меня, но страсть преодолѣла мои силы! Отдай мнѣ в жены Тамарь, дочь царевны Маахи, так как я не могу жить без нея! — Царь, конечно, разсердится на тебя и начнет кричать. Тогда ты опусти глаза и скажи ему: царь! уже поздно!... страсть увлекла и меня и ее... — Ну? как ты думаешь об этом?...

Эта мысль поразила Амнона: да, именно! Поставить царя лицом к лицу с тѣм, что уже совершилось! — Но возник новый вопрос: как увлечь на это Тамарь? Несмотря на свою молодость, она крайне осторожна! Страсть, с которой Аммон не мог справиться, не раз заставляла его пробовать овладѣть ею силой, но она всегда вырывалась от него и нынѣшнее время сдѣлалась до крайности осторожна... Уговорить ее нельзя, она отвѣтит опять своим вѣчным: пойдѣ к царю и проси его...

Аминадав и здѣсь нашел выход:

— Вот что, Аммон: ты ляг в постель и притворись сильно больным. Тебѣ это легко, так как ты, дѣйствительно, больше похож на больного, чѣм на здороваго. Іетур, лекарь царя, конечно, сейчас же доложит ему. Царь, как всегда в таких случаях, придет навѣстить тебя. Вот ты и скажи ему: „пусть придет Тамарь, сестра моя, и подкрѣпит меня пищей, приготовив кушанье на глазах моих, чтобы я видѣл и ѣл из рук ея“.

Трудно думать, чтобы царь отказал тебѣ. Но если не откажет, и Тамарь придет в твой дом, то не трудно будет увлечь ее во внутреннія комнаты и там... Там вы будете одни, — это ты, хозяин дома, всегда можешь устроить...

Аммон в точности исполнил совѣтъ своего „хитраго“ кузена: на другой же день царскаго лекаря Іетура позвали к больному. Іетур был поражен:

— Что с тобою, царевич?

И Амнон признался ему: полное отсутствіе аппетита! Все ему невкусно и все противно... Если бы он поѣл, то сразу сдѣлалось бы легче, но всякая пища внушает только отвращеніе...

Іетур в точности доложил об этом царю, и тот поспѣшил к своему сыну:

— Что с тобою, сын мой?

Амнон рассказал и царю:

Вся болѣзнь происходит только от того, что он не может ѣсть! А ѣсть не может потому, что всякая пища возбуждает отвращеніе!...

И царь, и придворный лекарь стояли в недоумѣніи: как же выйти из этого круга? Неужели нельзя заставить себя поѣсть? — Но больной говорил, что это невысказано, что он уже пытался, и дѣло было только хуже...

И вдруг больной вспомнил:

— Вот, царь... Однажды моя сестра Тамарь, дочь Маахи, царевны Гессурской, своими руками замѣсила и спекла лепешки...

Глаза больного заблестѣли и на щеках появился румянец. Он продолжал:

— Я никогда в жизни не ѣл таких вкусных лепешек! Быть может... если бы она согласилась...

Царь улыбнулся:

— Ну, мы ее заставим согласиться...

Царь отдал распоряженіе, и Тамарь, в сопровожденіи двух придворных женщин и служанок, несших муку, воду, кадку для того, чтобы замѣсить тѣсто, и жаровню со сковородкой, явилась чтобы спечь лепешки.

Тамарь, хорошенькая, здоровая, веселая, кокетливо одѣтая в разноцвѣтныя одежды, которыя носили царскія дочери, с милой граціей выполняла свою цѣлительную миссію: она взяла в присутствіи Амнона муки, замѣсила ее, и тут же, на жаровнѣ, на принесенной сковородѣ начала печь лепешки. Вся комната больного была полна молодыми женщинами и работа шла оживленно и весело. — Лепешки были готовы и Тамарь, положив их на серебряную тарелку, поднесла больному.

„Но он не хотѣл ѣсть. И сказал Амнон: пусть всѣ вый-

дут от меня. И вышли от него всѣ люди. И сказал Аммон Тамари: отнеси кушанье во внутреннюю комнату и я поѣм из рук твоих“.

Начавши дѣло, надо его и кончать; кто сказал „а“, должен сказать и „б“, — что оставалось Тамари, как не кончить свое дѣло милосердія? — Она взяла тарелку с горячими лепешками и пошла за братом... правильнѣе, вмѣстѣ с братом, потому что он был слаб, встал лишь с трудом и мог идти, лишь опираясь на ея руку. Когда пришли во внутреннюю комнату, он лег на ложѣ и она протянула ему тарелку.

— Поставь здѣсь, около меня...

„И когда она поставила перед ним, чтобы он ѣл, то он схватил ее и сказал ей: иди, ложись со мною, сестра моя! — Но она отвѣтила: нѣтъ, брат мой! Не безчести меня, ибо не дѣлается так в Израилѣ! Не дѣлай этого безумія! И я, куда пойду я с моим безчестіем? И ты, ты будешь одним из безумных в Израилѣ! Ты поговори с царем — он не откажет отдать меня тебѣ“...

Но страсть уже овладѣла им. Он крѣпко держал ея руки и тянул к себѣ. Началась молчаливая борьба, в которой он оказался сильнѣе: „не хотѣл слушать слов ея, и преодолѣл ее, и изнасиловал ее, и лежал с нею“...

Но послѣ это случилось нѣчто такое, чего никак не могъ ожидать, ни он, ни она: едва он кончил свое злое дѣло, как ненависть начала замѣнять любовь и страсть, ненависть и отвращеніе къ этому прекрасному тѣлу, что лежало перед ним. Он боролся с собою, но не смог побороть себя:

„И возненавидѣл ее Аммон величайшей ненавистью, так что ненависть, какою он возненавидѣл ее, была сильнѣе любви, какую имѣл к ней“...

Он все еще боролся с собою, все еще хотѣл овладѣть собою. Она продолжала лежать, даже не пытаясь закрыться. Ко все растущей ненависти присоединилось отвращеніе. Он злобно прошипѣл:

— „Встань! Уйди!“

Тамаръ была поражена этим тоном ненависти и злобы. Она встала, оправила свои одежды и с негодованіем отвѣтила:

— „Нѣтъ! — Прогнать меня — это зло больше перваго, которое ты сдѣлал со мною!“

Она продолжала говорить, но он не слушал ее, глухо повторяя:

— Уходи! Уйди, — ты мнѣ противна, я ненавижу тебя! Ты мнѣ противна, ты отвратительна! Если не уйдешь, я прикажу вытолкать тебя, как выталкивают публичныхъ женщин!...

Она смотрѣла на него горящимъ, возмущеннымъ взглядомъ, даже не пытаясь защищаться, а он, видя, что она не идетъ, изступленно позвалъ слугу:

— „Прогони эту от меня вон! И запри дверь за нею!“

Она, пораженная всѣмъ случившимся, все-таки не шла, и тогда слуга взял ее за руку и потащилъ къ дверямъ.

— „Вывел ее слуга вон, и запер за нею дверь“...

Нѣкоторое время несчастная дѣвушка ничего не понимала и даже не видѣла насмѣшливыхъ улыбокъ слугъ Амнона, стоящихъ передъ ней. Ея разноцвѣтное платье, — „какое носили царскія дочери“, — было изорвано во время борьбы, и слуги могли предполагать, что было между ихъ господиномъ и ею... Лишь медленно начала она понимать то, что произошло: дико вкрикнувъ она разорвала свои одежды, войдя въ комнату, гдѣ стояла почти холодная теперь жаровня, схватила горсть пепла и посыпала свои роскошные волосы. Затѣмъ с громкимъ крикомъ выбѣжала изъ дома Амнона в сад, гдѣ ее ожидали дамы свиты и служанки, выпешшія изъ дома по повеленію Амнона.

— „И посыпала Тамаръ пепломъ голову свою, и разодрала разноцвѣтную одежду, которую имѣла на себѣ, и положила руки свои на голову свою, и такъ шла и вопила“.

Она вышла изъ дома и имѣла видъ скорѣе безумной, такъ какъ одежда ея была разорвана, роскошные густые волосы взбиты и включены и пепелъ сыпался по обнаженнымъ плечамъ. Увидя лекаря Іетура, своихъ придворныхъ и служанокъ, она с живостью вспомнила обиду, насиліе и оскорбленіе... Глухія рыданія смѣшались крикомъ:

— Он... он... он изнасиловалъ меня!..

В это время вошелъ в садъ Авессаломъ, ея брат. Узнавъ, в чемъ дѣло, онъ бросился в домъ Амнона, но слуги того удержали его.....

Тамарь не пошла больше в женскій дом, но ушла к своему брату Авессалому.

„И жила Тамарь в одиночествѣ в домѣ Авессалома, брата своего“...

Лекарь Іегур немедленно отправился к царю Давиду и подробно доложил о всем происшедшем. Библия говорит лишь о том, что царь „сильно разгнѣвался“, но нигдѣ нѣтъ упоминанія, чѣм выразился гнѣвъ обыкновенно строгаго царя. Наказаніе было не велико, так как Амнон продолжает участвовать в общественной жизни. Он был старшій сын царя. Дитя того времени, когда царь Давид, в то время изгнанник, имѣвшій лишь одну жену Ахисаму — израилитянку, любил молодой любовью и жену и своего первенца, котораго он ласкал и лелеял от ранняго дѣтства. Амнон был любимецъ царя, рѣзко отличенный среди другихъ братьевъ и сестеръ, родившихся уже в то время, когда государственныя заботы и обиліе жен и дѣтей не давали возможности останавливать свое вниманіе лишь на одном изъ них. Один Амнон состоялъ в совѣтѣ царя, лишь он принимал участіе в правленіи. Всѣ, возможно и сам царь, не смотрѣли на Амнона иначе, чѣм на будущаго царя Израиля.

Но если простилъ царь, то не простилъ брат Тамари Авессалом, затаившій свою ненависть до поры и до времени, но не забывшій ее до самой своей смерти: помнилъ дѣло Амнона, помнилъ и мягкость царя Давида... И то и другое он принималъ какъ тяжелое оскорбленіе сестрѣ и себѣ, тѣмъ болѣе, что он и сестра были единственные при дворѣ царя Давида, которые были не только дѣтьми, но и внуками царя, чѣмъ не могъ похвастаться даже сам царь Давид, бывшій только сыномъ пастуха.

Два года таилъ в себѣ Авессаломъ ненависть и острое чувство мести к обидчику своей сестры и восемь лѣтъ к царю, такъ слабо наказавшему обидчика...

Два года первая красавица всего Израиля Тамарь жила у брата. Она одѣвалась в темныя одежды и избѣгала радости. Хотя ей было уже восемнадцать лѣтъ, но не являлся ни один женихъ, такъ какъ лишь с презрительной улыбкой говорили об „остаткахъ Амнона“.

Однажды Авессаломъ засталъ сестру в саду за работой. Онъ залюбовался ею и высказалъ это:

— Как ты красива, Тамарь!

Тамарь горько улыбнулась и сказала:

— Другой мой брат, Амнон, также когда-то говорил это мнѣ... Обожди, Авессалом! — Вот царь умрет и царем в Израилѣ будет Амнон... И он тогда вспомнит обо мнѣ и прикажет взять меня во дворец... Не женой, конечно, — кто же женится на обезчещенных?... Наложницей я буду у него!... Да что я такое, дѣйствительно, чтобы иначе обращаться со мною? — Всего только дочь царя Израильскаго и внучка царя Гессурскаго! — Как и ты, Авессалом!

Дѣвушка продолжала работать, но ея глаза все время наполнялись слезами и она не видѣла того, что выпивала.

Авессалом посидѣл, затѣм молча встал и вышел: его рѣшеніе созрѣло:

— Нѣтъ! не будет того, чтобы Амнон правил Израилем! Лучше смерть, чѣм подобное безчестіе!

До сих пор отношенія его к Амнону были холодны, но корректны. В Библии говорится, что он „не говорил с Амноном ни худого, ни хорошаго“.

Когда рѣшеніе Авессалома созрѣло, он отправился к царю:

— „Вот нынѣ стрижка овец у раба твоего. Пусть пойдѣтъ царь и слуги его с рабом твоим. — Но царь сказал: нѣтъ, сын мой, мы не пойдѣм всѣ, чтобы не быть тебѣ в тягость. И сильно упрасивал его Авессалом, но он не захотѣлъ ийти, и благословил его. — И сказал ему Авессалом: по крайней мѣрѣ пусть пойдѣтъ с нами Амнон, брат мой. — И сказал ему царь: зачѣмъ ему ийти с тобою? — Но Авессалом упросил его, и он отпустилъ с ним Амнона и всѣхъ царскихъ сыновей“.

Именно в этот день Авессалом рѣшил отомстить за безчестіе сестры Тамари. Он правильно разсчитал, что если убьют Амнона на пиру среди братьев, то суматоха будет так велика, что в это время легче всего будет убѣжать ему и сестрѣ к царю Талмаю Гессурскому, их родному дѣдушкѣ по матери.

С одной стороны шли приготовленія к пиршеству, а с другой готовились лучшіе и быстроходнѣйшіе мулы и верблюды для побѣга. Надо было не только бѣжать, но требовалось также взять с собою часть прислуги и наиболѣе драгоцѣнныя

вещи, так как нельзя же было царским дѣтям явиться в чужой город нищими.

Сыновья Давида с радостью приняли приглашеніе Авессалома. Будучи лишь третьим сыном, он не мог считаться кандидатом на престол и быть соперником Амнона, но, будучи первым по знатности рода и по красотѣ, он многими считался естественным наслѣдником престола. Вообще Авессалом был самый выдающійся из сыновей царя, а его соперничество с Амном, первенцем, еще больше подчеркнулось случаем с Тамарью, его сестрой. До сих пор Авессалом и Амнон продолжали быть вѣжливо холодными по отношенію один к другому, теперь же, очевидно, Авессалом, приглашая старшаго брата к себѣ на пир вмѣстѣ с другими братьями, протягивал ему руку примиренія. Ради знатности Авессалома, ради его красоты и популярности среди населенія столицы, ради предстоящаго примиренія давних врагов, приглашеніе на пир было принято с энтузіазмом.

Пиршество было дѣйствительно на славу! Вина и меда не уступали тѣм, что подавались в торжественных случаях у самого царя. Остальные кушанья соотвѣтствовали напиткам. Ничего не подозрѣвавшій Амнон отдавал должное всему, был очень весел и в концѣ концов уже не мог отличить вина от меда и меда, от свѣжаго винограднаго сока.

Если бы среди гостей находился умный, внимательный и трезвый наблюдатель, то он бы замѣтил многое, что заставило бы его задуматься: так, напримѣр, сам хозяин ничего не пил и был совершенно трезв... Кромѣ рабов, приносивших и уносивших кушанья и вина, стояли еще два раба, казалось бы, без всякаго дѣла: это были посвященные и на их обязанности было ждать сигнала Авессалома, чтобы убить Амнона. Послѣ этого они должны были бѣжать вмѣстѣ со своим господином к царю Гессурскому Талмаю.

Еще подозрительнѣе было то, что происходило на дворѣ: там стояли три верблюда, вполне готовые к отѣзду, и двѣ дюжины мулов, из которых половина была навьючена легкими вьюками, давая возможность идти полной рысью, а другая половина была осѣдлана.

Домоправителю Авессалома, который распоряжался всѣм

этим, было сказано, что царь Давид посылает своего сына с особым порученіем к своему тестю, царю Талмаю, и конечно не было ничего удивительнаго в том, что посылает именно внука царя, и что его сопровождает внучка... Тамарь, уже одѣтая, стояла в комнатѣ, прилегающей к выходу.

Одного не мог понять старый домоправитель: неужели господа поѣдут тотчас послѣ пира? И к чему такая поспѣшность? Кто их гонит и что их гонит? Развѣ не лучше было бы переспать ночь и на завтра потихоньку и полегоньку отправиться в путь? — Он даже говорил об этом Авессалому, но тот не слушал... Мало ли бывает капризов у знатных и богатых людей!...

Домоправителю было приказано заботиться исключительно только приготовленіем к отъѣзду, пиршеством же завѣдывал другой человек, и домоправитель ничего не знал, что там дѣлалось. Каково было его изумленіе, когда на двор вдруг выскочила бѣгом Тамарь и тѣ люди, которые должны были сопровождать господ, выбѣжав так же поспѣшно, подхватили свою госпожу и посадили ее на верблюда. Как рядом с ней, так же торопясь, сѣла любимая служанка, как двѣнадцать всадников точно по тревогѣ выскочили из дома и вскочили на мулов, как наконец сам Авессалом, блѣдный и дрожащій, выбѣжал и вскочил на своего мула. Как послѣ этого всѣ, точно преслѣдуемые фуріями, галопом поскакали по дорогѣ...

Что все это могло означать?... Почему это? Или господа сошли с ума?

Но вскорѣ выбѣжали другіе слуги, тѣ, что были на пиру. Мимо, через сад, бѣжали, позабыв и важность и знатность, запустки сыновья царя...

Нашелся какой-то конный, который, не разобрав хорошенько в чем дѣло, во весь опор поскакал в Іерусалим, крича встрѣчному и поперечному:

— Страшное несчастье! — Убиты всѣ сыновья царя!

В этом видѣ слух дошел и до Давида: Авессалом на пиршествѣ убил всѣх сыновей царя и сам куда-то бѣжал! Убиты всѣ, в живых не осталось ни одного!

„И встал царь, и разодрал одежды свои, и повергся на землю“.

Лишь бывший здѣсь племянникъ царя, сынъ брата Давидова, „хитрый“ Ионадав, понялъ то, что могло произойти. Хотя онъ также вмѣстѣ съ другими разорвалъ свою одежду, но сохранилъ при этомъ полное присутствіе духа. Онъ подошелъ къ царю, воспользовался первымъ удобнымъ моментомъ и сказалъ ему:

— „Пусть не думаетъ господинъ мой, что всѣхъ отроковъ, царскихъ сыновей, умертвили: одинъ только Амнонъ умеръ, ибо у Авесалома былъ этотъ замыселъ съ того дня, какъ Амнонъ обезчестилъ сестру его“.

Дѣйствительно, вскорѣ явились царскіе сыновья „и подняли вопль, и плакали... И самъ царь и слуги его плакали очень великимъ плачем...“

Послѣдніе потомки прежняго царя.

В свое время Давидъ клялся царю Саулу именемъ Божіимъ, что онъ „не искоренитъ потомства Саулова послѣ него и не уничтожитъ имени его въ домѣ отца его“. Несмотря на эту клятву, потихоньку уничтожалось имя Саула и искоренялось его потомство настолько основательно, что ко времени полной силы и власти Давида изъ всего многочисленнаго потомства царя остались лишь два родныхъ сына его отъ наложницы Риццы, пять внуковъ дѣтей Меровы, его дочери, и родного внука, сына Ионафана, того самаго сына, который во время паническаго бѣгства дома Саула послѣ воцаренія Давида, былъ обронеъ нянькой съ верблюда и поломалъ обѣ ножки при этомъ паденіи. Эти восемь были все, что оставалось изъ дѣтей, внуковъ, братьевъ и племянниковъ прежняго царя. Изъ нихъ сынъ Ионафана, калѣка Мемфифосфей, или, по другому правописанію, — Мефибозетъ, былъ не страшенъ уже именно потому, что онъ былъ жалкій калѣка. Но за то семеро другихъ, — красавцевъ и молодцовъ на подборъ, — внушали серьезныя опасенія. Не всѣ въ Давидовомъ царствѣ были довольны его правленіемъ и рука царя была тяжела не только для инородцев...

Сын Ионафана, в сущности вполне законный государь Израиля, как старший сын старшего сына царя Саула, был окончательно обезврежен тѣм, что был взят ко двору царя Давида, и ежедневно обѣдал и ужинал вмѣстѣ с ним. Таким образом он был под постоянным и непосредственным наблюдением.

Хуже обстояло дѣло с другими семьей. Хотя они также были под строгим наблюдением, но человекъ всегда опасен, пока он живъ. Лишь мертвый не может воскреснуть, и поднять возстаніе...

Давид мало думал об этих потомках покойнаго царя, считая их слишком ничтожными, но однажды он постиг тот укрѣпленный город, гдѣ они жили, не то в родѣ плѣнников, не то в родѣ почетных граждан. Высокіе, стройные, красивые, обладающіе большой физической силой, превосходные наѣзники, стрѣлки из лука, отлично мечущіе копье, способные ко всѣм родам физических упражненій, эти потомки покойнаго царя охотно показывали перед царем Давидом свою ловкость, свою силу и свое умѣніе владѣть оружіем. И пока они, конкурируя один с другим, показывали чудеса силы, ловкости и выучки, — лицо царя Давида дѣлалось мрачнѣе и мрачнѣе... Пока он живъ, эти красавцы юноши, конечно, не страшны ему, но что будет потом?... Это не калѣка Мефибозет, боящійся сказать громкое слово...

Юноши на полном скаку соскакивали с лошадей и вскакивали на них снова, на галопѣ пересаживались с одной лошади на другую, нагнувшись, — на карьерѣ, — доставили рукою с земли брошенные предметы, бросали без промаха копье въ небольшое кольцо, подвѣшенное к вѣткѣ дерева, попадали стрѣлою в камень, брошенный в воздух, прыгали через забор выше их роста, спрыгивали со скалы высотой в четыре человѣческих роста на мягкій песок, плавали и ныряли в водѣ, точно они родились в ней...

Рицпа, мать двух из этих семи красавцев, сама еще далеко не потерявшая былой красоты, привлекавшей к ней сердце царя Саула, и возбуждавшей чувственность полководца Авенира, — стояла и с улыбкой счастья смотрѣла на своих дѣтей, которые одновременно были сыновьями царя...

Царь Давид серьезно смотрѣлъ на эти упражненія красавцев юношей. Убѣжая, он их богато одарил деньгами, но уже через день послѣ отбѣзда царя, всѣ семь были ночью арестованы и отвезены в Иерусалим...

Мерона и Адриель, — родители остальных пяти, — уже умерли, но Рицпа отправилась за своими дѣтьми. Впрочем, ее не допустили к ним...

Три года подряд перед тѣм, как царь посѣтил город, гдѣ под надзором жили сыновья и внуки царя Саула, во всем Израиль была большая засуха. Ничто не бывает само по себѣ, и в этой засухѣ, очевидно, что-то заключалось... Господь прогнѣвался на Израиль, но причина его гнѣва не была извѣстна. Тогда царь Давид повелѣлъ на торжественном богослуженіи допросить Господа о причинѣ этого гнѣва. Отвѣтъ, полученный священниками, был ясен:

— „И сказал Господь: это ради Саула и кровожаднаго дома его! За то, что он умертвил Гаваонитян“.

Іоав, который позволялъ себѣ говорить с братом Авессой то, чего не мог сказать другим, острил по этому поводу так:

— Так вот, Авесса: ради Саула и его кровожаднаго дома... Это, навѣрно, за то, что царь Саул пощадил Агава, царя амаликитян? — Но он уже был наказан за это, значит его кровожадность выразилась в чем-то другом... Но не только он оказался настолько кровожадным, что пришлось наказывать всю страну, но и дом его: кто же из его дома отличался такою кровожадностью? Не Іонафан ли? Или два сына от Рицпы? Или пять сыновей Мерovy? — Но они ни разу не были даже в бою и трудно судить об их кровожадности... Кто же еще виновен в этой кровожадности? Калѣка Мефибозет, человѣкъ не могущій, кажется, зарѣзать курицы?...

Вѣроятно, эти вопросы задавал себѣ и царь Давид, потому что он рѣшил спросить Гаваонитян. Вѣдь в отвѣтъ священников было сказано: „за то, что он умертвил Гаваонитян“...

„Тогда царь призвал Гаваонитян и говорил с ними“...

Из исторіи Гаваона извѣстно слѣдующее:

„Гаваонитяне были не из сынов Израиля, но из остатков аммореев. Израильтяне же дали им клятву, но Саул хотѣлъ

истребить их по ревности своей о потомках Израиля и Иуды“.

Хотѣл истребить, но почему то не истребил. Был ли это недостаток ревности о потомках Израиля и Иуды, или кровожадность его была недостаточно велика, но только город Гаваон остался со всѣми жителями его, кромѣ тѣх, которых он умертвил, как было сказано выше. Начал истреблять, но почему-то не кончил. Не сдѣлал так основательно, как царь Давид, уничтожившій самое имя аммонитян, пропустившій весь народ под желѣзными пилами, желѣзными молотилками, топорами и бросавшій людей в раскаленные печи.

Вот этих, которых Саул почему то начал истреблять, но не кончил, их и их дѣтей призвал теперь к себѣ царь Давид, что бы услышать их мнѣніе, как слѣдует поступить с кровожадными потомками царя Саула.

Сыновья эти так отвѣтили Давиду:

— „Не нужно нам ни серебра, ни золота от Саула, ни от дома его, и не нужно нам, чтобы умертвили кого в Израилѣ“...

Царь был удивлен таким отвѣтом и спросил:

— „Чего же вы хотите? — Я сдѣлаю для вас!“

Тогда они, подумав, отвѣтили:

— Того человѣка, который губил нас, и хотѣл истребить нас, что бы не было нас ни в одном из предѣлов израилевых, — из его потомков выдай нам семь человѣкъ, и мы повѣсим их перед Господом в Гивѣ, городѣ Саула.“

Царь Давид мог быть вполне доволен отвѣтом Гаваонитян: они не хотѣли ни золота, ни серебра Саула, — они требовали самого виновника, и это было вполне правильно: отвѣчать должен тот, кто согрѣшил! Но так как виновник был уже мертв, то оставалось единственное: взять его семь потомков, — кстати и эта цифра превосходно сошлась! — и „повѣсить их перед Господом“ — тогда прекратится и засуха, посланная в наказаніе за кровожадность Саула и его кровожаднаго дома...

Обсудив все это царь Давид, позабыв свою клятву,

данную в свое время Саулу: что он „не искоренит потомства Саулова послѣ него, и не уничтожит имени его в домѣ отца его“,*) — позабыв все это отвѣтил:

„Я выдам“.

„И взял царь двух сынов Рицпы, дочери Айя, которая родила Саулу Армона и Мемфивосфея, и пять сынов Мерovy, дочери Сауловой, которых она родила Адриэлю, сыну Верзелія из Мехолы. И отдал их в руки Гаваонитян, и они повѣсили их на горѣ перед Господом. И погибли всѣ семь вмѣстѣ. Они были умерщвлены в первые дни жатвы, в началѣ жатвы ячменя.“

Ни красавицы Мерovy, ни добродушнаго толстяка Адриэля в это время уже не было, они умерли раньше, но Рицпа еще жила. Когда воины взяли ея сыновей, то она пошла сзади воинов. Тѣ замѣтили это и, по приказанію офицера, один из воинов остановился:

— Зачѣм ты, женщина, идешь за нами?

Рицпа, глядя сухими глазами прямо в глаза воину, отвѣтила:

— Там мои сыновья.

Воин пожал плечами:

— Мало ли что! Уходи домой и не иди за нами, — так приказал офицер.

Но Рицпа продолжала идти. Тогда офицер отрядил другого воина, который уже издали грозно крикнул:

— Ты уйдешь или нѣтъ?

И Рицпа как и первому, глядя сухими, воспаленными глазами прямо в его глаза, отвѣтила:

— Там мои сыновья.

Воин, бывшій на мулѣ, поднял свой бич и потряс им в воздухѣ:

— Ты уйдешь или нѣтъ?

Рицпа обошла мула, который загораживал ей дорогу, и пошла за удалявшимся эскортом ея сыновей. Тогда воин ударил ее бичем. Ударил слабо, лишь для того, чтобы показать, что он не намѣрен шутить. Рицпа не обратила

*) 1-ая книга Царств (Самуила) гл. 24, ст. 22—23.

вниманія на этот удар и, видя, что ея сыновья уходят от нея все дальше и дальше, побѣжала за ними вдогонку. Воин нагнал и ударил в этот раз сильнѣе. Так как она все таки продолжала бѣжать, он начал ее хлестать изо всѣх сил до тѣх пор, пока она не упала на землю.

К изумленію всѣх, как только расположились в полѣ на ночлег, — так как было приказано плѣнников не заводить в города, — пришла и Рицпа... В этот раз она была осторожна, и, как только воин с бичем в рукѣ приближался к ней, поспѣшно убѣгала. Но возвращался воин, возвращалась и она... Иногда ее отгоняли очень далеко, но она приходила опять и располагалась так, что бы хоть издали видѣть своих сыновей... В концѣ концов к ней привыкли и только издали грозили кулаком.

Она теперь боялась всего, и войны шутили с ней: кто нибудь подкрадывался сзади в то время, когда другой дѣлал вид, что крадется спереди. Иногда удавалось даже ударить ее, но большею частью она успѣвала убѣжать, что всегда возбуждало громкій смѣх.

Когда она увидѣла, что ея сыновей ведут к висѣлицѣ, она позабыла все и, толкая воинов, бросилась вперед. Нѣсколько крѣпких мужчин едва справились с нею, и когда, наконец, отпустили ее, то даже судорожныя движенія повѣшенных уже прекратились, и они неподвижно висѣли на фонѣ утренней зари... Рицпа, увидя это, дико закричала, бросилась к ним, но споткнулась и упала без чувств.

Когда она пришла в себя, был полный день. Недалеко стоял воин-часовой, на обязанности котораго было смотрѣть, что бы никто не пытался снять трупы. Они висѣли всѣ семь, висѣли так, как их видѣл в своем пророческом видѣніи царь Саул, а потом царь Іевосфей... Семь прекрасных юношей, и всѣ они были болѣе или менѣе похожи на своего отца и дѣда.

Подняв голову, Рицпа долго не понимала в чем дѣло, и воин-часовой с любопытством наблюдал за ней. Но вдруг она повернула голову и увидѣла. Дико вскрикнув, побѣжала к висѣлицам. Часовой загородил ей дорогу копьем, направленным в грудь. Но она не замѣтила копья и, конечно, на-

ткнулась бы на него, если бы воин не отдернул его в сторону. Теперь она стояла под самыми трупами и смотрѣла на лица своих дѣтей: они были красны и изуродованы гримасой смерти, но мать не видѣла этого. Она протянула руки вперед и воин ей мягко сказал:

— Нелзя! Нелзя их трогать! Не приказано!

Слышала она эти слова? понимала их смысл?..

Может быть слышала, может быть и поняла...

Идя в дорогу за своими сыновьями, она взяла в мѣшок провизію. Теперь она разложила этот мѣшок и сѣла на него в ногах своих повѣшенных дѣтей. Воин был в нерѣшительности: что слѣдовало дѣлать? Наконец, он отошел и стал в сторонѣ, а Рицпа, сидя на разостланном мѣшкѣ, подвѣла голову вверх, и немигающими глазами смотрѣла на лица дѣтей. Через нѣкоторое время она качнулась и упала. Воин долгое время смотрѣл на нее и, наконец, подошел: она лежала в неудобной позѣ, и ея глаза были закрыты. Воин вздохнул и отошел. Через нѣкоторое время он снял свой плащ, и прикрыл ее от палящих лучей солнца...

В воздухъ показался первый коршун. Он долго кружился в воздухѣ, боясь стоявшаго около трупов воина и лежащей неподвижно Рицпы. Вскорѣ к нему присоединилось еще нѣсколько. Они кружились в воздухѣ, оглашая его странными криками. Круги их дѣлались все ближе и ближе, и один из них осмѣлился даже сѣсть на крайнюю, самую дальнюю от воина, висѣлицу. Воин стоял неподвижно и не отгонял его. Тогда начали на эту самую висѣлицу опускаться и другія птицы. Осмѣлившись еще больше они начали сначала пугливо, а потом смѣлѣе и смѣлѣе, клевать труп. Это был один из сыновей Меровы. Еще через нѣкоторое время птицы сидѣли на всѣх трупах, клюя их.

И вдруг рѣзкій нечеловѣческій крикъ пронизал воздух,— это очнулась Рицпа и увидѣла, что птицы клуют лица ея сыновей. Она схватила мѣшок и начала махать им. Птицы испуганно отлетѣли, но не улетѣли совсѣм. Началась борьба матери за своих сыновей с коршунами и воронами. Чѣм дальше, тѣм больше осмѣливались птицы и тѣм груднѣе было их отгонять. Лишь к вечеру онѣ улетѣли, и Рицпа,

совершенно изнеможенная, упала на землю около трупов своих сыновей.

Спала она?.. Прежний, сердобольный воин снова прикрыл ее своим плащом, говоря другим воинам, которые смѣялись над ним, что ему все равно не нужен плащ, так как ночь очень тепла.

Рица лежала неподвижно до глубокой ночи. Воин, заснувший на своем посту, проснулся от новаго крика Рицпы: в этот раз она воевала с двумя темными фигурами, отбѣгающими когда она, махая мѣшком, бросалась на них, но прибѣгающим к трупам снова, как только она опускала свой мѣшок. Это были волки, их пригнал голод. Махавшая мѣшком женщина мѣшала им утолить его. Они были озлоблены. Палестинская порода шакалов, мелких и трусливых животных, не может быть сравниваема с европейскими волками, являющимися великанами и храбрецами, сравнительно со своими палестинскими братьями, но когда шакалов собралось много, они осмѣлились и начали, скаля зубы и вой, приближаться к махавшей мѣшком женщины. Вѣроятно, они оказались бы в концѣ концов сильнѣе, но воин бросился к ней на помощь, и, ударив копьем двух шакалов, так напугал остальных, что до утра они уже не рѣшались вступить с Рицпой в открытый бой. В этот раз мать побѣдила, и, с наступлением утра, шакалы убѣжали в пустыню.

Но недолго продолжался отдых Рицпы: как только вошло солнце, начали слетаться птицы, и опять ей пришлось до вечера махать своим мѣшком и дико кричать, отгоняя их.

Уже на другой день трупы начали разлагаться, и невыносимый запах заставил сторожей отнести свою палатку далеко в поле, поставив ее так, что бы тянуло вѣтром от нея до мѣста казни, а не от него на них. Но Рица оставалась на своем посту, прогоняя весь день птиц и всю ночь звѣрей. У нея не было другого оружія, кромѣ мѣшка, и воин больше не помогал ей. Всю ночь продолжалась отчаянная борьба между матерью, оберегавшею гніющие трупы своих дѣтей, и голодными, щелкающими зубами, шакалами. В неравной борьбѣ побѣждала мать: даже волки убѣжали,

когда она, точно злая фурия, налетала на них и била своим мѣшком, — ни птицы, ни звѣри не тронули трупов двух сыновей Рицпы! Сначала она пробовала отгонять их от всѣх трупов вообще, но это было ей не по силам.

Она побѣдила звѣрей и птиц, но солнце побѣдило ее: массы червей завелись в этих, когда то таких прекрасных тѣлах, и, когда пошли дожди, оберегать было уже нечего, так как лежали только кости...

„И сидѣла Рицпа от начала жатвы и до того времени, пока не полились на них воды Божіи с неба, и не допускала касаться их птицам небесным днем и звѣрям полевым ночью“...

Даже и костей не дали ей...

О поведеніи Рицпы донесли царю Давиду. Он, говорит Библия, „промолчал“, но поведеніе ея произвело на него глубокое впечатлѣніе. Это видно из того, что поступив подобным образом с потомками Саула, он вспомнил о нем самом: „...и пошел Давид и взял кости Саула и кости Ионафана, сына его, у жителей Іависа Галаадскаго, которые тайно взяли их с площади Бен-Сана, гдѣ онѣ были похоронены филистимлянами, когда убили филистимляне Саула на Гелвудѣ. И перенес он оттуда кости Саула и кости Ионафана, сына его, в землѣ Вениаминовой, в Цела, в гробѣ Киса, отца его. — И сдѣлали все, что повелѣл царь“. *)

Послѣ этого долго еще ходила по городам Ізраиля высокая, до крайности худая женщина со слѣдами бывшей красоты. Она всегда имѣла с собою мѣшок и, если видѣла что коршуны или орлы садились на трупы павших ослов или верблюдов, бѣжала туда и махала бывшим с нею мѣшком.

Чѣм питалась и гдѣ ночевала эта женщина, не знал никто, и народ окружал ее рядом легенд...

Глѣв Божій.

Вирсавія, любимая жена царя, дѣлалась все безформеннѣе. Она смотрѣла на своего повелителя с робкой улыб-

*) *Іл. 21, ст. 1—14.*

кой и, когда он осторожно обнимал ее, прижималась к нему, и говорила со страхом в голосѣ:

— Я не переживу родов! Ты видишь, сколько женщин умирает от этого! Как я, такая маленькая, могу родить такого большого ребенка!

Она при этом указывала на свой непомѣрно вздутый живот.

Иногда ее охватывала нѣжность и к этой будущей частицѣ ея самой, и к отцу этой частицы, — тогда она жалась к Давиду и говорила:

— Ну так что же, что я умру? Развѣ не дал мнѣ Бог уже и так величайшаго счастья?... Развѣ ты, царь царей, не любишь меня? И что мнѣ до твоего царства, когда меня любит Давид? Развѣ я тебя полюбила за то, что ты царь? Развѣ я, когда цѣлую тебя, цѣлую в тебѣ царя? — Господи, сколько счастья ты дал мнѣ, бѣдной, загнанной сиротѣ Вирсави, не знавшей с дѣтства ни материнской, ни отцовской любви! Я все взяла от жизни! Большаго счастья нѣтъ на землѣ! Нѣтъ и не было!

Теперь она спала отдѣльно от него, и по утрам он на цыпочках входил в ея спальню, хотя медвѣжки коври заглушали всякій шум. Его также приводила в ужас мысль, что она может умереть. Иногда он думал об этом, и тогда холодный пот выступал на его спинѣ и лбу. Он садился на своем ложѣ и смотрѣлъ перед собою немигающим взглядом. Иногда ему приходила в голову мысль, что мать останется в живых, но умрет ребенок. Это было, конечно, легче, но что если они умрут оба?... В такія безсонныя ночи у него являлось ощущеніе, что устранивъ мужа Вирсави, он совершил большой грѣх. Как ни много умирает народу на войнѣ, но то война, здѣсь же было нѣчто совершенно другое... При нем и по его приказанію живых людей бросали в раскаленную печь, в его присутствіи и по его распоряженію пилили живых людей, — но это все было не то: там были побѣжденные враги, там необходимо было нагнать ужас на всѣх других врагов, чтобы они не смѣли даже помыслить о возстаніи против Давида, здѣсь же был обречен на смерть свой израильтянин, воин Давида, человек

самого щепетильнаго исполненія долга. Что если это дѣйствительно большой грѣх? Что, если Господь Израиля, „страшный во гнѣвѣ своем“, казнит его за это? Отнимет от него жену, плод грѣха, и ребенка, сѣмя грѣха?...

Чѣм ближе было к родам, тѣм страх царя был сильнѣе... Но дѣло обошлось благополучно: в свое время Вирсавія родила крѣпкаго и здороваго мальчика. Родила легко, и ребенок был здоров. — Одно из двух: или не было большого грѣха, или Бог простил...

Но через нѣсколько дней послѣ рожденія ребенка царю доложили, что его желает видѣть пророкъ Натан. Это был тип пророка, боящагося только одного Бога, и у царя сейчас же мелькнула мысль: не по поводу ли Урія Хеттеянина будет говорит пророкъ? — Но кто мог знатъ об этом дѣлѣ? — Письмо к Іоаву писал сам царь. Это письмо было запечатано царским церстнем и, слѣдовательно, его мог прочесть только тот, кому оно было адресовано. Урія был убит на войнѣ там, гдѣ были убиты и другіе, кромѣ него. — У кого может народиться подозрѣніе?...

Но все таки он ждал пророка с легким страхом. Оказалось иное, и царь облегченно вздохнул: пророкъ, вѣчный защитник слабых и поборник справедливости, узналъ об одном дѣйствительно возмутительном случаѣ:

— „В одном городѣ было два человѣка, один богатый, а другой бѣдный. У богатаго было очень много крупнаго и мелкаго скота, а у бѣднаго ничего, кромѣ одной овечки, которую он купил маленькой и выкормил, и она выросла у него вмѣстѣ с дѣтми его. От хлѣба его она ѣла и из чаши его пила, и на груди его спала, и была для него, как дочь. — И пришел к богатому человѣку странник, и тот пожалѣлъ взять из своих овец или волов, что бы приготовить обѣд для странника, а взял овечку бѣдняка и приготовил ее для человѣка, который пришел к нему.“

Давид выслушал исторію бѣдняка и богача и сильно разгнѣвался:

— „Жив Господь! Достоин смерти этот человѣкъ! И за овечку он должен заплатить вчетверо, вчетверо за то, что он сдѣлал это, и за то, что не имѣлъ состраданія!“

Пророк Натан поднял вверх правую руку и грозно сказал:

— „Ты — тот человек! Так говорит Господь, Бог Израилев: я помазал тебя в цари над Израилем! Я избавил тебя от руки Саула! Я дал тебе дом господина твоего! И жен господина твоего на ложе твое! И дал тебе дом Израилев и Иудин! И если этого тебе мало прибавил бы и еще больше! — Зачем же ты пренебрег словом Господа, сдѣлав зло перед очами его? Урия Хеттеянина ты поразил мечем, жену его взял себе, да его ты убил мечем аммонитян! Итак не отступит меч от дом твоего во вѣки, за то, что ты пренебрег меня и взял жену Урия Хеттеянина, чтобы она была тебе женою. Так говорит Господь: Вот! Я воздвигну на тебя зло из дома твоего, и возьму жен твоих перед глазами твоими, и отдам ближнему твоему, и будет он спать с женами твоими перед этим солнцем! Ты сдѣлал тайно, а я сдѣлаю перед всѣм Израилем и перед солнцем!“

Давид был раздавлен! То, что он ожидал с таким страхом, самая мысль о чем приводила его в трепет, — это теперь случилось... Он преклонил голову и тихо сказал:

— „Согрѣшил я перед Господом.“

Это смиреніе грознаго царя успокоило ревностнаго пророка, и, помолчав, он заговорил значительно мягче:

— „И Господь снял с тебя грѣх твой: ты не умрешь! Но как ты этим дѣлом подал повод врагам Господа хулить его, то умрет родившійся у тебя сын!“

Пророк ушел, а царь поспѣшил в спальню ребенка. Вирсавія уже оправилась от родов, уже очистилась в храмѣ и теперь, еще болѣе красивая чѣм прежде, сидѣла наклонясь над колыбелью сына. Увидя входящаго мужа, она приложила палец к губам и, сіяя улыбкою счастья, прошептала:

— Тсс!... Он спит!...

Давид облегченно вздохнул: слава Богу, страх был напрасен!

Царь спокойно провел ночь, но, когда утром вошел в спальню жены, картина была иная: мать с озабоченным лицом смотрѣла на придворнаго лекаря Іетура, а тот, благо-

образный старик с длинной бѣлой бородою, держал свою ладонь на горячем лобикѣ ребенка. Вирсавія, увидя входящаго мужа, бросилась к нему, прижалась к его широкой груди, и, плача, нѣсколько раз повторила:

— Он болен! Смотри — он болен, болен!

Болезнь увеличивалась с каждым часом. Давид и Вирсавія проводили у колыбели почти все время. Даже когда царь уходил к себѣ, он не ложился на свое ложе, но прямо на землю... Во всем дворцѣ ходили на пыпочках, и никто не говорил громкаго слова. Придворные толпились в приемной залѣ, куда изрѣдка выходил лекарь Іетур или кто-нибудь из прислуги, и тогда всѣ с жадностью бросались к нему, спрашивая каково здоровье ребенка! Наконец придворные не выдержали и пошли во внутреніе покои. Начальник охраны царя Рефаил осторожно постучал. Так как и на вторичный стук никто не отвѣтил, то он осторожно пріоткрыл дверь. Пріоткрыл, заглянул и вдруг распахнул дверь настеж, со словами:

— Что это с царем? — вошел в комнату. За ним вошли и другіе; царь лежал на землѣ как бы без признаков жизни.

„И вошли к нему старѣйшины дома его, чтобы поднять его с земли. Но он не хотѣл и не ѣл с ними хлѣба“.

Так проходили еще дни и ночи. Царь не ѣл и не спал. Он страшно измѣнился в лицѣ, и приближенные с тревогою наблюдали за ним. Ребенку дѣлалось хуже и хуже. На седьмой день, во время отсутствія царя, ребенок умер.

„На седьмой день ребенок умер, и слуги Давида боялись донести ему, что умер младенец. Ибо, говорили они, когда дитя было еще живо, и мы уговаривали его, и он не слушал голоса нашего, — как же сказать ему „умерло дитя“? Он сдѣлает чтонибудь худое!“

Давид, увидя, что придворные что то шепчутся между собою и ведут себя как то странно, заподозрил истину и спросил:

— „Умерло дитя?“

„И ему сказали: умерло!...

„Тогда Давид встал с земли, и умылся, и помазался, и переѣнил одежды свои, и пошел в дом Господень и молился. Возвратившись домой потребовал, чтобы ему дали хлѣба, и он ѣл. — И сказали слуги его: что это значит, что ты так поступаешь? — Когда дитя было еще живо, ты постился и плакал, а когда дитя умерло, ты встал и ѣл хлѣб?“

„И сказал Давид: — доколѣ дитя было живо, я постился и плакал, ибо думал: кто знает? не помилует меня Господь, и дитя останется живо? — А теперь оно умерло! За чѣм же мнѣ поститься? Развѣ я могу возвратить его? Я пойду к нему, но оно не возвратится ко мнѣ!“*)

Гнѣвъ Божій, как будто, на этом излился вполне. Ребенок, плод грѣховной страсти, умер. Время шло и Вирсавія, уже законная жена царя Давида, забеременѣла вновь. Родился новый ребенок, также мальчик, как и первый, и этому ребенку было суждено от Бога затмить славой даже своего отца, хотя казалось, что большей славы не может уже имѣть ни один человек.

Имя этому ребенку — Соломон.

Ему было суждено затмить отца и мудростью, и богатством, пышностью своего двора и великолѣпіем храма Господу Богу Израилеву, перед которым роскошный дворец царя Давида казался как бы деревенской хижинкой. Да и эту хижинку ему пришлось расширить, так как не хватало мѣста ни женам, ни наложницам: у царя Соломона было семьсот жен и триста наложниц! Этого числа даже отдаленно не имѣл царь Давид!...

Кончилось тѣм, что царь Соломон в концѣ концов пресытился всѣм: пресытился любовью, пресытился богатством, пресытился ѣдою и питьем, пресытился властью. „Обѣлся“ как говорит народное слово... Обѣлся до тошноты — жизнь ему стала противна... Царь Соломон, богатѣйшій из числа богатых, мудрѣйшій из числа умных, славнѣйшій из числа славных, в концѣ жизни написал книгу, главный мотив которой выражается словом „суета“... Все суета! Вся

*) Гл. 12, ст. 4—24.

наша жизнь суета! Суета была, суета есть и суета будет!
И все на землѣ — суета сует!

Такова была книга и таков был сын и наследник царя Давида, который родился от Вирсави...

Преданность Іоава семьѣ царя.

Царевич Авессалом бѣжал, послѣ убійства брата, со своею сестрою Тамарью к своему дѣдушкѣ, царю Гессурскому, Талмаю. Гнѣвъ царя был велик, и он не мог утѣшиться. Амнон, его любимец, его первенец, тот, котораго он, единственный из дѣтей, — кромѣ, впоследствии, Соломона, — так часто укачивал на своих руках, который уже помогал ему в правленіи, — Амнон уже не был среди живых...

Но время шло, а с ним приходило и успокоеніе. Царь часто думал и иногда говорил Іоаву:

— Убит один, но я потерял двух!...

Тамарь?... Газумѣтся он жалѣл и Тамарь, но дочери были далеко от его сердца, если их сравнивать с сыновьями. Теперь, когда они подросли, он чаще бывал с ними и с наслажденіем замѣчал свои черты то в одном, то в другом из них. В особенности нравились ему Амнон и Авессалом. Первый, котораго он в годы изгнанія и несчастій держал на руках, ласкал и лелеял, второй — как урожденный царевич не только по отцу, но и по матери, и как первый красавец всей земли. Поэтому ему вдвойнѣ была тяжела ссора этих любимѣйших из своих дѣтей.

Из них один был убит... Другой бѣжал...

Іоав неоднократно пытался говорить с царем по поводу бѣжавшаго сына, о том, что его гнѣвъ был понятен и что сам Давид вѣроятно поступил бы не иначе. Сначала уже при одном упоминаніи имени Авессалома царь вспыхивал и не давал говорить дальше, потом эти вспышки дѣлались слабѣе и слабѣе, наконец он, вѣроятно боясь собственной слабости, запретил Іоаву вообще говорить об этом.

Но Іоав не оставил надежды примирить отца и сына. Не имѣя права говорить об этом, он прибѣг к хитрости: в

городѣ Текоѣ была одна женщина, которую Библія называет „умною“. Эта женщина, по мнѣнію Іоавы, могла выполнить задуманный им план. Почти три года прошло с тѣх пор, как бѣжал Авессалом. Больше полугода с того времени, как царь запретил Іоаву говорить о преступном сынѣ. — Неужели за эти полгода его сердце не смягчилось?..

План был слѣдующій: женщина должна была быть одѣта в глубокій траур и имѣть страдающій вид. Она должна была в точности повторить то, чему ее выучил Іоав, и быть при этом настолько умна, чтобы при неожиданном оборотѣ рѣчи не выдать себя, а доиграть свою роль до конца: матери, у которой убит сын и другого сына которой хотят взять в тюрьму. — Умная женщина явилась к царю“:

— „Пала лицом своим на землю, и поклонилась, и сказала: помоги, царь“!

Царь участливо спросил ее:

— „Что тебѣ?“

Тогда она рассказала:

— „Муж мой умер, и у рабы твоей было два сына. Они поссорились в полѣ, и некому было разнять их. И поразили один другого, и умертвил его. — И вот возстало все родство на рабу твою, и говорят: отдай убійцу брата своего; мы убьем его за душу брата его, которую он погубил, и истребим даже наслѣдника. — И так они погасят остальную искру мою, чтобы не оставить мужу моему имени и потомства на лицѣ земли“.

Царь внимательно выслушал и сказал:

— „Иди спокойно домой — я дам приказаніе о тебѣ.“

Но женщина не уходила и видимо еще что-то мучило ее. Тогда царь спросил, чего она еще хочет. И женщина, опустив глаза в землю, тихо сказала:

— „На мнѣ, господин мой, и на домѣ отца моего да будет вина, царь же и престол его неповинен“.

Эти слова были непонятны, но царь подумал, что она боится, что приказаніе его не будет выполнено в точности, и поэтому подтвердил:

— „Того, кто будет против тебя, приведи ко мнѣ, и он болѣе не тронет тебя“.

Она, вмѣсто благодарности, отвѣтила опять какой то темной фразой:

— „Помяни, царь, Господа, Бога твоего, чтобы не умножились мстители за кровь и не погубили сына моего...“

Царь, видя, что она все как то не вѣрит, даже поклялся:

— „Жив Господь: Не падет и волос сына твоего на землю!“

Но даже послѣ этих слов женщина не унялась и, еще болѣе робко, чѣм прежде, сказала:

— „Позволь рабѣ твоей сказать еще слово господину моему, царю?“

Царь, уже нѣсколько разсерженный, приказал:

— „Говори!“

Робость женщины исчезла, она смотрѣла царю в глаза и говорила:

— „Почему так мыслишь против народа Божія? Царь, произнеши это слово обвинил самого себя, потому, что не возвращает изгнанника своего. Мы умрем и будем, как вылитая на землю вода, которую нельзя собрать; но Бог не желает погубить душу и помышляет, как бы не отвергнуть от себя и отверженнаго. И теперь я пришла сказать царю, господину моему, эти слова, потому что народ пугает меня, и раба твоя сказала: поговорю с царем, — не сдѣлает ли он по слову рабы своей? Вѣрно царь выслушает и избавит рабу свою от руки людей, хотящих истребить меня вмѣстѣ с сыном из наслѣдія Божія. И сказала раба твоя: да будет слово господина моего, царя, в утѣшеніе мнѣ, ибо господин мой царь, как Ангел Божій, и может выслушать и доброе и худое...“

Из этой длинной и запутанной рѣчи царь понял все и спросил с нѣсколько лукавой миной:

— „Не рука ли Іоава во всем этом с тобою?“

И женщина послѣ нѣскольких изворотов призналась:

— „Ни направо, ни налѣво нельзя уклониться от того, что сказал господин мой, царь: точно, раб твой Іоав приказал мнѣ, и он вложил в уста рабы твоей всѣ эти слова... Но господин мой мудр, как мудр Ангел Божій, что бы знать все, что на землѣ...“

Когда Иоав явился на другой день с докладом, царь с улыбкой замѣтил ему:

— Вчера у меня была одна женщина. У нея было два сына, и однажды, будучи в полѣ одни, они поссорились. Б дракѣ один убил другого...

Иоав смотрѣлъ в землю. Царь, не кончивши разсказа о братьях, вдруг спросил его:

— Мнѣ кажется, эта исторія знакома тебѣ?..

Иоав поднялъ голову и перѣшпительно начал:

— Видишь ли, царь...

Но царь засмѣялся и сказал:

— „Вот! Я сдѣлаю по слову твоему: пойди же и возврати отрока Авессалома“.

„Тогда пал Иоав лицом своим на землю, и поклонился, и благословил царя, и сказал: теперь знает раб твой, что обрѣлъ благоволеніе перед очами твоими, господин мой, царь. так как царь сдѣлал по слову раба своего“.

Сам Иоав, первый полководец государства, был отправлен послом к царю Гессурскому с просьбой отпустить Авессалома и с цѣлью уговорить самого Авессалома вернуться домой. Но когда посольство возвратилось в Іерусалим, был получен неожиданный отвѣтъ царя:

— „Пусть он возвратится в дом свой, а лица моего не видит.“

Два года послѣ этого прожил Авессалом в Іерусалимѣ, но царь упорно отказывался его принимать. Даже Иоав, прежде такой внимательный к Авессалому, теперь как будто избѣгал его. Избѣгал на столько, что когда Авессалом, желая выяснитъ свои отношенія с парем, просил Иоаву придти к нему, тот не пришел. Не пришел и послѣ вторичнаго приглашенія. Тогда Авессалом придумал совершенно оригинальный способ лично поговорить с первым человеком в государствѣ: он приказал поджечь ячменное поле, принадлежащее Иоаву и расположенное рядом с землями Авессалома. Средство было дѣйствительно, и взбѣшенный Иоав явился к Авессалому за объясненіями:

— „Зачѣм слуги твои выжгли мой участок огнем?

Авессалом, послѣ больших извиненій, объяснил:

— „Вот! Я посылаю за тобою, говоря: прійди сюда, и я пошлю тебя к царю сказать, зачѣм я пришел из Гесура? Лучше было бы мнѣ оставаться там! Я хочу видѣть лицо царя. Если же виноват, то убей меня.“

Іоав выполнил просьбу сына и доложил отцу. Тот призвал Авессалома, но свиданіе их не отличалось сердечностью, так как вид Авессалома напомнил царю убитого Амнона... Несмотря на царскій поцѣлуй, Авессалом вышел от царя раздраженным, — он ясно увидѣл, что царь тоскует по Амнону, а он, Авессалом, для него ничто...

Теперь Авессалом, наравнѣ с другими братьями, был призываем ко двору царя, и там, при дворѣ, его ожидал ряд новых огорченій: он считал себя вправѣ занимать у царя то мѣсто, которое прежде занимал Аммон, но это мѣсто было уже занято: на мѣстѣ наслѣдника престола, рядом с царем, сидѣл восьмилѣтній сын Вирсави Соломон... Остальные же сыновья располагались по возрасту и ему, Авессалому, сыну царевны Маахи, пришлось поѣтому сидѣть ниже Далуйя, сына Авигеи.

Всякій раз, когда был парадный обѣд, церемоніймейстер указывал Авессалому мѣсто послѣ Соломона и Далуйи... Оба они были сыновья простых женщин, и это было обидно вдвойнѣ...

Возстаніе Авессалома.

Если царь в нынѣшнее время вообще ничѣм не интересовался, кромѣ своей молодой жены и ея маленькаго сына, то холодность к Авессалому была прямо подчеркнутой. Это возмущало Авессалома. Сам он никогда не питал к отцу никаких нѣжных чувств. Еще в раннем дѣтствѣ отец иногда брал его на руки и цѣловал, но память об этом окончательно стерлась. Для него он был только царь, грозный для всѣх окружающих. Отношеніе этого царя к Амнону, насильнику его сестры, возмущало все существо Авессалома: что же она для царя? ничто? вещь? с ней можно дѣлать, что угодно?..

Молодость Давида кончилась. Кончился и зрѣлый возраст, и старость шла к нему огромными шагами. Іоав был

одних лѣтъ с ним, но, несмотря на сѣдину, Іоав был юноша и в своих движеніях, и в своих дѣйствіях. Авесса был на два года моложе обоих, и тоже был юношески гибок и силен. Но Давид был уже старец: его ноги дрожали, когда он ходил, его руки тряслись...

Холодный пріем послѣ пятилѣтняго отсутствія, подчеркнутое отношеніе к нему, как к рядовому царскому сыну, занимающему свое мѣсто лишь в зависимости от возраста,— все это возмущало гордаго царевича. Он совершил преступленіе, да, но в чем заключалось это преступленіе? Развѣ он не обязан был вступить за честь сестры? Конечно, слѣдовало отцу вступить за честь дочери, но раз это не было сдѣлано, то что оставалась ему, послѣ отца единственному защитнику обезпеченной дѣвушки?

В Авессаломѣ текла кровь Давида, такая же необузданная, такая же горячая, и такая же клокочущая. Престол он считал своим даже при жизни Амнона, теперь же это право было несомнѣнно для всѣх. Старше его был лишь Далуйя, сын Авигеи, но это был удивительно скромный юноша, который, кажется, сам бы отказался от престола даже в том случаѣ, если бы ему его предложили, и уж, конечно, не стал бы его добиваться силою. Но кто же тогда наслѣдник? Неужели этот мальчик Соломон, сын чуть ли не рабыни?...

И Авессалом рѣшил: то, что ему принадлежит по праву, но что ему не дают, — он возьмет силою! Царь старѣет и дряхлѣет, смерть его недалека и кто в момент смерти будет во главѣ правленія, тот и сдѣлается царем Израиля!

Авессалом, долгое время жившій тихо и уединенно, перемѣнил свою жизнь.

„Он завел у себя колесницы и лошадей, и пятьдесят скороходов. И вставал рано утром и становился у ворот, и когда кто нибудь, имѣя тяжбу, шел к царю на суд, то Авессалом подзывал его к себѣ и спрашивал: из какого города ты? — И когда тот отвѣчал: из такого то колѣна раб твой, — то говорил ему Авессалом: вот! дѣло твое доброе и справедливое, но у царя некому выслушать тебя! О, если бы меня поставили судьей в этой землѣ! Ко мнѣ приходил бы всякій, кто имѣет спор и тяжбу, и я судил бы его по правдѣ! — А когда кто нибудь

подходил поклониться ему, то он простирал руку свою и обнимал и цѣловал его. — Так поступал Авессалом со всяким израильтянином, приходившим на суд к царю, и вкрадывался Авессалом в сердца израильтян.“

Мѣсяц проходил за мѣсяцем, и слава о добром царском сынѣ шла по всему царству. Разумѣется, царю докладывали об этом, но он был глух и нѣм. Забывал ли он об этих докладах или не считал дѣло важным, но только со стороны царя не было ни порицанія, ни поощренія. Возможно, Давид думал, что достаточно орлу в нужный момент развернуть свои крылья, чтобы всѣ птицы испуганно шарахнулись в стороны... Как бы там ни было, но царь не предпринимал ничего.

Когда Авессалом напел, что подготовка уже закончена, он обратился к отцу с просьбой отпустить его в Хеврон, мѣсто его рожденія, для того, чтобы там принести жертву. Ничего не подозревающий царь отпустил его словами благословенія:

— Иди с миром!

Придя в Хеврон, Авессалом принялся за работу:

„Во всѣ колѣна израилевы разослал лазутчиков, сказав: когда вы услышите звук трубы, то говорите: „Авессалом воцарился в Хевронѣ“!“

Самым крупным выигришем возставшаго было привлеченіе на свою сторону Ахитофела Гилонянина, главнаго совѣтника, в сущности единоличнаго правителя государства в послѣдніе годы, когда царь Давид почти не выходил из комнат Вирсавіи. „Совѣты его считались, как если бы кто спрашивал наставленія у Бога. Таков был всякій совѣтъ Ахитофела как для Давида, так и для Авессалома.“

Переход Ахитофела на сторону возставшаго сына явился эпохой во всем дѣлѣ, и многіе, которые прежде сомнѣвались, и не знали, как им поступить, теперь рѣшительно стали на сторону Авессалома. Из высших лиц в государствѣ вѣрными Давиду остались только главный военачальник Иоав, его брат Авесса и оба первосвященника Авіатор и Садок. Даже в послѣднее время все больше и больше входившій в милость царя Давида, вмѣсто уже старѣющих Иоава и Авессы, полководец Амессай, сын Іефера, дядя Иоава, даже он перешел на сторону возставшаго и сдѣлался начальником его войск.

Переход к Авессалому Ахитофела и Амессая рѣшил дѣло: чуть не всѣ спѣшили к сыну, и отец остался почти один.

Но с ним былъ Иоав, и этотъ Иоав, какъ оказалось потомъ, стоилъ очень многихъ... Вначалѣ царь совершенно растерялся и потерялъ голову. Онъ только рвалъ на себѣ одежду и посылалъ пепломъ волосы. Но Иоав работалъ: прежде всего надо было удержать въ своемъ повиновеніи дворцовую наемную стражу. Она состояла изъ Гетян, пришедшихъ изъ города Гета, и изъ греческихъ наемниковъ, которые въ русской и славянской Библии названы Хелетеями и Фелетеями, а въ нѣмецкой Крети и Плети, то есть уроженцы острова Крита или острова Платей. И первыхъ и вторыхъ было немного — по шестисотъ человѣкъ, но за то этихъ людей связывала строгая дисциплина, и всѣ они, какъ профессионалы военного дѣла, въ совершенствѣ владѣли своимъ оружіемъ. Это было ядро той арміи, которую потомъ удалось собрать Иоаву.

Царь съ самаго начала допустилъ огромную стратегическую ошибку: вмѣсто того, чтобы, оставаясь въ Иерусалимѣ, который невозможно было взять средствами тогдашняго времени, и въ которомъ были склады зерна и денегъ, послать Иоаву въ провинцію для сбора войскъ, съ тѣмъ, чтобы онъ извнѣ снялъ осаду города, — царь Давидъ, совершенно потерявшій голову, приказалъ бѣжать изъ столицы! Жалко было смотрѣть на эту кучку бѣглецовъ, впереди которыхъ шелъ пѣшкомъ старый, съ головой, посыпанной пепломъ, въ разорванныхъ одеждахъ царь Давидъ... Лишь Хелетей и Фелетей, да Гетяне, шедшіе стройными рядами спереди и сзади царя и его семьи, придавали нѣчто строгое этому бѣгству.

Странное зрѣлище представляло это бѣгство царя царей!... Впереди царь, босой, въ разорванной одеждѣ и съ посыпанной пепломъ головой. Его длинная бѣлая борода треплется яростнымъ вѣтромъ и пепелъ съ сѣдой головы сыпется на эту бороду. Около царя маленькая Вирсавія, все еще выглядывающая хорошенькой дѣвочкой въ кокетливо накинутаго на голову косынкѣ. Она держитъ за руку двѣнадцатилѣтняго мальчика съ черными живыми глазами, который умно и съ любопытствомъ смотритъ по сторонамъ. Это Соломонъ, будущій царь Израиля. Вся исторія его интересуетъ больше съ точки зрѣнія крайне интереснаго приключенія. Сзади цѣлая толпа* большею частью молодыхъ и красивыхъ женщинъ съ самымъ разнообразнымъ выраженіемъ лицъ, — это жены и

наложницы царя. Большая часть лиц озабочена или смущена, нѣкоторые из них вытирают слезы, постоянно выступающія на глаза. — За ними толпа роскошно одѣтых юношей и дѣвушек, — сыновья и дочери царя, его племянники и племянницы. На лицах большинства из них гордые и надменные улыбки. — Каждый из них думает: если бы я был царь!...

Но пока они не цари, и поэтому приходится повиноваться этому дряхлому старику, который даже и в такое время не может разстаться со своею молодою женою и этим черноглазым мальчиком, ея сыном...

За царскими дѣтьми группа людей в самых разнообразных одеждах, даже нѣкоторые разорвали свои одежды и посыпали пеплом голову, — по примѣру царя. Кое кто даже идет бо-сиком, морщась от боли при каждом шагѣ...

Это придворные, сзади которых идут густою толпою рабы.

Спереди конный отряд Хелетеев и пѣшій Фелетеев. Сзади всѣх, пѣшком, Гетяне. Авесса в полном вооруженіи идет рядом с царем, уступая только мѣсто молодой Вирсави. Иоав, в этот раз верхом на мулѣ, а не на жеребцѣ, то пропускает шествіе мимо себя, то обгоняет его, чтобы посмотреть, как идут греческіе наемники. Он — душа всего дѣла.

Еще не вышли из Иерусалима, как из боковой улицы вышли новые воины: это ветераны битв, старики, свидѣтели того времени, когда лев Давид сам их водил на берега Ефрата и в Египет, брать выкуп с Тира и Сидона... Нѣкоторые из них уже сѣды, но все это крѣпкій, выносливый народ, оставшійся вѣрен своему царю и своим старым полководцам Иоаву и Авесгѣ.

Их также немного, но появленіе этой неожиданной помощи возбуждает общее вниманіе: гдѣ и когда они собрались: как удалось Иоаву собрать этот цвѣтъ израильских дружин?...

Жители Иерусалима молча смотрят с крыш домов и из окон на это странное шествіе. Нѣтъ криков восторга, криков радости, криков обиды и сожалѣнія, — точно этим людям все равно, кто правит в Иерусалимѣ: Давид или Авессалом!...

Давид видит это, и вдруг обращается к начальнику Гетян со странными словами:

— „Зачѣм и ты идешь с нами? Возвратись и останься с тѣм царем! Ибо ты — чужеземец и пришел со своего мѣста.

Вчера ты пришел, а сегодня я заставляю тебя идти с нами?... Я иду, куда случится... Возвратись и возврати братьев своих с тобою...”

Начальник Гетян, Еттей, на это так отвѣчал царю:

— „Жив Господь, и да живет господин мой, царь! Гдѣ бы ни был господин мой, царь, — в жизни ли, в смерти ли, — там будет и раб твой!...”

Авесса, бывшій свидѣтелем разговора, не спуская глаз, смотрѣлъ на Еттея, начальника Гетян. Услышав отвѣтъ того, он успокоился.

Когда царю Давиду доложили о том, что Ахитофел перешел на сторону Авессалома, он поднялъ глаза к небу и сказал лишь слѣдующія слова:

— „Господи! Разрушь совѣтъ Ахитофела!...”

Сначала, по личному приказу царя, двинулся и Ковчег Заѣта, но как только Іоав увидѣлъ это, то поскакалъ туда. Около Ковчега были оба первосвященника и огромное количество священников и левитов.

— Кто приказал вывозить Ковчег?

— Сам царь, — отвѣчали ему.

Тогда он спрыгнул с коня и довольно долго говорил с обоими первосвященниками, Садоком и Авіатаром. Потом, приказав не двигаться с мѣста, поскакалъ к царю. Через нѣкоторое время он пріѣхал обратно и приказал:

— Ковчег Заѣта и все духовенство остается в Іерусалимѣ!

Но тихо передал Садоку и Авіатару, первосвященникам:

— Вы вернетесь назад и будете наблюдать за всѣм, что дѣлается в столицѣ, но пусть ваши сыновья, — твой сын, Садок, Ахимаас, и твой, Авіатар, Іонафан, — священники, — пусть они тайно выйдут из города и будут тайно жить для того, чтобы вы могли им передавать все важное, что случится при дворѣ Авессалома.

Ковчег Заѣта и священники возвратились назад, а всѣ остальные вышли из Іерусалима.

Когда они взопли на Елеонскую гору, им встрѣтился личный друг царя Давида Хусій Архитянин. Его одежда была разорвана, и волосы посыпаны пеплом. При видѣ стараго друга

царь нѣсколько ожил, и его энергія частью вернулась к нему. Он сказал:

— „Если ты пойдешь со мною, то будешь мнѣ в тягость. Но если возвратишься в город и скажешь Авессалому: царь! я раб твой! Доселѣ я был рабом отца твоего, а теперь я твой раб, — то ты разстроишь для меня совѣтъ Ахитофела. Вот там с тобою Садок и Авіатар священники, и всякое слово, какое услышишь из дома царя, пересказывай Садоку и Авіатару священникам. Там с ними и два сына их: Ахимаас, сын Садока, и Ионатан, сын Авіатара. Через них посылай мнѣ всякое извѣстіе, которое услышишь.“ И Хусій послѣдовал совѣту царя.

Іоав догнал Авессу, слѣз с коня и пошел рядом с братом. Они были нѣсколько в сторонѣ, и никто не мог слышать их разговора. Іоав сказал, указывая глазами на Давида:

— Наш старик совершенно потерял голову!

Авесса, тоже уже сѣдой, но, как и брат, воплощенная энергія, — презрительно улыбнулся и, указывая пальцем на многочисленных жен и наложниц царя, сказал:

— А ты посмотри на это стадо! Надо быть крѣпким быком, чтобы не погибнуть!

Іоав, помолчав, медленно сказал:

— Нѣтъ, это Вирсавія... Он начал старѣть с тѣх пор, как появилась эта... Она околдовала его!... Всѣ его послѣднія силы ушли на эту Вирсавію...

Авесса засмѣялся:

— Она тебѣ платит взаимностью! Кажется, она тебя не любит больше всѣх!

Іоав наморщил свои густыя рыжія брови:

— Мнѣ тоже на старости лѣтъ не хотѣлось бы льстить и унижаться перед этой дѣвченкой...

Авесса снова засмѣялся:

— У этой дѣвченки уже двѣнадцатилѣтній сын!... Который, пожалуй, будет царем Израиля...

Іоав мрачно замѣтил:

— Ну, это мы еще посмотрим!...

Оба опять взглянули на царя, который шел, согнувшись и опираясь на палку.

Авесса покачал головой и сказал:

— Как подумаешь, что он одних с нами лѣтъ... Неужто и мы боку выглядываем такими стариками?

Он отжал могучія плечи назад, выпятил богатырскую грудь и засмѣялся:

— Нѣтъ! У нас еще достаточно стрѣлъ в колчанѣ!

Нѣкоторое время молчали, потом снова заговорил Авесса:

— А наш то милый кузен Амессай! Это, вѣдь, твое созданіе, Иоав! Ты хлопотал о нем перед царем, ты давал ему порученія одно важнѣе другого, чтобы дать ему возможность выслужиться, и довел до того, что царь стал чаще обращаться к нему, чѣм к нам...

Иоав мрачно согласился:

— Да, он мое созданіе! Я его предупреждал, он не послушал меня... Теперь он, наш ученик, наш главный противник... И противник опасный... Но клянусь тебѣ: я его создал, я его и погублю! — Не может созданіе возставать против своего создателя!...

Авесса усмѣхнулся:

— Ищи вѣтра в полѣ! — Смотри, чтобы он не погубил нас! — Но что ты думаешь дѣлать дальше? У тебя рѣшительный вид, и тон твоих приказаній такой опредѣленный, что у нас всѣх составилось мнѣніе, что ты твердо знаешь, куда нас ведетъ. Куда же? Если это не тайна даже для твоего брата?

Иоав отрицательно покачал головой:

— Пока полная пустота.... Хорош и царь с его приказаніями, — он, вѣдь, хотѣлъ отпустить Гетян...

Когда дошли до города Бахурима и шли глубокой лощиной между гор, то на одной из горок около дороги появился человек из рода Саула, по имени Семей, сын Геры. Он стоял на горѣ и показывал пальцем на жалко согбеннаго царя:

— „Уходи! уходи! убійца и беззаконник! Господь обратил на тебя всю кровь дома Саула, вмѣсто котораго ты воцарился, и предал Господь царство в руки Авессалома, сына твоего! И вот ты в бѣдѣ! Ибо ты — кровопійца!“

Мало того, что он ругал и злословил царя, он еще бросал в него с горы камни! Авесса, шедшій около царя, наконец не выдержал:

— Зачѣм злословит этот мертвый пес господина моего, царя? Пойду я и сниму с него голову!“

Он направился послѣ этих слов к горѣ, но царь остановил его:

— „Что мнѣ и вам, сыны Саруины? Пусть он злословит, ибо Господь повелѣл ему злословить Давида!... Кто же может сказать: зачѣм ты так дѣлаешь? — Вот! Если мой сын, который выпел из чресл моих, ищет души моей, тѣм больше сын Веніаминитянина!... Оставьте его, — пусть злословит! Ибо Господь повелѣл ему! Быть может, Господь призрит на уничиженіе мое и воздаст мнѣ Господь благостью за теперешнее его злословіе!..“

А Семей продолжал идти рядом, бросать время от времени камни и ругать царя и издѣваться над ним... Его никто не трогал, так как царь этого не велѣл.

Авессалом в Іерусалимѣ.

Едва царь Давид ушел, как новый царь вступил в столицу. Населеніе относилось к происходящему различно. В общем можно сказать, что старики были за Давида, а молодежь за Авессалома, люди средняго возраста колебались, а женщинам было все-равно, хотя происходившее было до крайности любопытно. И царь, по совѣту Ахитофела, доставил им зрѣлище, о котором им не могло сниться в самом смѣлом снѣ!

Для охраны дворца царь Давид оставил часть слуг и десять наложниц. Вот Ахитофел и сказал ему:

— Тебѣ нужно доказать всему народу, что ты царь в Израилѣ. Надо и тѣм немногим, что еще не вѣрят в тебя, доказать, что дѣло кончено и возврата нѣтъ! Если ты войдешь к наложницам своего царя, то этим докажешь, что ты истинный и законный царь и что царство Давида, твоего отца, уже кончено. Но если ты войдешь к ним во дворцѣ, то кто будет об этом знать? — Нѣтъ, войди к ним при всем народѣ, и тогда никто не будет сомнѣваться в этом дѣлѣ.

Авессалом так и сдѣлал: на кровлѣ дворца был поставлен

роскошный шатер, и через глашатаев было объявлено всему народу о том, что произойдет, и о часѣ, в который это будет.

Разумѣется, это небывалое и невиданное зрѣлище собрало такія толпы народа, что люди давили один другого, и многія женщины лишились в давкѣ чувств. Смущенные и оскорбленные красавицы, наложницы царя Давида, по очереди выводились на кровлю дворца, публично раздѣвались, и, по Библии, „вошел Авессалом к наложницам отца своего перед глазами всего Израиля“...

Но Ахитофел дал и другой совѣтъ, один из тѣх, про которые царь Давид просил Господа разрушить его: не медля ни минуты покончить с Давидом, не дать ему собраться с силами, воспользоваться тѣм, что у него, кромѣ шестисот Гетян, шестисот „Крети“ и „Плети“, а также около шестисот ветеран, не было никого. Как бы хороши ни были эти двѣ тысячи воинов, но они не могли устоять против пятерного или шестерного количества отборных воинов Авессалома. Давид со своими женами и дѣтьми, с толпами рабов, рабынь и придворных, со своими пѣшими войсками не мог уйти далеко, и конный отряд из двѣнадцати тѣсяч ототборных воинов под начальством самого Амессая непременно уничтожил бы ту небольшую воинскую защиту, которую имѣл Давид.

Но нужно было одѣлать это теперь же, сейчас же, не медля ни единого часа. По Библии, так говорил Ахитофел:

— „Выберу я двѣнадцать тысяч человѣкъ, и встану и пойду в погоню за Давидом в эту ночь. И нападу на него, когда он будет утомлен и с опущенными руками, и приведу его в страх. И всѣ люди, которые с ним, разбѣгутся. И я убью одного царя, а всѣх людей обращу к тебѣ. И когда не будет одного, душу котораго ты ищешь, тогда весь народ будет в мирѣ.“

Этот совѣтъ чрезвычайно понравился и Авессалому, и придворным. Но так как ум хорошо, а два еще лучше, и при дворѣ Авессаломѣ теперь был еще один бывший совѣтник царя Давида, Хусій Архитянин, то призвали и его.

Хусій внимательно выслушал совѣтъ Ахитофела, спросил его о деталях и наконец сказал:

— „Нѣтъ! Не хорош на этот раз совѣтъ, который дал Ахитофел! Ты знаешь твоего отца и людей его! Они храбры

и сильно раздражены, как медвѣдица в полѣ, у которой огняли дѣтей. И отец твой человѣкъ воинственный: он не останется ночевать с народом! Вот теперь он скрывается в какой-нибудь пещерѣ или в другом мѣстѣ... И если кто падет при первом нападеніи на них, и услышат и скажут: было пораженіе людей, послѣдовавших за Авессаломом! Тогда и самый храбрый, у котораго сердце, как сердце львиное, упадет духом, — ибо всему Израилю извѣстно, как храбр твой отец, и как мужественны тѣ, которые с ним. Посему я совѣтую: пусть к тебѣ соберется весь Израиль от Дана и до Вирсави, во множествѣ, как песок в морѣ; и ты сам пойдешь посреди его. И тогда мы пойдем против него, в каком бы мѣстѣ он ни находился, и нападём на него, как роса падает а землю. И не останется у него ни одного человѣка, которые с ним. А если он войдет в какой-либо город, то всѣм Израилем принесем к тому городу веревки, и мы стащим его в рѣку, так что не останется ни одного человѣка!“

Этот совѣтъ чрезвычайно понравился: во-первых, дѣло было отложено, и не слѣдовало спѣшить и торопиться: из-за поспѣшности и необдуманности было потеряно не одно дѣло. А во-вторых, картина, нарисованная Хусіем, была до крайности эффектна: идет весь Израиль, и царь Авессалом посреди его, и падают, как роса, на кучку людей Давида!... А если зайдеть в город, то каждый принесет веревку, и город так стащут в рѣку, что не останется и камешка!...

„И сказал Авессалом и весь Израиль: совѣтъ Хусія Архитянина лучше совѣта Ахитофела!“

Молитва Давида, очевидно, была услышана:

„Так Господь судил разрушить лучший совѣтъ Ахитофела, чтобы навести Господу бѣдствіе на Авессалома“.

Среди других выслушал совѣтъ Хусія и Ахитофел. Выслушал и подумал так: или Хусій сразу оглубѣл, или работает для царя Давида. Но если он работает для него, то очень возможно, что среди присутствующих много таких, которые только и думают, как бы погубить Авессалома, пошедшаго в отца своего храбростью, но не пошедшаго в него умом. А старый Давид хотя и одряхлѣл тѣлом, но умом в дѣтство далеко не впал, и у него есть такая помощь, как полководцы Иоаз

и Авесса. Во всяком случаѣ дѣло Авессалома теперь уже можно считать потерянным, потому что, пока ему удастся собрать „весь Израиль“, как посоветовал этот хитрый Хусій, то Иоаву удастся собрать всѣх своих боевых товарищей, свидѣтелей побѣд его, Авессы и Давида. Многіе из воинов вспомнят, как они пили воду из великой рѣки Ефрата, находясь под командой орла Давида... Многіе вспомнят и пойдут не к сыну, но к отцу... Даже, если всѣм дѣлом будет завѣдывать Иоав, то и тогда малѣйшая отсрочка крайне опасна, но если старый лев проснется в самом Давидѣ, то дѣло безусловно потеряно... Обсудив все это:

„Ахитофел осѣдлал осла, собрался и пошел в дом свой, в город свой. И сдѣлал завѣщаніе дому своему“.

Но сдѣлав завѣщаніе, он начал размышлять: — Будет ли царь Давид, или будет царь Авессалом, все-равно они уничтожат мое завѣщаніе. Поэтому надо сдѣлать так, чтобы оно было исполнено в точности...

Жены Ахитофеля были немало поражены его приходом домой. Онѣ спрашивали с любопытством и беспокойством:

— Или дѣло царя Авессалома проиграно?

Но Ахитофел их успокоил:

— Нѣтъ. Царь Авессалом в Іерусалимѣ, и царь Давид скитается в горах. Но никто не может предсказать, что произойдет завтра. Ради этого надо быть готовым ко всяким случайностям. Завтра меня не будет...

На испуганный взгляд жен он отвѣтил со спокойной улыбкой:

— Я снова поѣду в Іерусалим. — Так вот послушайте мою волю: — на всякій случай, так как человѣкъ умный и осторожный должен все предвидѣть и быть готовым ко всему.

Он подробно распредѣлил все свое имущество между женами и дѣтьми, не забыл и старых своих рабов, ставших, как бы членами семьи, сказал, куда угнать стада, если дѣло Авессалома будет проиграно, и, на всякій случай, приказал это сдѣлать уже теперь, сегодня же, — так как, если дѣло Авессалома восторжествует, то стада эти легко можно будет вернуть назад, но если он падет, то нельзя уже будет по-

спѣть этого сдѣлать, и люди Давида, как коршуны, налетят на имущество измѣнника...

Когда жены начали плакать при этих словах, Ахитофел их успокаивал:

— Чего же вы? — Царь Авессалом еще царствует, но человек осторожный всегда осторожен....

Каждая из жен получила деньги, каждая драгоценности. Раздѣляя, Ахитофел говорил так:

— Теперь вы всѣ одна семья, и у нас нѣтъ ссоры. Но если придется бѣжать, то каждая из вас, со своими дѣтьми, составит другую семью, — вот почему я теперь же раздѣлю мои богатства между вами. Вы каждая отдѣльная семья, и, если каждая из вас будет имѣть свое собственное имущество, то, будете ли вы жить вмѣстѣ или отдѣльно, но поводов для ссоры уже не будет.

Кончив раздѣл, он поцѣловал каждую жену и каждого ребенка. Потом собрал рабов и рабынь и сказал им так:

— Я теперь иду. Но если меня не будет совсѣм, то есть, если я умру, то помните: и с небес я увижу дѣло каждого из вас! Вчетверо я воздам доброму за его доброту и злomu за его злобу. Поклянитесь мнѣ, что останетесь вѣрны моим женам и моим дѣтям до самой вашей смерти!

Когда всѣ поклялись, Ахитофел торжественно сказал:

— Пусть проклят будет перед Господом тот, кто не исполнит этой своей клятвы! Господь наплет на него болѣзнь, и он будет заживо съѣден червями!

Но за то благословит Господь того, кто свято исполнит свою клятву, и да воздаст ему добром и в этой, и в будущей жизни!

Теперь идите: я лягу отдохнуть, и вы не тревожьте меня.

Когда всѣ ушли, Ахитофел стал на колѣни, и начал молиться. Слезы были на его глазах. Окончив молитву, он встал с колѣн, тяжело вздохнул и, подойдя к сундуку, вынул оттуда шелковый шнурок, толщиной с мизинец. Сдѣлавши подвижную петлю, он попробовал, легко ли она движется. Убѣдившись в этом, привязал петлю к крючку в балкѣ потолка. Поставил табуретку, влѣз на нее, надѣл петлю на шею, сказал

снова тихую и короткую молитву, оттолкнул рѣзким ударом ноги табуретку из-под своих ног, и повис в воздухѣ...

Через три часа раб пришел звать его на обѣд...

Завѣщаніе Ахитофела было исполнено в точности: ни один из рабов не рѣшился нарушить завѣщаніе своего покойнаго господина! Стада тотчас послѣ скромных и коротких похорон погнали в мѣста, указанные покойным: теперь было понятно всѣм, что дѣло Авессалома потеряно.

Так кончил свою жизнь бывшій правитель царства от Ефрата и до Египта, лучший совѣтник царя Давида, человѣкъ, совѣты котораго „считались как бы совѣтами самого Господа...”

Царь Давид предупрежден.

Хусій, дав свой нагубный для Авессалома и спасительный для Давида совѣтъ, пошел переговорить с первосвященниками Садоком и Авіатором. Он им сказал:

— „Так и так совѣтовал Ахитофел Авессалому и старѣйшинам израилевым, а так и так посовѣтовал я. И теперь пошлите скорѣе и скажите Давиду: не оставайся эту ночь на равнинѣ в пустынѣ, но поскорѣе перейди Иордан, чтобы не погибнуть царю и всѣм людям, которые с ним.“

Немедленно была послана служанка к сыновьям первосвященников, — священникам Ахимаасу и Іонафану, которые не смѣли войти в город и ожидали у источника Рогель. Хотя она имѣла сосуд и пришла как будто набрать воды, но один молодой человѣкъ, бывшій у колодца, видѣлъ, что она послѣ этого разговаривала с какими-то двумя мужчинами, которые как-то подозрительно прятались за камни. А затѣм, когда молодая женщина ушла, поспѣшно направились в другую сторону.

Молодой человѣкъ побѣжал в город и донес об этом. Женщина успѣла скрыться, и никто не мог оказать, кто она и откуда пришла, но за тѣми людьми, что были у колодца, нарядили погоню. Отряд на быстрых мулах, с тѣм молодым человѣком, который их видѣлъ, помчался в догонку.

Оба молодые священника были одѣты, как остальные люди, и поэтому никто не мог знать, что это священники. Когда они

были уже недалеко от города Бахурима, то увидѣли, что по дорогѣ несется пыль, и нѣсколько всадников галопом скачут по дорогѣ. Тогда они вбѣжали во двор одного дома и крикнули женщинѣ, бывшей там, чтобы она их спрятала. Та, рѣшительная, находчивая и энергичная женщина, приказала им поспѣшно лѣзть в пустой колодезь. И сбѣгала в дом, и вынесла оттуда большой кусок полотна, которым прикрыла устье колодца. Затѣм она насыпала сверху крупы, как будто для сучки, и пошла дѣлать другую работу.

Вскорѣ вѣхали воины Авессалома:

— Женщина! Ты не видѣла двух мужчин, поспѣшно идущих по дорогѣ?

Женщина прикрыла от солнца ладонью лицо и молчала, как будто припоминая. Потом, припомнив, рѣшительно отвѣтила:

— Да, двое. Они шли очень поспѣшно, и пошли туда через рѣку. Вброд через рѣку.

Как только всадники, обманутые направлением, уѣхали, женщина выпустила Ахимааса и Ионафана, священников, и тѣ поспѣшили в лагерь Давида.

Давид получил извѣстіе, и в ту же ночь весь табор переправился через Иордан, — этим сразу была уничтожена возможность неожиданнаго нападенія, если бы, паче чаянія, Авессалом в послѣдній момент принялъ бы совѣтъ Ахитофела.

С переходом через Иордан, обстоятельства начали измѣняться. Маханаим, прежняя столица царя Саула и царя Иевосфея, давно ревновал к Іерусалиму, молодой столицѣ государства. Теперь, с приходом в Маханаим Давида с семьей и со своим двором, с Гетянами, Фелетейми и Хелетейми, с отрядом старых воинов, свидѣтелей бывших славных побѣд Давида, — воскресли надежды жителей Заиорданья и, в особенности, обитателей города Маханаима: Давид и двор останутся в Маханаимѣ, и город сдѣлается столицей уже не одного прежняго маленькаго Израиля, государства времен Саула, но нынѣшняго Израиля, — от великой рѣки Ефрата до Египта, и от моря и до пустыни!...

От Іерусалима и до Иордана населеніе относилось пассивно к тому, что происходило, — как и жители Іерусалима, народ

выкидал, кто останется побѣдителем, но с переходом через рѣку это холодное и равнодушное отношеніе измѣнилось: со всѣх сторон начали стекаться и сѣбные припасы, и войны с собственным продовольствіем.

Войска собирали одновременно и Иоав, и Амессай, полководец Авессалома. Но имя Давида было так громко, блеск его так силен, что большинство шло к нему, а не к Авессалому. Иоав начал разбивать свои войска не на сотни, как было в началѣ, но уже на тысячи... То время, когда можно было с двѣнадцатыя тысячами отборных воинов гнаться за Давидом, прошло безвозвратно... некого было отбирать, так как воины бѣжали в стан Давида...

Амессай, полководец Авессалома, проявил необыкновенную энергію, но он видѣл, что обаяніе имени Давида, и его полководцев Иоав и Авессы еще очень велико в Израилѣ...

К моменту рѣшительнаго боя число войск Иоав было так велико, что пришлось их раздѣлить на три отряда; начальником одного из них был Иоав, оставившій за собою и верховное командованіе, начальником второго отряда Авесса; Фелетейми, Хелетейми и Гетянами командовал Еттей, начальник Гетяны.

Видя такое большое количество войск, ободрился и старый царь Давид. Он даже сам захотѣл встать во главѣ войск, но предводители, — Иоав, Авесса, Еттей и другіе высшіе начальники, отговорили его:

„Не ходи! Ибо если мы и побѣдим, то не обратят вниманія на это. Если и умрет половина из нас — тоже не обратят. А ты один, — то же, что десять тысяч! Итак для нас лучше, чтобы ты помогал нам из города“.

Иоав больше всего боялся, как бы престарѣлый царь не стал во главѣ войск, и не помѣшал бы его распоряженіям.

Впрочем, Давид не особенно и рвался в бой — он чувствовал, что его время уже прошло!... Но перед выходом войск, царь встал в воротах города Маханайма, чтобы пропустить мимо себя войска, и это, дѣйствительно, возбудило энтузіазм: сѣдой царь с его длинной, бѣлой бородой и величественным видом был в высшей степени красивой фигурой, напоминая сказочных царей, и своим дѣйствительно царственным видом вызывал клики восторга среди выходящих войск, из

которых нѣкоторые никогда, а многіе уже давно не видѣли царя, пользующагося міровой славой.

Когда, пропустив войска, тронулась и группа военачальников, Давид громко сказал:

— Смотрите только, „сберегите мнѣ отрока Авессалом!“

Войска шли по сотням и по тысячам, имѣя своего начальника во главѣ. Все населеніе города толпилось на стѣнах, перед воротами и за воротами города, крича и махая вѣтвями пальм, желая войскам успѣха и побѣды...

Да, Господь разстроил совѣтъ Ахитофела!....

Бой произошел у Ефремова лѣса. Как ни был талантлив Амессай, начальник Авессаломовых войск, но Иоав был искуснѣе его!... Носясь среди войск Давида, опять на рыжем жеребцѣ, — без котораго Иоав не казался Иоавом, так всѣ призывали его видѣть на рыжих жеребцах, — он вездѣ вносил воодушевленіе побѣды. Воспользовавшись лѣсом и складками мѣстности, он так скрыл свои войска, что отряды Амессая во многих мѣстах попались в ловушки.

„И был поражен народ израильскій рабами Давида. Было там пораженіе великое в тот день — пораженю двадцать тысяч человек! Сраженіе распространилось по всей той странѣ. И лѣс погубил народа больше, чѣм, сколько истребил меч в тот день“.

Авессалом бѣжал, но его погубила гордость красоты его — пышные волосы!... Они были так густы и так быстро росли, что их приходилось стричь каждый год, — „когда он стриг свою голову, — а стриг он ее каждый год, — то волосы с его головы вѣсили двѣсти ситлей серебра по вѣсу царскому...“

Когда он, послѣ пораженія своих войск, скакал, преслѣдуемый Давидовыми всадниками, и проѣзжал под низкой вѣтвью большого дерева, то его развѣвающиеся волосы зацѣпились за эту вѣтку, мул продолжал свой бѣг, а Авессалом повис в воздухѣ. Догонявшіе его всадники остановились под деревом, но не рѣшались посягнуть на сына царя, в особенности помня сказанное царем при выходѣ войск: „сохраните мнѣ отрока Авессалом“. Но когда доложили об этом бывшему близко Иоаву, тот приказал убить возставшаго против отца. И все-

таки никто из воинов не рѣшался, говоря: мы слышали, как царь говорил всѣмъ: „сохраните мнѣ отрока Авессалома“...

Тогда разсерженный Іоав натянул свой лук и пустил сам в висащаго Авессалома одну за другой три стрѣлы...

Самый знатный и самый красивый сын царя Давида погиб... Но с его смертью было в корнѣ потушено и возстаніе.

Как только был убит виновник бунта, Іоав приказал трубить отбой — дальнѣйшее кровопролитіе было не нужно.

Труп Авессалома положили в глубокую яму и набросали над ним большую кучу камней.

Дѣло было сдѣлано. Сдѣлано так, как, по мнѣнію Іоав, его брата Авессы и других вождей, лучше нельзя было и сдѣлать. Іоав, человек, не знающій жалости, но талантливый полководец и умный политик, был искренно предан своему царю. Он, прежде бывшій против Вирсавіи и ея сына, теперь примирился и с ним — воля царя священна! Но тогда Авессалом, с его клокочущей кровью и жаждой власти, излишен на землѣ! Одно из двух — Соломон или Авессалом! Іоав знал, что вмѣстѣ они не могут быть, и убил Авессалома. Знал и то, что царь, успокоясь, поймет, что иного выхода из положенія не может быть... Он исполнил свой долг, хотя отлично понимал, что происшедшее не обойдется ему даром. Надо было теперь рѣшить, как доложить царю? — Фраза послѣдняго: „пощадите мнѣ отрока Авессалома“ все время звенѣла в его ушах...

„Ахимаас, сын Садоков, сказал Іоаву: побѣгу я, извѣщу царя, что Господь судом своим избавил его от рук врагов его.

„Но Іоав сказал ему: не будешь ты сегодня добрым вѣстником, извѣстишь в другой день, а не сегодня, ибо умер сын царя.

„И сказал Іоав Хусію: пойди, донеси царю, что видѣл ты. — И поклонился Хусій Іоаву и побѣжал.

„Но Ахимаас, сын Садоков, настаивал и говорил Іоаву: что бы ни было, но я побѣгу за Хусіем.

„Іоав же отвѣчал:

„Зачѣмъ бѣжать тебѣ, сын мой? — Не принесешь ты доброй вѣсти.

„И сказал Ахимаас:

— „Пусть так, но я побѣгу!

„И сказал Іоав: — бѣги!

„И побѣжал Ахимаас по прямой дорогѣ и опередил Хусіа. Давид тогда сидѣл между двумя воротами. И сторож вошел на кровлю ворот к стѣнѣ, и подняв глаза, увидѣл: вот бѣжит человѣкъ. И закричал сторож и извѣстил царя. И сказал царь:

— „Если одинъ, то вѣсть в устах его.

„А тот подходит все ближе и ближе. Сторож увидѣл и другого бѣгущаго человѣка. И закричал сторож привратнику:

— „Вот, еще бѣжит одинъ человѣкъ!

— И это вѣстник, — сказал царь.

„Сторож сказал: — я вижу походку перваго, похожую на походку Ахимааса, сына Садокова.

— „Это человѣкъ хорошій и идет с доброю вѣстью, — сказал царь.

„И воскликнул Ахимаас и сказал царю: — мир! — И поклонился царю лицом своим до земли. И сказал: — благословен Господь, Бог твой, предавшій людей, которые подняли руки свои на господина моего, царя!

„И сказал царь: — благополучен ли отрок Авессалом?

„И сказал Ахимаас: — я видѣл большое волненіе, когда раб царя Іоав посылал раба твоего. Но я не знаю, что там было.

„Вот пришел и Хусій. И сказал Хусій: — добрая вѣсть господину моему, царю! Господь явил тебѣ нынѣ правду и избавленіи от руки всѣхъ возстающихъ противъ тебя!

„И сказал царь Хусію: — благополучен ли отрок Авессалом?

„И сказал Хусій: — да будетъ с врагами господина моего, царя, и со всѣми, злоумышляющими противъ тебя, то же, что постигло отрока!

„И смутился царь, и пошел в горницу над воротами, и плакал, и когда шел, говорил так: — сын мой Авессалом! сын мой! сын мой Авессалом! О, кто бы дал мнѣ умереть вмѣсто тебя, Авессалом, сын мой, сын мой!“...

Іоав ожидал взрыва гнѣва и печали царя, но далеко не в этой степени.

„И сказали Іоаву: — вот царь плачет и рыдает об Авессаломѣ.

„И обратилась побѣда того дня в плач для всего народа... Ибо народ услышал в тот день и говорил, что царь скорбит о своем сынѣ. И входил тогда народ в город украдкою, как крадутся люди стыдящіеся, которые во время сраженія обратились в бѣгство. — А царь, закрыв свое лицо, громко взывал: — сын мой Авессалом! Авессалом, сын мой, сын мой!“

Великое горе царя, однако, оказало такое дѣйствіе, которому никто не мог предвидѣть: так как вмѣсто радости побѣды вездѣ была глубокая печаль, и вмѣсто наград за блестящую побѣду было только порицаніе царя, то воины начали уходить из лагеря Давида и возвращаться в свои дома. Іоав не слушался, и младшіе военачальники говорили ему:

— Мы ничего не можем сдѣлать с людьми, так как они нам говорят:

— Лучше бы мы пошли с Авессаломом, — тогда бы мы не причинили царю такого сильнаго горя!

Но еще хуже говорили люди между собою: — нас обманули! царь сам хотѣл, что-бы Авессалом был царем вмѣсто него!

Люди из лагеря царя Давида бѣжали. Просто уходили, ничего не докладывая своим начальникам, иногда уходили открыто и, когда начальник подходил и спрашивал куда они идут, со злобным спокойствіем отвѣчали: — мы не желаем огорчать царя еще болѣе!

Амессай, полководец Авессалома, воспользовался этим и начал собирать своих людей снова.

Іоав ясно видѣл, что смерть Авессалома была необходима, если даже теперь, послѣ его смерти, войска начали собираться к Амессаю, а от Давида начали уходить. Что же было бы, если Авессалом был жив? — Тогда Іоав отправился к царю. Старый боевой медвѣдь был раздосадован и едва сдерживал свой гнѣвъ. Но в грубых, даже дерзких словах преданнаго полководца было столько желанія добра и пользы царю, что Давид молча выслушал эти дерзкія слова:

— „Ты в стыд привел сегодня всѣх слуг твоих, спасших нынѣ жизнь твою, и жизнь сыновей и дочерей твоих, и жизнь

жен и жизнь наложниц твоих! Ты любишь ненавидящих тебя и ненавидишь любящих тебя! Ибо ты показал сегодня, что ничто для тебя и вожди, и слуги! Сегодня я узнал, что если бы Авессалом остался жив, а мы все умерли, то тебе было бы приятно! Итак встань, выйди и поговори к сердцу рабов твоих, ибо, — клянусь Господом! — что если ты не выйдешь, то в эту ночь не останется у тебя ни одного человека. И это будет хуже твоих бедствий, какие находили на тебя от юности твоей и доныне!“

Царь послушался совета Иоавы, вышел к народу и говорил с ним. Но самому Иоаву не сказал ни дурного, ни хорошего, — царю кто то доложил, что сына его Авессалома убил стрелой сам Иоав...

Потрясли ли царя все эти известия, или он просто сдѣлал над собою усилие и овладѣл собою, но только на короткое время прежній Давид, лев и орел, проснулся. Иоаву он больше не доверял, люди из лагеря царя бѣжали, войска Амессая усиливались: что было дѣлать, чтобы парализовать движеніе?... И Давид, тайно от Иоавы, начал переговоры с Амессаем, полководцем возставших войск: его послы так передали Амессаю:

— „Не кость ли моя и не плоть ли моя и ты? Пусть то и то сдѣлает со мною Господь и пусть еще больше сдѣлает, если ты не будешь при мнѣ военачальником вмѣсто Иоавы, навсегда!“

Амессай взвѣсил положеніе и... пріѣхал в стан царя Давида с повинной.

Теперь уже было иначе: при царѣ был все время Амессай, а Иоав и его брат Авесса были не при чем, — царь просто никогда к ним не обращался.. Они не были подчинены Амессаю, они оставались во главѣ войска, но все приказанія царь передавал через Амессая...

Когда царь, теперь снова признанный всем народом, возвращался назад, окруженный Фелетями, Хелетями, Гетянами и многочисленными воинами Амессая, то Семей, тот самый человек из рода царя Саула, который поносил его и бросал в него камнями, Семей, сын Геры, собрал тысячу человек и, во главѣ их, поспѣшил царю навстрѣчу. Как только царь перешел на лодкѣ на эту сторону Иордана, он первый, бросился ему в ноги:

— „Не поставь мнѣ, господин мой, в преступленіе, и не помяни того, чѣм согрѣшил раб твой в тот день, когда господин мой, царь, выходил из Іерусалима, и не держи того, царь, на сердцѣ твоём! Ибо знает раб твой, что согрѣшил, и вот нынѣ я пришел первый из всего дома Іосифова, чтобы выйти навстрѣчу господину моему, царю!...“

Давид знал, что лишь полное прощеніе приведет всѣх обратно к нему, что только тогда дѣйствительно всѣ обратятся к нему, когда будут твердо увѣрены, что их не постигнет никакое наказаніе. Они видѣли, как вознес царь Амессая, полководца павшаго Авессалома, и теперь должны были видѣть, что царь простил даже своего оскорбителя!

Суровый Авесса, видя, что царь так милостиво принимает Семей, невольно воскликнул:

— „Неужели Семей не умрет за то, что злословил помазанника Господня?“

Давид повернулся к нему и с горечью сказал:

— „Что мнѣ и вам, сыны Саруины, что вы нынѣ дѣлаетесь мнѣ навѣтниками? Нынѣ ли умерщвлять кого в Израилѣ? Не вижу ли я, что нынѣ я — царь над Израилем?“

Послѣ этих слов повернулся к распростертому на землѣ Се-мею и сказал торжественным голосом:

— „Ты не умрешь!“

„И царь ему поклялся...“

В этот же день был оказан и еще ряд милостей. Мефибозет, сын Іонафана, не вышел с царем из Іерусалима, почему царь все его имущество отдал его управляющему, который поспѣшил за Давидом, и один из первых привез в стан убѣгающаго царя продовольствіе на нѣскольких ослах, предоставив и этих ослов в распоряженіе царя, для надобностей царских жен и дѣтей. Теперь Мефибозет объяснил, почему он не смог выйти с царем: будучи хром, он не мог двигаться, так как слуги оставили его. — Царь повѣрил и раздѣлил все имущество Мефибозета пополам: управляющій вмѣсто всего получил лишь половину.

Возстаніе, казалось бы, было уже окончено, — царь

Давид снова признанный всѣм народом, всѣми двѣнадцатью колѣнами Израиля, — возвратился в свою столицу...

Но это лишь казалось... Авессалом своим бунтом взволновал Израиль до самаго дна... Даже его смерть и переход на сторону Давида полководца Амессая не рѣшили дѣла и не погасили бунта и волненій. Не погасили потому, что в основѣ дѣла был старинный спор между колѣном Іудиным с одной стороны и одинадцатью остальными колѣнами с другой стороны. Бѣгство царя Давида из Іерусалима, — города Іуды, — в Маханайм, город Израиля, возбудил надежды на то, что Іуда не сможет послѣ перенесенія столицы государства из Іерусалима, считать себя чѣм то особенным, первым среди израильтян. Именно из-за этого, начали стекаться и воины, и продовольствіе к царю Давиду, хотя он сам и был из колѣна Іудина, как из этого же колѣна были Іоав, Авесса, и новое свѣтило — Амессай.

Израильтяне были твердо увѣрены, что слава Іерусалима померкла, и столицей будет как и прежде, Маханайм, гдѣ царствовал Саул и его сын Іевосфей.

„И вот всѣ израильтяне пришли к царю, и сказали царю: зачѣм братья наши, мужи Іудины, похитили тебя, и проводили царя и дом его, и всѣх людей Давида с ним через Іордан?

Іудеи горячо отстаивали свои права:

„Затѣм, что царь ближній нам! — Из за чего сердиться вам на это?“...

Раздраженіе с той и с другой стороны было очень велико, хотя было желаніе покончить миром. На замѣчаніе іудеев о том, что они ближе к царю, израильтяне указывали, что их больше:

„Мы десять частей у царя, также и у Давида мы болѣе, чѣм вы! Зачѣм же вы унизили нас?“

Они указывали на то, что царю пришлось бѣжать именно из Іудеи, и именно к ним, и что только их помощь возвратила ему престол. И они „мужи израильскіе“ говорили:

— „Не нам ли принадлежит первое слово о том, чтобы возвратитъ нашего царя?“

Спор разрѣшил сам царь, приказав двигаться обратно в Іерусалим. Библия так кончает этот спор:

„Слово мужей Іудиныхъ было сильнѣе, нежели слово израильтян“...*)

Новое возстаніе.

Всѣ надежды занять снова первое мѣсто в государствѣ, какъ это было при царѣ Саулѣ, исчезли для израильтян, — и с этимъ помирились далеко не всѣ...—

Царь выполнилъ свое обѣщаніе, данное имъ Амессаю в началѣ переговоровъ с нимъ, — поставить его вмѣсто Іоава первымъ в Израилѣ. Авесса остался при царѣ, но во второстепенной роли, Іоав же вернулся в Іерусалимъ и былъ какъ бы за штатомъ, такъ какъ войскъ подъ его командой не было, и все командованіе перешло къ Амессаю. Іоав считалъ себя — и имѣлъ полное право на это — спасителемъ Давида, поэтому его униженіе и возвышеніе молодого, сравнительно с нимъ, Амессая, котораго онъ самъ и выдвинулъ впередъ, возмущало все существо стараго по годамъ, но все еще неукротимаго полководца. Онъ былъ уязвленъ и оскорбленъ до мозга костей: в то время, когда царь совершенно растерялся, когда онъ бѣжалъ изъ города, точно робкая овца, онъ, Іоав, взялъ дѣло спасенія царя в свои крѣпкія руки. Это онъ уговорилъ греческихъ паемниковъ, — Хелетеевъ и Фелетеевъ, — остаться вѣрными царю, онъ посмѣшно перевелъ царя черезъ Іорданъ и направилъ его в Маханаймъ, онъ собралъ дружины и онъ выигралъ сраженіе. И вотъ теперь онъ, безспорный спаситель царя, в опалѣ, а этотъ возмущившійся рабъ Амессай первый человѣкъ государства!...

Старый медвѣдь пустыни ходилъ большими шагами по кровлѣ своего дома, не зная, что ему начать? Изрѣдка онъ сжималъ кулаки, и губы кривились отъ гнѣва...

Но вскорѣ случилось, что царь былъ принужденъ обратиться снова къ своему старому полководцу...

„Одинъ негодный человѣкъ, по имени Савей, сынъ Вихри,

*) Главы 14 — 19.

Веніамитянин, затрубил трубою и сказал: нѣтъ нам части в Давидѣ! И нѣтъ нам доли в сынѣ Іессеевом! Всѣ по шатрам своим, Израильтяне!“

Возваніе это имѣло неожиданный самим Савеем успѣх.

„И отдѣлились всѣ израильтяне от Давида и пошли за Савеем, сыном Бихри.“

Но „іудеи остались на сторонѣ царя своего, от Іордана до Іерусалима“.

Придя в Іерусалим, надо было прежде всего собирать войска, что, разумѣется, было поручено новому полководцу Амессаю, причем, в виду необходимости потушить возстаніе, пока оно еще не разгорѣлось, царь назначил на сбор войск всего лишь три дня. Это было дѣйствительно слишком мало:

„И пошел Амессай созывать іудеев, но промедлил болѣе назначеннаго ему времени...“

Глухія подозрѣнія начали волновать царя: а что если Амессай...? Если Савей был опасен один, то что может быть, если к нему присоединится Амессай?... Что слѣдовало дѣлать? что? — Неужели обратиться к Іоаву?... Но этого не позволяли ни гордость, ни воспоминаніе, что Іоав убил Авессалома...

„Тогда Давид сказал Авессѣ: — надѣлает нам зла Савей, сын Бихри, больше, чѣм Авессалом! Возьми ты слуг господина твоего и преслѣдуй его, чтобы он не нашел себѣ укрѣпленных городов, и не скрылся из глаз наших...“

Авесса, с энергіей, характеризовавшей „сынов Саруиных“, принялся за дѣло. На карту было поставлено все! Все, что можно было собрать, было собрано. Даже Хелетеев и Фелетеев взял Авесса. Партія Іоава была сильна, и многіе из этой партіи послѣ опалы своего вождя также устранились от дѣл. Теперь они всѣ пошли за Авессой против Савея. А, возможно и против Амессая...

Сам Іоав, в качествѣ помощника своего брата, подчиненнаго ему вождя, направился в поход.

„И вышли за ним (Авессой) люди Іоавовы, и Хелетей, и Фелетей, и всѣ храбрые пошли из Іерусалима преслѣдовать Савея, сына Бихри.“

Амессай, как оказалась, не измѣнил, и вскорѣ послѣ ухода Авессы, явился в Іерусалим с набранными им людьми. Царь немедленно отправил его также для преслѣдованія Савея. Амессай выступил и вскорѣ обѣ арміи соединились.

Встрѣча произошла у „большого камня“ у Гаваона. Здѣсь произошло драматическое свиданіе двух вождей: восходящаго свѣтила Амессая и заходящаго свѣтила — Іоав.

„Іоав был одѣт в воинское одѣяніе свое и препоясан мечем, который висѣл при бедрѣ в ножнах, и который легко выходил из них и входил. И сказал Іоав Амессаю: — здоров ли ты, брат мой? — И взял Іоав Амессая правой рукой за бороду, чтобы поцѣловать его. Амессай же не остерегся меча, бывшаго в рукѣ Іоавы, и тот поразил его им в живот, так что выпали внутренности его на землю, и не повторил ему удара, и он умер.“

Іоав оставил около убитого одного из своих воинов, чтобы тот, указывая на убитого, говорил:

— „Тот кто предан Іоаву, и кто за Давида, — пусть идет за Іоавом!“

Но войны Амессая, видя своего полководца мертвым и с выпущенными наружу внутренностями, останавливались около него и стояли большою толпою. Тогда, говорит дальше Библия: „тот человек увидѣл, что весь народ останавливается над ним, стащил Амессая с дороги в поле, и набросал на него одежду, так как он видѣл, что всякій проходящій останавливается над ним. Но когда он был стащен с дороги, то весь народ израильскій пошел вслѣд за Іоавом преслѣдовать Савея, сына Бихри.“

Устранив своего соперника этим рѣшительным способом, Іоав всю свою энергію обратил на борьбу с Савеем. Начальство над войском естественно перешло от Авессы к Іоаву, так как Авесса любил брата, вѣрил в его способности и всегда уступал ему первенство.

Положеніе Савея вскорѣ стало на столько плохо, что он заперся в стѣнах города Абель-Бет-Мааха. Іоав осадил этот город и через глашатая оповѣстил о том, что если жители города не выдадут Савея, а будут защищаться, то с ними будет поступать так, как в свое время было поступлено

с городами аммонитян, то есть, все жители будут или порубаны пилами, или порублены топорами, или положены под молотилки, или брошены в раскаленные печи для обжигания кирпича.

Страх перед уже известною жестокостью Давидова полководца заставил жителей города начать переговоры, которые и велись через посредство одной женщины, которую Библия называет „умною“.

Когда однажды Иоав проезжал около городской стены „одна умная женщина закричала со стены города: послушайте! послушайте! — Скажите Иоаву, чтобы он подошел сюда, и я переговорю с ним!“

Иоаву доложили, и он подошел к стене. Она спросила его:

— „Ты ли Иоав? — Он сказал: я! — Она сказала: — Послушай слов рабы твоей.“

— И сказал он: слушаю! — Она сказала: — прежде говорили: „кто хочет говорить, спроси в городе Абел“, и так рѣшали дѣло. Я из мирных, вѣрных городов Израиля! а ты хочешь уничтожить город, притом мать городов Израиля! Для чего тебѣ разрушать наслѣдіе Господне? — И отвѣтил Иоав, и сказал: Да не будет этого от меня; чтобы я уничтожил или разрушил! Это не так! Но человек с горы Ефремовой, по имени Савей, сын Вихри, поднял руку свою на царя Давида. Выдайте его мнѣ одного, и я отступлю от города. — И сказала женщина: — вот! голова его тебѣ будет брошена со стены.“

Женщина выполнила свое обѣщаніе: она „пошла со своим умным словом; и отсѣкли голову Савею, сыну Вихри, и бросили Иоаву“.*)

Иоав выполнил уговор: он „затрубил трубою“ и ушел от города со всеми своими людьми.

Что было дѣлать царю Давиду? — Возстаніе вырвано с корнем, войска в полной власти Иоава, — они боготворили своего полководца, никогда не знавшаго поражений.

*) Гл. 20.

Царь Давид вновь назначил Иоава главным начальником всех войск, а его брата Авессу помощником военачальника.

Дряхлость.

Царь Давид быстро старѣл и дряхлѣл. От прежняго льва пустыни не осталось и слѣда. Царь, когда то спавшій на камнях пустыни, теперь не мог найти нигдѣ тепла, хотя стѣны и пол его спальни были сплошь закрыты медвѣжьими мѣхами, постель была из мягких пуховиков, и одѣяло из наиболѣе пушистых лисиц, мѣхом и снаружи и вовнутрь. Несмотря на жаровни, поставленныя во всех углах комнаты, — царю было вездѣ холодно и всегда холодно. Последняя сильная любовь к Вирсавіи теперь также не привлекала его. Сын ея Соломон, двадцатилѣтній юноша, очень похожій на мать, уже не мог вызвать прежней ласковой улыбки отца. Сѣдому, дрожавшему, страшно исхудалому семидесятилѣтнему старику теперь было всеравно, и ничто не интересовало его...

Государством управлял, от имени царя Давида, его старшій сын Адонія. Он был естественный правитель государства, так как начал сначала, много лѣтъ назад, помогать в правленіи своему отцу. Со все увеличивающейся дряхлостью царя эта помощь мало по малу превращалась в совершенно самостоятельное правленіе. Царь много раз говорил во время дѣтства Соломона, что он именно будет царем послѣ смерти Давида, но нельзя же было поручить управленіе дѣлами пятилѣтнему мальчику. До бунта Авессалома, когда при царѣ Давидѣ был в качествѣ главнаго совѣтника Ахитофел, — Адонія дѣйствительно только помогал послѣднему в правленіи. И эта помощь продолжалась цѣлые годы. Опытность Адоніи все возростала, и поэтому всем было вполне понятно, что послѣ смерти Ахитофела он сдѣлается неограниченным правителем государства, лишь сославшимся на авторитет царя Давида.

Изрѣдка царь Давид говорил, что Адонія помогает ему в правленіи лишь до тѣх пор, пока подрастет сын Вирсавіи

Соломон. Но с годами царь становился все слабѣе и слабѣе, и все окружающее интересовало его меньше и меньше. Иногда он спрашивал Адонію, приучает ли тот к дѣлам Соломона? И тот всегда отвѣчал, что, чуть только тот придет в возраст, он начнет его приучать. Но послѣдніе года царь даже не спрашивал и об этом, а когда Вирсавія напоминала ему, он упрямо повторял слова Адоніи:—как только мальчик придет в возраст, его станут привлекать к дѣлам правленія.

Мог ли в государствѣ с совершенно дряхлым царем во главѣ возбудиться вопрос о передачѣ правленія двадцатилѣтнему избѣженному юношѣ в то время, когда государством правил тридцати семилѣтній муж, уже болѣе пятнадцати лѣт состоявшій при правителѣ и послѣдніе восемь лѣт совершенно самостоятельно управляющій государством с мудростью и силой своего отца Давида?..

Наконец, и по своему рожденію Адонія имѣл несравненно больше прав на престол, чѣм Соломон, сын матери почти никому неизвѣстнаго происхожденія, сироты в дѣвушках и вдовы небольшого по чину офицера. Его мать Аггита была дочерью одного из знатнѣйших граждан Израиля!

По вѣншности никто из сыновей Давида так не напоминал отца, как Адонія. Тѣ же широкія плечи, та же могучая грудь, та же свѣтлая вьющаяся борода, тѣ же роскошные бѣлокурые волосы, падающіе по плечам. Лишь взгляд глаз был иной: у Давида были сѣрые, пронизывающіе глаза, а у Адоніи глаза его матери, цвѣта свѣтлаго василька. Мягкіе, нѣжные, всегда влажные, что придавало им нѣжность и блеск.

Соломон пошел в своюмать: средняго роста, хотя и сильнаго сложенія, брюнет, имѣющій лишь черты своей матери и ничего, напоминающаго отца.

В послѣдній раз, год тому назад, царь Давид сказал своему старшему сыну:

— Ты, Адонія, приучай Соломона к дѣлам...

Адонія почтительно выслушал, вѣжливо сказал „ты говоришь, отец мой“ и... забыл об этом, как забыл и его отец.

Царь Давид думал теперь только об одном: гдѣ бы найти во дворцѣ такое мѣсто, гдѣ было бы тепло...

Ависага Сунамитянка.

Вирсавія сидѣла в спальнѣ царя Давида. Сам царь, закутанный в лисій мѣх, сидѣл около жаровни и грѣл свои исхудавшія руки.

В двери постучали. Царь, апатичный ко всему, не отнѣтил, и Вирсавія, прождав нѣсколько секунд, сказала:

— Войди!

Вошедшій спальникъ царя доложилъ, что Адонія, сынъ царя, желаетъ его видѣть.

Адонія, войдя, отвѣсилъ глубокій поклонъ отцу и, повернувшись къ Вирсавіи, почтительно поклонился и ей.

— Да здравствуетъ царь, мой отецъ! Здравствуй и ты, Вирсавія, и пусть Господь дастъ тебѣ всякое благополучіе.

Вирсавія встала и на поклонъ правителя государства также отвѣтила почтительнымъ поклономъ.

— Пусть и тебя, Адонія, не забываетъ Господь, и воздастъ тебѣ по дѣламъ твоимъ хорошимъ, такъ какъ дурныхъ дѣлъ ты не дѣлаешь!

Адонія мелькомъ взглянулъ на все еще очень красивую Вирсавію и подумалъ: — эта женщина слишкомъ умна, и с ней надо быть до крайности осторожнымъ...

Онъ обратился къ своему отцу:

— Государь мой, отецъ мой, какъ твое здоровье, и какъ ты почивалъ эту ночь?

Не получивъ никакого отвѣта, онъ повторилъ свой вопросъ в другой формѣ:

— Хорошо ли ты спалъ эту ночь, мой отецъ и царь?

Давидъ на этотъ разъ поднялъ свои глаза, посмотрѣлъ на сына, но все таки не сказалъ ни слова. Вмѣсто него отвѣтила Вирсавія:

— Какой ужъ тамъ сонъ!.. Холодно по ночамъ господину нашему! Я всю ночь раздувала жаровню, но онъ никакъ не можетъ согрѣться...

Давидъ снова поднялъ глаза на сына и сказалъ старческимъ дребезжащимъ голосомъ:

— Днемъ еще ничего, а ночью холодно...

Вирсавія продолжала: .

— Днем еще поспит, опершись на меня, а ночью ему все холодно...

Видѣнное и слышанное произвело на Адонію глубокое впечатлѣніе. Хотя царство Адоніи почти вполне обезпечено, но пока Вирсавія играетъ первую роль у царя, до тѣхъ поръ не исчезнутъ и всѣ шансы Соломона... Но если бы удалось устранить Вирсавію... Адонія думалъ о словахъ ея: днемъ еще поспит, опершись на меня, но ночью ему холодно... Она всю ночь раздуваетъ жаровню, но ему все таки холодно. — А что, если бы и ночью царь могъ спать „опершись на когонибудь“? Но, конечно, отнюдь не на Вирсавію?.. Но она слишкомъ умна, чтобы дать себя отодвинуть въ сторону, и царь все привязанъ къ ней в силу старой привычки... А она неотступно при нем...

Прямо отъ царя Адонія прошелъ в залу совѣта. Тамъ было только трое: Іоав, теперь совершенно сѣдой, но крѣпкій, бодрый и здоровый по прежнему, и такой же бѣлый старикъ Авіатар, первосвященникъ. Авесса, бѣлый, какъ и его коллеги по совѣту, сидѣлъ у окна.

Всѣ трое встали, когда вошелъ Адонія своимъ легкимъ, эластичнымъ шагомъ, Адонія, такъ напоминавшій своего отца, когда тотъ былъ ѣтихъ лѣтъ.

Адонія передалъ то, что онъ только что видѣлъ, и высказалъ свои мысли по этому поводу. Іоав первый отвѣтилъ:

— Вирсавію надо устранить во что бы то ни стало. И это можетъ сдѣлать только женщина еще болѣе красивая, чѣмъ она, женщина, имѣющая, кромѣ красоты Вирсавіи, то, чего у послѣдней уже нѣтъ, — молодость!

Авіатаръ согласился, но сказалъ:

— Труднѣе всего то, что женщина должна быть не только красива, но и умна, какъ Вирсавія...

Поговоривъ немного объ этомъ, Адонія ушелъ, и друзья остались одни. Тогда разговоръ принялъ болѣе интимный и душевный характеръ. На замѣчаніе Авіатара, что Адонія вылитый отецъ, Іоав задумчиво отвѣтилъ:

— Давид... да! но съ синими глазами Аггиты... И вотъ игрушка природы: Адонія тѣломъ вылитый отецъ, но увѣ, характеръ его, это характеръ женщины! Соломонъ же, съ его

женственными движеніями, имѣет сѣрые, пронизывающіе глаза, своего отца и, насколько можно судить по тому немногому, что мы можем наблюдать, обладает и смѣлостью, и рѣшительностью и, скажем настоящее слово, хотя нас и упрекаюи за него: — жестокостью отца! Я считаю, что не только царь, но даже полководец без так называемой жестокости никуда не годятся. И Давид, когда это было нужно, был жесток. Жесток будет и Соломон. А вот Адонія...

На это отвѣтил Авіатар:

— И все таки царство Адонія обезпечено. Скажи, кто может с ним спорить? Придет время, вѣроятно оно уже недалеко, — и царь Давид умрет... Что же произойдет? Как ни умна Вирсавія, и как ни рѣшительна, если тебѣ вѣрить. Іоав, Соломон, но что они могут сдѣлать? Со смертью царя престол естественно перейдет к Адоніи. Естественно и без всяких потрясеній...

С этим согласился и Іоав, но все таки задумчиво прибавил:

— И все таки было бы вѣрнѣе устранить этого Соломона... Поговори, вот, с начальником „сильных“, как теперь называют тѣлохранителей царя, Вапеей, или с первосвященником Садоком? А еще лучше с пророком Натаном, забравшим такую власть над царем, который все боится, чтобы не попасть на том свѣтѣ не туда, куда ему хотѣлось бы... Еще недавно мнѣ сказал Натан: — напрасно Адонія не зовет Соломона в свой совѣтъ, — как же он будет царствовать, если не опытен в правленіи?.. А Вапее, начальник „сильных“ говорит мнѣ: — Воля царя, это воля Бога, а царь у нас Давид!.. Садок же, эта хитрая лисица, всегда и со всѣми согласен: — да, да! конечно! само собою разумѣется... Он все будет присматриваться, кто слабѣе и кто сильнѣе... Этот, пожалуй, опаснѣе тѣх двух... Натан глуп, прямолинеен и был бы не опасен, если бы не это огромное вліяніе на царя... Садок умен и хитер, с ним никогда не знаешь, как быть... Вапее солдат: пока я при царѣ Давидѣ, я за царя Давида!..

Авіатар отрицательно покачал головою.

— В случаѣ смерти царя сторонники Соломона поднимут бунт? — Смѣшно! Кто с ними будет бунтовать?..

Молчаливый Авесса, до сих пор не сказавшій ни слова, отвѣтил:

— Ванея и „сильные“.

Иоав задумчиво говорил:

— Пока Ванея не наш, я неспокоен... Прежде всего надо сдѣлать его нашим...

Авиатар презрительно сморщился:

— Хотя они и „спльные“, но их шестьсот человек! А со стороны Адоніи весь народ! Весь Израиль против шестиста! Трудно думать, Иоав, чтобы твои войска не послушали тебя!

Иоав был все таки задумчив. Послѣ паузы он тихо сказал:

— Против меня они не пойдут, но они могут оказаться нейтральными, выждать, чѣм кончится это дѣло... Адонія уже восемь лѣтъ правят страной вполне самостоятельно, и к Адоніи, как к правителю, всѣ привыкли, но хватит ли у этого синеглазого Давида в нужный момент энергіи устранить Соломона со своего пути?..

Авесса заговорил вновь:

— Прежде всего надо отдалить от царя Вирсавію. Пока она при нем, этот мальчик нам крайне опасен.

Авиатар, продолжая мысль Иоавы, сказал:

— Если не хватит энергіи у Адоніи, то, надѣюсь, у тебя, Иоав, ея вполне достаточно...

Иоав согласился с тѣм, что в нужный момент у него будет достаточно энергіи, чтобы поддержать престол Адоніи.

Адонія вошел снова в залу совѣта. Войдя, он как бы продолжил мысль Авессы:

— Мнѣ кажется, что я нашел средство отдалить от царя Вирсавію. И это средство, конечно, другая женщина. Мы уже говорили об этом, но не кончили нашего разговора. До сих пор удалить ее было немыслимо, так как царь, если не видит ее десять минут, озабоченно спрашивает: — куда пошла Вирсавія? Почему она не приходит? — Сегодня она сама дала мнѣ в руки одно средство... Надо попытаться.

Говоря о том, что царю всегда холодно, она сказала такую фразу: — я всю ночь раздувала жаровню и все таки царю было холодно. Днем он еще немного поспит, опершись на меня, а ночью не спит, так как ему холодно... Вы понимаете великій смысл этого признанія Вирсавіи?

Но всѣ три совѣтника Адоніи смотрѣли на него вопрошительнымъ взглядомъ, ожидая разъясненія. И тотъ разъяснилъ:

— Днем близость теплаго тѣла Вирсавіи, одѣтой в этой жарѣ, что в комнатѣ царя, очень легко, согрѣваетъ тѣло царя, который сбрасываетъ свои мѣха и закрываетъ себя только с тѣх мѣст, которые не прикасаются къ теплomu тѣлу женщины. — Теперь вамъ понятно? — Если мы съищемъ настолько красивую молодую дѣвушку, умѣренно полную, с горячей кровью, которая бы понравилась царю, и заставимъ эту дѣвушку спать с царемъ, согрѣвать его своимъ тѣломъ ночью, какъ его согрѣвала днемъ Вирсавія, то онъ позабудетъ о Вирсавіи и будетъ только требовать новую; а эту новую мы уже съумѣемъ держать в своихъ рукахъ. Жены царя и его наложницы не смогутъ этого сдѣлать уже потому, что за послѣдніе года царь, очевидно подъ вліяніемъ Вирсавіи, не взялъ къ себѣ ни одной женщины, и, слѣдовательно, самая молодая изъ тѣх, что находятся в женскомъ домѣ, на десять, пятнадцать лѣтъ старше, чѣмъ в то время, когда онѣ были взяты къ царю. А взятая нами будетъ в самомъ расцвѣтѣ молодости и красоты. — Во всякомъ случаѣ, надо попытаться.

Авіатаръ сомнѣвался:

— А почему, Адонія, ты думаешь, что Вирсавія не пробовала и ночью ложиться рядомъ с царемъ?

Адонія засмѣялся:

— Разумѣется, пробовала! Но, какъ женщина, она ему надоѣла; если же около него ляжетъ обнаженная молодая дѣвушка, с пышнымъ, красивымъ тѣломъ, — то развѣ можно выдумать грѣлку лучше, чѣмъ эта живая грѣлка? Къ тому же мужчина всегда остается мужчиною, хотя бы ему было и семьдесятъ лѣтъ.

Іоав улыбнулся:

— Года тутъ не причемъ, но все таки, думаю, время Давида уже прошло!

Авиатор одобрил предложение Адонии:

— Да! Теплое, мягкое, молодое, красивое женское тѣло... это самая лучшая печка, какую только можно придумать...

Иоав был также вполне согласен, но все таки замѣтил:

— Позволит ли Вирсавія? И можно ли это будет продавать без ее согласія?

Но, сказав, сам же энергично добавил:

— Опыт надо сдѣлать. Вирсавію на это время удалить. Предлог уж мы найдем. А там, если опыт удастся, царь и сам не захочет старой Вирсавіи, когда его будет согревать молодая. Надо попробовать! Но вот еще: эта дѣвушка должна быть не только горяча, полна, красива, но и умна... Вирсавія умна, как бѣс, и в этом значительная часть ея вліянія на царя. — Найдем ли такое чудо в Израилѣ?

Адонія поднялся с мѣста. За ним стали и всѣ другіе. Он сказал:

— Сегодня же мы разошлем глашатаев и пошлем гонцов. Вирсавія здѣсь не может препятствовать — мы дѣлаем для блага царя!

„И искали красивую дѣвушку во всѣх предѣлах израильских, и нашли Ависагу Сунамитянку, и привели ее к царю.“

Из очень многих кандидаток Адонія выбрал именно ее. Выбрал и сам повел к отцу. Войдя с нею в спальню царя он начал так:

— Мой царь и отец! Тебѣ всегда холодно, и, сколько бы ты не надѣвал мѣховых платѣев, ты не можешь согрѣться. Я созвал старѣйшин народа Израильскаго, и мы разсуждали об этом...

Царь Давид слушал совершенно равнодушно, и нельзя было даже замѣтить, слышит ли он то, что говорит сын, и видит ли, что рядом с тѣм стоит молодая дѣвушка, скромно опустив глаза в землю и изрѣдка только обжигая своим взглядом царя, Вирсавію и Адонію. Адонія продолжал:

— Разсуждали и рѣшили: выбрать самую красивую дѣвицу во всем Израилѣ. Дѣвицу с горячим, мягким и в то же время упругим тѣлом. И пусть эта дѣвица ночью, а

если царь захочет, то, конечно, и днем, лежит около царя, чтобы согрѣвать его своим молодым тѣлом.

Давид поднял глаза, взглянул равнодушным взглядом своих теперь оловянных глаз и снова начал смотрѣть на жаровню, около которой сидѣл.

Вирсавія подошла ближе. Она начала немного раздраженным голосом:

— Я, Адонія, могу не хуже этой дѣвушки согрѣвать царя своим тѣлом.

Адонія почтительно поклонился, но отвѣтил холодно:

— Ты, Вирсавія, все время была при царѣ и видишь сама, что царю холодно! — Это постановил не я, но совѣтъ старѣйшин Израиля. Надо испробовать все, что в наших силах. А пока я прошу тебя, глубокоуважаемая Вирсавія, выйти отсюда и не входить, пока тебя не позовут. — Таково рѣшеніе совѣта старѣйшин, и я не беру на себя смѣлости не послѣдовать этому рѣшенію, так как дѣло идет о благѣ царя и моего отца! Итак, еще раз прошу тебя, Вирсавія, — выйди отсюда! Не заставляй меня, уважаемая Вирсавія, силой выполнять рѣшеніе совѣта старѣйшин!

— Если царь прикажет...

Адонія настойчиво повторил:

— В послѣдній раз, многоуважаемая Вирсавія, прошу тебя...

Вирсавія взглянула на Давида — тот как бы не слышал разговора. Тогда она обратилась к нему:

— Мой муж и царь! Прикажешь ли и ты, чтобы я ушла от тебя?

Давид взглянул мельком на красавицу Ависагу, в его безжизненных, оловянных глазах вспыхнула какая то искорка, он поднял лѣвую руку и тихо сказал:

— Иди, Вирсавія. Если будет нужно, я тебя позову...

Вирсавія заломила руки и вскрикнула:

— Давид! Быть может, это навсегда!...

Царь вторично взглянул на Ависагу и тихо, но настойчиво сказал два раза:

— Иди, Вирсавія, иди!

Адонія, провожая плачущую женщину к дверям, говорил мягким голосом:

— Не плачь, Вирсавія, он позовет тебя...

Царь сидѣлъ без движенія, как будто ничего не видѣлъ и не слышал.

Адонія обратился к молодой дѣвушкѣ:

— Раздѣнься, Ависага.

Молодая дѣвушка колебалась, но, когда Адонія грозно сдвинулъ брови, повиновалась. Да, она была хороша, и как раз подходила к той цѣли, для которой предназначалась. — Она была стройна и изящна, всѣ контуры ея тѣла давали красивую волнующуюся линію.

— Поди к царю! — было новое приказаніе правителя государства. И она пошла к Давиду.

Царь взглянул на нее и улыбнулся. Снимая шубу, в которую только что кутался, он сказал:

— Выйди, Адонія, и чтобы никто ни смѣлъ входить без моего зова.

Царь подошел к кровати и дрожащими руками снял с себя длинную, почти до пола, льняную рубашку. Теперь он был совершенно наг и, хотя в комнатѣ было очень тепло, его кожа была синеватаго цвѣта, и тѣло дрожало. Худоба этого тѣла была поражающа, и Ависага смотрѣла на него с видимым отвращеніем.

Царь взглянул на стоящую перед ним красавицу, улыбнулся, лег на свое ложе, протянул к ней руки и сказал ласковым голосом, в котором еще чувствовался Давид давно прошедшаго времени:

— Ляг, Ависага. Согрѣй меня!

Молодая дѣвушка, борясь с отвращеніем, легла рядом с ним, прикрыла его и себя одѣялом из лисьих шкур, мѣхом кверху и мѣхом во внутрь, обхватила холодное тѣло старика руками и ногами и прижалась к нему...

Через нѣкоторое время блаженная улыбка разлилась по лицу Давида и он прошептал:

— Тепло...

Вскорѣ он заснул...

Вечером Адонія зашел к отцу. Когда постучал, ему

открыла Ависага. Она была нѣсколько смущена, но улыбалась. Приблизившись к нему, тихо и лукаво сказала:

— Приходила Вирсавія! — Царь сказал „не надо“, — я не пустила ее! Вышла из комнаты, закрыла за собою двери и рѣшительно сказала: — царь не приказал! он сказал что сам позовет тебя, но чтобы без зова никто, даже ты не смѣла бы приходить. — Около стояли воины стражи и слышали, что мы говорили. Вирсавія ушла!...

Ависага тихо засмѣялась.

Адонія любовался ею, и она это знала. Она глядѣла на правителя государства, стоявшаго перед ней и думала: — говорят он вылитый отец, когда тот был его лѣт... Если бы Давид был таков и теперь...

Адонія смотрѣл на Ависагу и улыбался. Улыбалась и она глядя на него. Но потом он вспомнил, что важнѣе всего государственныя дѣла, и спросил молодую дѣвушку служебным тоном:

— Ты лежала с царем и...? Ну, говори же!

Ависага, вся красная, отрицательно покачала головою.

— Царь не тронул тебя?

Адонія жадно смотрѣл на дѣвушку, — он ревновал ее.

— Царь очень стар, Адонія!

Адонія облегченно вздохнул: дѣвушка ему очень, очень понравилась... Потом он сказал дѣловым тоном:

— Смотри же, Ависага! оберегай царя, согрѣвай его и... — он нагнулся совѣм близко и прошептал: — и постарайся сдѣлать так, чтобы царь забыл Вирсавію.

Ависага выпрямилась и гордо сказала, с отгѣнком презрѣнія к той, о которой говорила:

— Вирсавія старуха, Адонія!

— Да, но она имѣет большое вліяніе на царя!

Ависага улыбнулась в полном сознаніи своей красоты:

— Имѣла Адонія! Пока не было меня!

Адонія засмѣялся и потрепал дѣвушку по щекѣ. Ему очень хотѣлось обнять ее и прижать к себѣ, но это было невозможно... Он тихо сказал:

— Ты у меня умница...

В это время раздался раздраженный голос Давида:

— Ависага! Гдѣ же ты, Ависага?

Молодая дѣвушка в припрыжку бросилась в сосѣднюю комнату, гдѣ был царь, и слышно было как она щебетала:

— Это Адонія! Твой сын, царь. Он хочет тебя видѣть.

— Зови его сюда.

Когда Адонія вошел, царь, бодрый и оживленный, радостно сказал:

— Я спал, Адонія! Ависага, — это перл!

Радостный и веселый был царь и утром. Он сказал пришедшему Адоніи:

— Это не человѣкъ, это печка! Я спал всю ночь!

Ависага подошла к царю, обняла его сзади своими полными обнаженными руками и начала тереться щекой о его щеку. Потом засмѣялась и отбѣжала от него.

Когда Адонія уходил, Ависага провожала его. Адонія не выдержал и обнял ее. Она выскользнула от него круговым движеніем, положила ему руки на плечи и, глядя влажными и страстными глазами, прошептала:

— Царь очень стар, Адонія! Он долго не проживет!

Откинулась верхней половиной тѣла назад и прошептала еще тише:

— А тогда царем будет Адонія...

Она вырвалась и убѣжала в комнату, гдѣ был царь Давид.

Прошел мѣсяц, и дѣло окончательно выяснилось: Ависага была необходима царю, и без нея он тосковал и плакал, как плачут дѣти, если на короткое время уйдет их мать. Однажды Вирсавія явилась без зова к царю. Она вошла и обняла Давида за шею, подойдя сзади его. Давид сначала засмѣялся, но увидя, что это не Ависага, разочарованно сказал:

— Ах, это ты, Вирсавія!

Ависага остановилась перед царем и смотрѣла на него печальными глазами. Потом спросила грустным тоном:

— Мнѣ, царь, прикажешь уйти?

Тогда Давид испуганно оттолкнул Вирсавію и сказал ей с отгѣнком нетерпѣнія:

— Зачѣм ты пришла, когда я не звал тебя?

В это время в спальню царя вошел Адонія. Он слышал послѣднія слова своего отца, подошел к Вирсавіи и почтительно, но твердо сказал ей:

— Уйди, почтенная Вирсавія! Этого требует царь, а воля его священна!

Вирсавія нагнулась к Давиду и начала цѣловать его руки. Потом спросила:

— Ты гонишь меня, Давид?

Ависага подошла ближе и спросила еще болѣе печальным голосом:

— Прикажешь, царь, уйти? Я тебѣ больше не любя? — Тогда я уйду!

Царь оттолкнул рукою Вирсавію и испуганно сказал:

— Нѣтъ, нѣтъ! Ависага, ты не уходи от меня!

Адонія сказал тоном не то упрека, не то повелѣнія:

— Вирсавія! не заставляй неуважать тебя!...

Вирсавія заплакала и вышла из комнаты. Она еще была в корридорѣ, как услышала приказаніе Адоніи:

— Кромѣ Ависаги Сунамитянки и меня не смѣть никого пропускать к царю!

В тот же день Вирсавія, вмѣстѣ со своим сыном Соломоном, была переселена в отдаленный флигель женскаго дома.

В покоях царя теперь царствовала Ависага.*)

Царь Адонія.

Главное было сдѣлано: царь окончательно освобожден от вліянія Вирсавіи. На вновь созванном малом совѣтѣ горячо обсуждалось новое положеніе вещей. Ясно было, что жизнь царя сочтена. Он может прожить недѣли, быть может мѣсяцы, но отнюдь не годы. Что слѣдовало дѣлать? Спокойно ожидать его естественной смерти, считаясь с тѣм, что непреклонный и упрямый Ванея, начальник „сильных“, воцарит Соломона, и ради этого произойдет много непріят-

*) III (1-ая) книга Царств. Гл. 1, ст. 1 — 4.

ных вещей, или воцариться сейчас? Воцариться, и этим сразу положить предѣл всѣм могущим быть послѣ смерти царя спорам?

Іоав совѣтовал „устранить“ Ванею, но голубоглазый Давид, — как иногда с отѣнком презрѣнія Іоав звал Адонію, не согласился на это, говоря, что Ванея человек долга, и как только Адонія объявит себя царем, будет также вѣрно служить ему, Адоніи, как до сих пор служил царю Давиду. Іоав не соглашался к этим и совѣтовал переменить у „сильных“ начальника. Потом он сам отказался от этого: волненія среди этой гвардіи царя были бы так сильны, что легче было бы отпустить вообще наемников, хорошо их наградив при этом. — На этом теперь Іоав и настаивал, но Адонія и другіе его совѣтники были против и находили, что „сильные“ были опасны лишь тогда, если бы царь Давид каким-то чудом сдѣлался бы прежним Давидом, был бы против воцаренія Адоніи и приказал бы Ванеѣ дѣйствовать против Адоніи. — Разумѣется, это было невозможно! — Наконец, если бы это даже и случилось, то войны Іоава конечно были бы за своего вождя, и, слѣдовательно, за царя Адонію... — Дѣло было ясно! — что могла подѣлать горсть наемников против всего народа?...

Адонія был осторожен: прежде, чѣм объявить себя царем, он хотѣл сдѣлаться им фактически в глазах народа. Надо было обставить дѣло так, чтобы не было момента, в который Патап, Ванея и Садок, — слѣпые приверженцы царя Давида, — и, возможно, хотя и не доказано, — Соломона, — могли сказать: теперь надо рѣшать, быть нам с Адоніей или против Адоніи!

Адонія, как правитель государства, никогда до сих пор не выѣзжал с царской пышностью. Никогда впереди его не скакали всадники, никогда не бѣжали вокруг его колесницы скороходы. Никогда не ѣхал сзади колесницы конный отряд, как это бывало, когда в торжественные дни выѣзжал царь Давид. Уже нѣсколько лѣтъ, как народ Іерусалима не видѣл этих торжественных выѣздов. Теперь Адонія рѣшил выѣзжать с этими внѣшними атрибутами царской власти. Но вначалѣ он был осторожен и лишь десять скороходов

бѣжало около его колесницы. Но с каждым разом это число увеличивалось... Увеличивалось, пока он не довел их до полного числа, с которым выѣзжал царь Давид: пятьдесят скороходов.

Труднѣе было рѣшить вопрос относительно военного эскорта: царя всегда сопровождали „сильные“ его. Надо было приказать Ванеѣ каждый раз отряжать отряд „сильных“ или же взять людей Иоава? Греческих наемников или израильтян?

Во первых, можно было наткнуться на сопротивление этого сумасшедшаго Ванеи. Что, если он скажет свое обычное:

— Если царь Давид прикажет...

Или дѣйствительно просить царя приказать Ванеѣ?.. Но Давид слишком стар и, возможно, совершенно не поймет, в чем дѣло...

Адонія, голубоглазый Давид, рѣшил в пользу израильтян: с этого дня его сопровождал конный отряд из числа воинов Иоава. Ванея на это не сказал ничего, продолжая исправно выставлять караулы во дворцѣ царя Давида, как это было давно установлено самим царем.

Теперь правитель государства Адонія не ѣздил по улицѣ скромно на мулѣ, хотя бы и сопровождаемый эскортом всадников, но стоял в царской колесницѣ, впереди его и сзади скакали всадники в блестящих доспѣхах, а с боков колесницы бѣжали пятьдесят скороходов.

Об этом знала Вирсавія, знал ея сын Соломон, нынѣ двадцатилѣтній юноша, знал безстрастный Ванея, знал умный и хитрый первосвященник Садок, и, вѣроятно, знал пророк Натаи, который никогда никого не боялся и — единственный из всѣх — без зова и спроса ходил к царю Давиду, причем, по приказанію Ванеи, его не задерживала дворцовая стража, а правитель государства Адонія, если заставлял пророка у своего отца, лишь почтительно подходил под его благословеніе.

Так было еще тогда, когда царь Давид был в цвѣтѣ сил, так осталось и теперь.

Не хорошо сдѣлал Адонія, что поселил Вирсавію в от-

даленном флигелѣ дворца! Если бы она продолжала жить рядом с покоями царя, как это было прежде, он бы знал, что частым ея гостем теперь был пророк Натан, что туда часто заходил начальник „сильных“ Ванея, которому, как главному начальнику дворцовой стражи, разумеется, были открыты всѣ помѣщенія дворца. Часто туда заходил и первосвященник Садок...

Настоящій Давид, Давид с стрыми глазами, имѣл глаза во всем государствѣ; имѣл уши от великой рѣки Ефрата и до Египта, от моря и до пустыни, — как выражался прежній начальник дворцовой стражи Рефаил; Давид с синими глазами, то есть Адонія, не имѣл ни глаз, ни ушей своего отца и был в полной неизвѣстности, с кѣм теперь дружит Вирсавія и ея сын Соломон, котораго он все еще, по старой памяти, продолжал считать мальчиком.

Заходили к Вирсавіи, в ея флигель с отдѣльным входом, охраняемым „сильными“ Ванеи, и другіе видные люди в Иерусалимѣ...

Первый шаг сдѣлан, и сдѣлан хорошо: вот уже два мѣсяца Адонія выѣзжает не как правитель государства: на мулѣ, с небольшим количеством всадников, но как царь: со всадниками в блестящем вооруженіи и со скороходами... Царь, конечно, знает об этом, — сам Адонія ему говорил нѣсколько раз... Народ уже иначе и не говорит: вот ѣдет царь Адонія!.. Мало того, — на большом совѣтѣ к нему иногда обращаются со словами:

— Прикажи, царь...

И он не поправляет говорящаго...

Тогда Адонія рѣшил сдѣлать послѣдній шаг; объявить себя царем, не говоря об этом отцу — все равно, тот ничего не поймет!..

Рѣшено было устроить большое пиршество, и на этом пиршествѣ Адонія должен был возложить на себя корону своего отца Давида. Но возбудился вопрос о том, приглашать ли Соломона, — хотя всѣ другіе сыновья царя Давида были приглашены? Приглашать ли Ванею? Приглашать ли Садока? Приглашать ли пророка Натана?

Іоав был за то, что надо пригласить всѣх без исклю-

ченія. Что они могли дѣлать на пиру? Уйти с пира, узнва в чем дѣло? Но это будет уже поздно! Заявить протест, не уходя? — Осмѣлятся ли они?

Всѣ остальные рѣшили, что пророк Натан, конечно, осмѣлится, а раз осмѣлится он, то могут поднять крик и остальные.

Иоав, послѣ долгих споров, предложил не приглашать одного пророка Натана, но остальных пригласить: если они не явятся, то этим ясно покажут свои злыя намѣренія, и с ними можно будет поступить уже не так мягко и нѣжно, как поступал Адонія до сих пор, но сильно и энергично.

Иоав был поддержан лишь своим братом Авессою, а большинство рѣшило так: никого из партіи Соломона не приглашать, как не приглашать и Соломона. Всѣх же остальных царских сыновей пригласить.

„И заколол Адонія овец, и волов, и тельцов, у камня Зохелет, что у источника Рогель, и пригласил всѣх братьев своих, сыновей царя, со всѣми іудеями, служившими у царя. Пророка же Натана, и тѣх сильных, и Ванею, и Соломона, брата своего, не пригласил“.

Во флигелѣ Вирсавіи собрались гости: пророк Натан, Ванея, первосвященник Садок. Здѣсь же был и Соломон, сын Вирсавіи. Это был молодой человек сравнительно небольшого роста, но крѣпкій по своему сложенію. Он был смугл, с небольшою черною бородкою и усиками, с длинными изсиня черными, вьющимися и красиво падающими по плечам густыми волосами. Его взгляд до удивительности напоминалъ взгляд царя Давида, когда тот был молод. Эти глаза так же гипнотизировали, так же лишали воли того, кто смотрѣлъ на них... Но во всем остальном это было лицо матери его Вирсавіи, лицо большой красоты, исполненное какой то грусти и меланхоліи, которая переходит в дѣтскій искренній смѣх. От матери же была и граціозная походка, скорѣе женская, чѣм мужская.

Соломон был в первый раз приглашен на такое важное собраніе. До сих пор его считали мальчиком, и рѣшали всѣ вопросы с его матерью. Но завтра он должен был выступить активно, и от него зависѣло в очень значительной мѣрѣ,

кому быть царем в Израилѣ: Адонія ли, который уже около десяти лѣтъ самостоятельно правит государством, или Соломону, котораго царь Давид всегда называл своим преемником?

„Тогда Натан сказал Вирсавіи, матери Соломона: слышала ли ты, что Адонія, сын Аггития, сдѣлался царем, а господин наш Давид не знает о том? Теперь, вот, я со-вѣтую тебѣ: спасай жизнь твою и жизнь сына твоего Соломона. Иди, и войди к царю Давиду, и скажи ему: не клялся ли ты, господин мой, царь, рабъ твой, говоря: „сын мой Соломон будет царем послѣ меня, и он сядет на престолѣ моем“. Почему же воцарился Адонія? — И вот, когда ты еще будешь говорить там с царем, войду и я вслѣд за тобою, и дополню слова твои“.

На другой день, в день пира и предполагаемой коронаціи Адонія, Вирсавія перешла через сад и вошла в приемную залу перед спальней царя Давида. В залѣ уже был Ванея, начальник „сильных“. Вирсавію пропустили безпрепятственно, так как Ванея сдѣлал соответствующее распоряженіе. Начальник стражи дворца низко поклонился Вирсавіи, как будто она уже была матерью царя. Поклонился и молча провожал до самой спальни. Не стуча Вирсавія вошла к царю. Там была Ависага. Она встала и загородила собою дорогу к царю. Но Вирсавія громко сказала: — господин мой, царь, разрѣши рабъ твоей сказать важное слово?

Царь обернулся, вяло взглянул на говорившую своими безцвѣтными глазами и спросил:

— Что тебѣ?

Ависага снова хотѣла встать между Вирсавіей и царем, но тот досадливо замѣтил:

— Да отойди же ты! Говори, Вирсавія!

Тогда Вирсавія начала говорить то, что ей сказал пророк Натан:

— Господин мой, царь! Ты клялся рабъ твоей Господом Богом твоим: „сын твой Соломон будет царствовать послѣ меня, и он сядет на престолѣ моем. А теперь, вот, Адонія воцарился..

Ависага, услыша эти слова, поспѣшно вышла из комнаты, чтобы послать кого нибудь к Адоніи, но в пріемной залѣ былъ лишь один Ванея. Она, не ожидая видѣть именно его, остановилась, но он спокойно сказал ей:

— Выйди, прошу тебя, Ависага. в эту дверь.

Но Ависага, прекрасно понимая, что происходит, бросилась к противоположной двери, ведущей во внутреннія комнаты. Ванея загородил ей дорогу. Тогда она рѣшила вернуться в спальню Давида, но Ванея вновь уже стоялъ перед дверьми. Молодая дѣвушка тяжело дышала. Она хотѣла проскользнуть силой, рассчитывая, что Ванея не осмѣлится без зова войти в спальню царя. Ванея, однако, схватил ее и, видя, что она хочет крикнуть, зажал ей рукою рот и потащил по пріемной к выходу.

Не даром он был начальником „сильных царя“, — Ависага, крѣпкая и сильная дѣвушка, в руках Ванеи почувствовала себя как в тисках какой то неумолимой машины и послѣ нѣскольких попыток, показавших ей, как огромна разниа их сил, покорилась... Воины вложили ей в рот платок, завернули ее в плащ и вынесли в караульное помѣщеніе.

В залу быстро вошел пророк Натан.

— Вирсавія там?

— Да.

— Ависага?

— Связанная в помѣщеніи караула.

— Иначе было нельзя сдѣлать?

— Невозможно. Она хотѣла кричать.

Войдя и поклонившись царю, пророк Натан начал говорить то же, что говорила Вирсавія. Мало по малу лицо царя теряло свое тупое, почти бессмысленное выраженіе. Он поднялся и дрожащим, но ясным голосом сказал:

— „Жив Господь, избавлявшій душу мою от всякой бѣды! Как я клялся тебѣ Господом Богом израилевым, говоря, что Соломон, сын мой будет царствовать послѣ меня, и он сядет на престолѣ моем, вмѣсто меня, так я и сдѣлаю это сегодня!

Когда, по приказанію царя, пришли первосвященник Садок и начальник „сильных“ Ванея, Давид сказал:

— „Возьмите с собою слуг господина вашего, и посадите сына моего Соломона на мула моего, и сведите его к Гіону. И да помажет его там Садок священник, и Натан пророк во цари над Израилем. И затрубите трубою и возгласите: „да живет царь Соломон!“ — Потом проводите его назад, и он придет и сядет на престолъ моем. Он будет царствовать вмѣсто меня. Ему я завѣщал быть вождем Израиля и Іуды.“

Пока Адонія пировал в своем загородном дворцѣ, в Іерусалимѣ воцарялся Соломон: не только Хелетей и Фелетей, „сильные царя“, но и многіе воины Іоава поспѣшили надѣть вооруженіе и явились на торжество коронаванія сына царя Давида.

Соломон, окруженный войсками, — так как с Іоавом во дворцѣ Адонія былъ лишь небольшой отряд, — в сопровожденіи духовенства, предводимаго первосвященником Садком, былъ отведенъ к Гіону, гдѣ на него, перед глазами многихъ тысячъ человѣкъ, возлили священный елей от Скинии. Затѣмъ первосвященникъ Садок и, послѣ него, пророкъ Натан. Затѣмъ все шествіе, с радостными криками массъ народа, направилось во дворецъ царя Давида. Там их уже ждал сам царь, сидящій на тронѣ, одѣтый в царскій красный плащ и золотую корону. — Малую, так как большой не оказалось: ея в тоже время короновался Адонія...

Царь ожидал своего сына на верандѣ дворца, и всѣ видѣли, как он обнялъ своего сына, поцѣловал его, надѣлъ на него свой плащ и свою корону и, оставшись только в красномъ же, густо вышитомъ золотомъ костюмѣ, опираясь на руку Вирсавіи, ушелъ во внутренніе покои дворца.

Ависага наблюдала всю церемонію, стоя у окна караульнаго помѣщенія. Вскорѣ туда вошелъ Ванея и сказалъ ей:

— Ты, Ависага, не глупая дѣвушка и понимаешь все, что произошло. Иди снова к царю, но твердо помни, что царь Соломон не Адонія, и, если ты дорожишь своею голо-

вою, то веди себя так, чтобы эта голова осталась на своих плечах... Иди, Ависага, царь ждет тебя!

Послѣ этого разговора Ваня вышел к войскам, уже построеным по его приказанію во дворѣ дворца. Здѣсь отдѣльно стояли Фелетей, отдѣльно Хелетей, и отдѣльно „войны Іоава“, как их обыкновенно называли. Всѣ они видѣли, как царь Давид передал царство царю Соломону, и в их вѣрности нельзя было сомнѣваться. Оставив у дворца обычную охрану, Ваня, со звуками труб и с битьем в бубны и барабаны, с игрою на флейтах, повел войска в загородный дворец, в котором сидѣл уже коронованный Адонія.

Какой то человѣкъ во весь карьер пронесся по направлению к Іерусалиму. Этот человѣкъ, закрывая свое лицо, полным галопом подѣхал к Скинии Завѣта, соскочил с мула и пошел к палаткѣ. Дежурный левит, видя намѣреніе человѣка войти, бросился за ним с криком:

— Нельзя! нельзя входить!

Но человѣкъ уже вошел. Левит вскочил в палатку и окаменѣл: правитель государства Адонія, с лицом, которое подергивали судороги, держался за рога жертвенника...

Увидя левита Адонія сказал повелительным тоном:

— Позови ко мнѣ дежурнаго священника!

Через пятнадцать минут царю Соломону было донесено:

— „Адонія боится царя Соломона и, вот, он держится за роги жертвенника, говоря: пусть поклянется мнѣ теперь царь Соломон, что он не умертвить раба своего мечем“.

Соломон выслушал доклад, подумал и, не торопясь, дал слѣдующій отвѣтъ:

— „Если он будет человѣком честным, то ни один волос его не упадет на землю. Если же найдется в нем лукавство, то умрет“.

Один из „сильных“ передал это распоряженіе царя и, вмѣстѣ с тѣм приказ немедленно явиться к царю Соломону.

Войдя в помѣщеніе Вирсавія, гдѣ продолжал пока оста-

ваться царь Соломон, Адонія упал в ноги и поклонился новому царю. Тот не поднимая его, спросил:

— „Тебѣ, Адонія, передали мои слова?

Когда тот сказал, что да, Соломон сказал ему:

— Повтори если помнишь их.

И Адонія повторил:

— Если я буду честным человѣком, то ни один волос не упадет с моей головы. Если же во мнѣ найдется лукавство, то умру.

Чуть замѣтная усмѣшка мелькнула по лицу молодого царя. Затѣм он сказал:

— „Иди в дом твой“.

Иоав не бѣжал и не скрывался. Он был так увѣрен в своей казни, что даже и не пытался бѣжать. Совѣсть его была спокойна: в дѣлѣ Адоніи он дѣлал то, что считал наилучшим для государства и наиболѣе справедливым. Он полагал, что воцареніе Адоніи произойдет безкровно и естественно, и что воцареніе Соломона не могло произойти иначе, как лишь послѣ больших потрясеній, так как никто не мог предполагать, что царь Давид оживет на нѣсколько часов специально для того, чтобы возвести на престол Соломона. Увидя как повернуло дѣло, он хотѣл было, как в свое время поступил Ахитофел, покончить самоубійством. Но потом разсудил, что спѣшить нечего, и что это можно сдѣлать всегда в момент ареста. Поэтому, вернувшись домой, он прежде всего лег спать...

Утром он проснулся в обычное время. Дежурный офицер, приходившій каждый день к нему, когда он командовал арміей, не явился. Но не являлся и офицер для его ареста. Иоав, скучая дома, сѣл на рыжого жеребца и поѣхал в полѣ. Вернувшись к полудню и спросил, не приходил ли кто. — Но никого не было. — О нем забыли. Забыли, конечно, нарочно, потому что имена Давида и Иоава, были сплетены настолько тѣсно, что помня Давида, нельзя было забыть и Иоава. — Или, быть может, именно Давид приказал его не трогать? — Не трогали и Авессу, кото-

рый также остался не у дѣл. Оба они, имѣвшіе большіе участки земли, занялись исключительно хозяйством. Им рѣдко приходилось встрѣчать своих бывших подчиненных, но если приходилось, то тѣ поспѣшно уходили в сторону*).

Смерть царя Давида.

В памятный день коронаціи царя Соломона Ависага Сунамитянка все время находилась в караульном помѣщеніи дворцовой стражи, а потом была переведена во флигель Вирсавіи. Когда все было кончено, ее развязали и сказали, чтобы она шла к ц а р и ц ѣ Вирсавіи.

Слово „царицѣ“ заставило вздрогнуть молодую дѣвушку: слѣдовательно все кончено? Адонія убит и воцарился Соломон?

Мысль, что Адонія убит, поразила ее. Холод пошел по ее спинѣ, холод охватил все ея тѣло, и перед глазами как будто кто то опустил темное покрывало. Она пошатнулась и упала бы, если бы не воин, стоявшій около нея — он подхватил ее и не дал ей упасть. Но холод смѣнился жаром, и темное покрывало отошло от нея. Рѣзким движеніем она вырвалась из рук воина, но слабость ног заставила ее сѣсть. Посидѣвъ нѣсколько секунд, она встала, овладѣла собою и довольно спокойно сказала:

— Веди меня. Я готова.

Войдя, Ависага упала в ноги Вирсавіи. Та подняла ее тоном, в котором не было ни упрёка, ни злорадства:

— Встань, Ависага. Ты знаешь, что произошло?

Ависага поднялась и скромно, опустив глаза в землю, отвѣтила:

— Нѣтъ, царица, госпожа моя. Я была связана, и только теперь меня привели пред твои глаза.

Тогда Вирсавія сказала:

— Царь Соломон торжественно, в присутствіи войск и всего народа, коронован царем Давидом в цари всего Израиля.

*) Глава 1, ст. 5 — 53.

Иуды и всех подчиненных государств. Адонія, прежній правитель государства, хотѣлъ было воцариться сам, без согласія царя Давида. Узнавъ о том, что царь своими руками надѣлъ корону на своего сына Соломона, о том, что, по приказанію царя Давида, первосвященник Садок и пророкъ Натан помазали его священным елеем от Скиніи Завѣта, Адонія, боясь казни, бѣжал в Скинію Завѣта, гдѣ и ухватился за рога жертвенника, чтобы ему не быть умерщвленным. Но царь Соломон пощадил его жизнь и отпустилъ в дом его. Такъ вот, Ависага: ты дѣвушка умная, — что не раз доказала. Иди теперь къ царю Давиду и служи ему, какъ служила прежде. Говорить о том, что можетъ случиться съ тобою, если ты поступишь противъ моей воли и противъ моего желанія, мнѣ кажется, ненужно... Иди съ миромъ!

Ависага упала снова къ ногамъ царицы, поцѣловала подола ея платья, поднялась и вышла. Воинъ ее проводилъ до покоевъ царя Давида, гдѣ она и поселилась въ той же комнатѣ, гдѣ была и прежде, проводя все время у престарѣлаго царя.

Коронованіе сына Соломона, какъ будто отняло послѣднюю каплю жизни царя Давида, и онъ началъ угасать... Лишь въ день смерти снова ожилъ, потребовалъ къ себѣ Соломона и продиктовалъ ему свое завѣщаніе. — Одно изъ самыхъ странныхъ завѣщаній, какія когда-либо дѣлались людьми:

„Вотъ я отхожу въ путь всей земли, ты же будь твердъ и будь мужественен. И храни заветъ Господа Бога твоего, ходя путями его и соблюдая уставы его, и заповѣди его, и опредѣленія его, и постановленія его, какъ написано въ законѣ Моисеевомъ, чтобы быть тебѣ благоразумнымъ во всемъ, что ни будешь дѣлать, и вездѣ, куда ни обратишься. Чтобы Господь исполнилъ слово свое, которое онъ сказалъ обо мнѣ, говоря: если сыны твои будутъ наблюдать за путями своими, чтобы ходить предомною въ истинѣ отъ всего сердца своего, и отъ всей души своей, то не прекратится мужъ отъ тебя на престолѣ израилевомъ.

„Еще: ты знаешь, что сдѣлалъ мнѣ Іоавъ, сынъ Саруи, какъ поступилъ онъ съ двумя вождями войска израильскаго, съ Авениромъ, сыномъ Нировымъ, и Амессаемъ, сыномъ Іетеровымъ, какъ онъ умертвилъ ихъ, и пролилъ кровь бранную во время мира, обогривъ

кровію бранною пояс на чреслах своих, и обувъ на ногах своих.. Поступи по мудрости своей, чтобы не отпустить съдины его мирно в преисподнюю.

„А сынам Верзеллія Галадитянина окажи милость, чтобы они были между питающимися твоим столом, ибо они припили ко мнѣ, когда я бѣжал от Авессалома, брата твоего.

„Вот еще у тебя Семей, сын Геры, Веніамитянина из Бахурима. Он злословил меня тяжким злословіем, когда я шел в Маханаим. Но он вышел ко мнѣ навстрѣчу у Іордана, и я поклонился ему Господом, говоря: я не умерщвлю тебя мечем! — Ты же не оставь его безнаказанным, ибо ты человек мудрый, и знаешь, что тебѣ сдѣлать с ним, чтобы низвести съдину его в крови в преисподнюю.“

Дав это завѣщаніе, царь Давид почил и был погребен с большими почестями в Іерусалимѣ, „городѣ Давидовом“. *)

Адонія, Авіатар, Семей и Іоав.

Царь Давид почил. Царь Соломон, несмотря на свою молодость, крѣпко держал бразды правленія своего обширнаго государства. Нѣкоторое время казалось, что всѣ участники неудачнаго коронованія Адоніи останутся совершенно безнаказанными. Адоніи было сказано, не имѣть лукавства, и он боялся лукавства больше всего в мірѣ. Остальным вообще ничего не было сказано...

Началось дѣло с Семей, того, который бросал камнями и злословил Давида, когда тот бѣжал из Іерусалима во время бунта Авессалома. Царь Соломон призвал его и строго и хлѣдно приказал:

— „Построй себѣ дом в Іерусалимѣ, и живи здѣсь, и никогда не выходи отсюда. И знай, что в тот день, в который ты выйдешь и перейдешь поток Кедрон, непременно умрешь. Кровь твоя будет на головѣ твоей.“

Долгое время прожил Семей, никѣм не тревожимый. Но однажды у него бѣжали два раба. Он осѣдлал осла и уѣхал

*) Гл. 2, ст. 1 — 10.

искать рабов. Нашел и вернулся. Но как только вернулся, его потребовали к царю. Тот напомнил ему его клятву не убивать из Иерусалима, и сказал:

— „Ты знаешь, и знает сердце твое все зло, какое ты сдѣлал отцу моему Давиду. Да обратит же Господь злобу твою на голову твою! А царь Соломон да будет благословен, и престол Давида да будет непоколебим перед Господом во вѣки! —

„И повелѣл царь Ванеѣ, сыну Иодаеву, и тот пошел, и поразил Семея, и тот умер“...

С Адоніей было поступлено иначе: любовь Адонія к Ависагѣ не уменьшалась, но усиливалась. Иногда им удавалось видѣться, но рѣдко, и лишь урывками, так как Адонія больше жил в своих имѣніях, чѣм в Иерусалимѣ, являясь туда лишь в торжественные дни, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе царю Соломону. Он, вмѣстѣ с другими, падал на землю, и кланялся в ноги царя, а тот поднимал его, также с другими, милостивыми словами. Много и долго думал Адонія, как ему просить у царя Ависагу в жены себѣ? Думал и не рѣшался. Наконец вспомнил, что, будучи правителем страны, он всегда был и вѣжлив, и почтителен к Вирсавіи, матери Соломона. Не может быть, чтобы она питала к нему какое нибудь зло!

И Адонія отправился к царицѣ Вирсавіи.

— „Ты знаешь, что царство принадлежало мнѣ, и весь Израиль обращал на меня взоры свои, как на будущего царя. Но царство отошло от меня и досталось брату моему, — ибо от Господа это было. — Теперь я прошу тебя об одном: не откажи мнѣ! Прошу тебя, — поговори с царем Соломоном, ибо он не откажет тебѣ, чтобы он дал мнѣ Ависагу Сунамитянку в жены...“

Вирсавія общалась, приняла живое участіе в этом сватовствѣ и отправилась к своему молодому сыну, царю Израиля. Тот принял мать, как всегда, и почтительно, и любовно, и та заранѣе поставила условіе: у нея есть просьба, и он не должен отказать ей в этой просьбѣ! Царь засмѣялся и сказал:

— „Проси, мать моя. — Я не откажу тебѣ.“

Но когда он узнал просьбу матери, дѣло приняло другой оборот, разумѣется, неожиданный и для свахи, и для жениха:

лицо царя сдѣлалось мрачным и сосредоточенным. Наконец, он саркастически спросил:

— „Зачѣм ты просишь Ависагу Сунамитянку для Адоніа? Проси ему также и царство, ибо он мой старшій брат! И ему священник Авіатар, и Іоав, сын Саруин, друг!“

„Поклялся царь Соломон Господом, говоря: то и то пусть сдѣлает со мною Бог и еще больше сдѣлает, если не на свою душу сказал Адонія такое слово! Нынѣ же, — жив Господь, укрьпившій меня и посадившій меня на престол Давида, отца моего, и устроившій мнѣ дом, как говорил он, — нынѣ же Адонія должен умереть!“

„И послал Соломон Ванею, сына Іодаева, который порази́л его. И он умер“...

„А священнику Авіатару царь сказал:

— Ступай в Анатот, на твое поле! Ты достоин смерти, но в настоящее время я не умерщвлю тебя, ибо ты носил Ковчег Владыки Господа перед Давидом, отцом моим, и терпѣл все, что терпѣл отец мой.“

Іоав уже привык к мысли о своей безнаказанности, и равнодушіе к смерти, какое было тотчас послѣ воцаренія Соломона, замѣнилось жадной жизни. Он все свое время посвящал сельскому хозяйству, прежде почти незнакомому ему, и достиг во всем большого успѣха, получив от жизни новыя, никогда не ожидаемыя им радости. Гроза, так неожиданно разразившаяся над Адоніей и Авіатаром, поразила его, как удар грома при совершенно безоблачном небѣ. Вначалѣ он даже не повѣрил, но, когда сомнѣваться было нельзя, он бросился искать спасенія к Скиніи Завѣта. Как когда-то Адонія, так теперь по улицам города скакал на своем рыжем жеребцѣ Іоав. За ним несло нѣсколько всадников, с новым полководцем Ванеей во главѣ. Они явились арестовать Іоава, но он, увидя непрощенных гостей, вскочил на жеребца и поскакал.

Соскочив на ходу с жеребца и бросив его на произвол судьбы, Іоав вбѣжал в скинію и ухватился за рога жертвенника. Сейчас же за ним вбѣжал туда и Ванея, прежній начальник „сильных“ царя и нынѣ первый полководец государства.

Священники со всѣх сторон бѣжали к скиніи, гдѣ совершалось такое дѣло.

Ванея обратился к могучему старику, державшемуся за роги жертвенника:

— „Так сказал царь: выходи!“

Иоав презрительно усмѣхнулся:

— „Нѣтъ! Я хочу умереть здѣсь!“...

И по законам, и по обычаям израильтян, никто не мог быть умерщвлен, если он держался за рога жертвенника. Надо было ждать, когда обезсиленный от голода, осужденный на смерть, падал и выпускал эти роги.

Ванея отправился к царю и доложил ему:

— „Так сказал Иоав, и так отвѣчал мнѣ.“

Царь Соломон пожал плечами... Потом усмѣхнулся и сказал:

— „Сдѣлай, как он сказал! И умертви, и похорони его. и сними невинную кровь, пролитую Иоавом, с меня и с дома отца моего. Да обратит Господь кровь его на голову его за то, что он убил двух мужей невинных и лучших его: поразил мечем без вѣдома отца моего Давида, Авенира, сына Нирова, военачальника израильскаго, и Амессая, сына Иетерова, военачальника Иудейскаго. Да обратится кровь их на голову Иоава, и на голову потомства его на вѣки, а Давиду и потомству его, и дому его, и престолу его да будет мир на вѣки от Господа!“

Ванея в точности исполнил приказаніе царя, и, к ужасу всѣх священников, толпившихся в Скинія Завѣта, поразил мечем Иоава, презрительно улыбающагося. держась руками за рога священнаго жертвенника... *)

Послѣсловіе.

Царь Давид умер. Его физическое тѣло, дрогнувъ в послѣдній раз, осталось без движенія...

Душа, освобожденная от своей оболочки, поднялась вверх и устремилась к небесам. Сначала неясно, потом яснѣе, наконец, с полной очевидностью перед ней возстало все прошлое: тысячу лѣтъ назад она была в прекрасном тѣлѣ Цафнат-Фанеха,

*) Гл. 2, ст. 12 — 46.

полновластного диктатора Египта... Потом послѣдовала первая смерть... За ней, в теченіи безконечно долгих лѣтъ, радости и муки, которыя он дал, будучи правителем Египта, другим людям... Рожденіе вновь в семьѣ вифлеемскаго владѣльца стад, жизнь пастуха, борьба с Голиафом, жизнь при дворѣ, брак с Мелхолой, дочерью царя, бѣгство, скитанія, борьба за престол с домом прежняго царя Саула, полная побѣда, славное по своим завоеваніям царство, возстаніе сына Авессалома, бѣгство, скитанія, возвращеніе в Іерусалим, старость, смерть...

И вдруг во всей рѣзкости и ясности, точно это было вчера, в памяти возникла картина перваго загробнаго суда: Высшій Судія на престолѣ, ангелы с малым количеством добрых дѣл, и, с другой стороны, безконечная вереница демонов со злобно усмѣхающимися лицами, так как им была ясна побѣда: каждый из них был нагружен страданіями людей, страданіями, данными распоряженіями его, Цафната-Фанэха, полновластного правителя Египта...

Душу царя Давида объял ужас: неужели ему вновь придется перенести муки, которыя он лично дал другим людям, и муки, за которыя он отвѣтственен, как распорядитель? Перед его духовными глазами появилась фигура молодой дѣвушки, которую он хотѣлъ убить, добывая приданое для женитьбы на дочери царя Саула. Дѣвушка успѣла поднять вверх обѣ руки, и меч Давида ударил по этим рукам, сразу отсѣкши обѣ кисти рук. Об этой нечего было беспокоиться — очевидно она умрет от потери крови! И он побѣждал за другой дѣвушкой, раненой легко и успѣвшей уже отбѣжать на пятьсот шагов. Когда он ее догнал, у той что-то случилось с сердцем: она хваталась за него, пробѣгала пять шагов, схваталась за сердце и падала вновь... Около ея губ выступила кровавая пѣна. Она то открывала рот, то закрывала его опять, смотря обезумѣвшими от ужаса глазами на своего убійцу... Истощенный бѣгом преслѣдованія, он неудачно ударил ее в первый раз...

Когда прошло это видѣніе, встало новое: он и его воины вѣзжают в село Филлистимлян. Отдано строгое приказаніе перебить все живое. И это приказаніе исполняется в точности... Тут уж не одна дѣвушка, как тогда в пустынѣ, но сотни их... Крик, ужасный крик и стон стоит над селом. Все мечется

в предсмертном ужасѣ, ища спасенія. Но спасенія нѣтъ: как демоны зла, вездѣ стоят люди Давида, нанося свои удары, не глядя куда... Кругом люди с проткнутою копьем грудью, с вываливающимися внутренностями, с отсѣченными руками... Мало по малу ужасный крикъ отчаянія замирает, смѣняется хрипом умирающих и предсмертными тихими стонами... Дѣло кончено. Начальник геройской конницы Давид и его лихіе воины ѣдут в ноую филистимскую деревню...

Новая картина: он, во главѣ своего отряда, вѣзжает в Маханаим, столицу Израиля. Все населеніе города, махая пальмовыми вѣтвями, встрѣчает его. Молодые дѣвушки, с радостными и сіяющими лицами, поют „его“ гимн: Саул побѣдил тысячи, а Давид десятки тысяч!... Мужчины, женщины, дѣти в густой, полной движенія пестрой толпѣ... Сам царь Саул, высокій, красивый старик, выходит на встрѣчу побѣдителю Филистимлян. принужденных заключить позорный для них мир!...

Все новыя, новыя и новыя картины проходят перед духовными глазами Давида.

Послѣдняя из них: он, умирающій старик, вспоминает о том, как Іоав осмѣлился не исполнить приказаній его: царя Давида: „Поступи по мудрости твоей, чтобы не отпустить его сѣдины мирно в преисподнюю“ приказывает он своему наслѣднику Соломону...

„Но неужели же мнѣ придется отвѣчать даже за то, что случилось уже послѣ моей смерти?“ — Душу царя Давида проникает ужас ожиданія...

На престолѣ Высшій Судія. По одну сторону вѣсов ангелы, держащіе добрыя дѣла царя Давида. По другую демоны, возглавляемые Сатаной.

Высшій Судія дает знак, и суд начинается. Ангелы подходят и осторожно кладут свою ношу на чашу Добра. Их много, этих ангелов. Очень много. Любовь к матери и отцу, забота о стадах, жизнь с Мелхолой, заботы о порядкѣ и безопасности каждаго жителя государства, введеніе справедливаго суда, доступность царя к жалобам народа. желаніе быть щепе-

тильно справедливым, когда приходилось судить самому, смирение во время бѣгства при возстаніи сына Авессалома, любовь к дѣтям, восторг во время игры и в моменты поэтического творчества — все это приносилось ангелами и складывалось на чашу Добра. Чаша зла и страданія, пока пустая, стояла высоко.

Послѣдній из ангелов положил свою ношу на чашу Добра и встал в ряды других ангелов.

Душа царя Давида с удивленіем и гордостью смотрѣла на результаты долгой жизни: неужели он сдѣлал людям столько добра? Он, один человек? Но, вѣдь, такого количества добра хватило бы и на тысячу людей, чтобы заслужить вѣчное блаженство! И, наконец, это не все! Забыли главное: его победы! Вѣдь он прославил имя Израиля на весь мір! Он расширил предѣлы государства от великой рѣки Ефрата и до границ Египта! От Великаго моря и до пустыни! Если на чашу Добра положить еще вѣс этих побѣд, то то ничтожное количество зла, которое он сдѣлал в жизни, потонет в морѣ добра!

Высшій Судія дал знак, и демоны приблизились со своей ношей к чашѣ зла и страданія. Душа царя Давида с изумленіем смотрѣла на страданія волков, которых он, охраняя стада, ударял почти смертельно, но не добивал, и которых потом заживо ѣли черви и клевали птицы. Страданія дѣвушки с отсѣченными руками и страданіями той, которая в предсмертном ужасѣ хваталась за сердце, были так велики и так тяжелы, что чаша Зла и страданій всколыхнулась и колыхнула чашу Добра. Страданіе каждого отдѣльнаго мужчины, каждой отдѣльной женщины, каждого отдѣльнаго ребенка в селах филистимлян, амаликитян, аммонитян и других инородцев, во время избиеній в этих селах, — каждое страданіе отдѣльно клалось на чашу Зла, и колебало эту чашу. Тогда возмущенная душа царя Давида крикнула:

— Но если так, то нельзя и воевать!

Лицо Высшаго Судіи при этом восклицаніи осталось безстрастным, как прежде, но начальник ангелов строго взглянул на царя Давида.

Тяжело нагруженная чаша Добра давно уже стояла высоко

вверху, а безконечный ряд демонов, со злобной усмѣшкой, продолжал складывать на свою чашу страданія людей и животных: страданія десятков тысяч лошадей, которым, по приказанію царя Давида, были подрѣзаны жилы (2 книга Царств (Самуила), гл. 8, ст. 4), и которыя потом медленно умирали в пустынѣ, язвимыя в их раны мухами, исклеванныя птицами и пожираемыя червями и дикими звѣрями, — эти страданія рѣзко колыхнули обѣ чашки вѣсов... Последними были положены на чашу Зла и страданій предсмертныя слова царя Давида: завѣщаніе сыну Соломону непремѣнно обогреть кровью сѣдины потомка царя Саула Семея, которому царь Давид поклялся, что не тронет его, и самого вѣрнаго, самого преданнаго из слуг Давидовых — полководца Иова.

Послѣ этого демоны отошли в сторону, и Сатана, считая душу царя Давида своей несомнѣнной добычей, выступил вперед.

Лицо высшаго Судіа было сурово и непроницаемо, но он молчал.

Несмотря на огромное количество добрых дѣл, чаша Добра стояла высоко в воздухѣ, а чаша Зла и страданій, причиненных царем Давидом людям и животным, тяжело внизу.

— Говори! — приказал Высшій Судіа Сатанѣ.

И Сатана начал:

— Не могу понять твоего колебанія, Творец міра! Добро и зло этого человѣка взвѣшено, чашка Добра высоко вверху, и чаша Зла уже не может опуститься ниже. Уже в прошлый раз ты помиловал его, вияв просьбѣ Тэгги, Амечи и других. Как видишь, дѣло не измѣнилось, и Цафнат-Фанэх в своей новой жизни остался тѣм же жестоким человѣком, каким был во время своей первой жизни. Лишь страданіе может измѣнить его, разрѣши, поэтому, назначить мнѣ ему новую жизнь?

Видя, что Высшій Судіа молчит, Сатана продолжал:

— Пусть он родится от грабителя-алкоголика и шьяницы-воровки. Пусть будет красив и тѣлом, и лицом. Пусть при этом будет обладать острым и обширным умом и огромной памятью. Пусть у него будет необыкновенная физическая сила. Пусть в жизни никогда у него не будет удачи. Пусть проказа покроет язвами его тѣло, оставив руки и лицо чистыми и не-

тронутыми. Пусть ужасная зависть гложет и мучит его. Пусть в тридцать лѣтъ от роду он сломит себѣ спину и, разбитый параличем, но могущій с помощью костылей, испытывая ужасную боль во всѣх суставах, передвигаться, вѣчно голодный, озлобленный на весь міръ, сохраняющій при этом весь свой обширный ум и ясную память, доживет до очень глубокой старости и умрет на пожарѣ через нѣсколько дней послѣ того, как у него на этом пожарѣ обуглятся до колѣн обѣ ноги. — Я кончил.

Великій Судія повернулся к царю Давиду:

— Что ты можешь сказать в свое оправданіе?

Давид был ошеломлен, поражен, уничтожен. Он смотрѣлъ на Сатану, слушал его рѣчь и как будто даже не понимал, что все это относится к нему. Послѣ слов Высшаго Судьи он вздрогнул и выпрямился. Его лицо начало пылать огнем внутренняго жара, которым он часто горѣлъ и во время своей земной жизни. Он заговорил:

— Боже! Ты велик и всемогущ! Я тебя прославлял в моих псалмах! Но не ради этого я прошу твоей милости! Не милости ищу, но справедливости! Живя на землѣ, я развѣ знал, что то, что там считается добром, на небѣ считается злом? Когда я послѣ побѣд возвращался на родину, меня встрѣчали с пальмовыми вѣтвями в руках, плели хороводы и плескали от радости и счастья в ладони рук. И я был рад и счастлив! И вот! — я вижу, мои побѣды лежат не на чашѣ добра, но на чашѣ зла! Онѣ лежат не как побѣды, но как страданія тѣх, кого мы считали нашими врагами! Конечно, эти люди страдали, но развѣ они израильтяне? Не убей я Голиафа, Голиаф бы убил меня, не перебей я неожиданно сотни и тысячи филистимлян, и не наведи этим на них ужас, филистимляне бы пришли в нашу страну и перебили бы сотни и тысячи наших дѣвушек, женщин и дѣтей! Зачѣм же ты, Всемогущій, не открываешь на землѣ истинную справедливость? Я подчинюсь твоему рѣшенію, но это будет лишь подчиненіе силѣ! Во всей моей жизни я искал справедливости, но я не знал, что к филистимлянину надо относиться так же, как к израильтянину! Я этого не знал, и никто из моего народа не знал! Еще будучи Цафат-Фанэхом, правителем Египта, развѣ я не дѣлал моему отцу и моим братьям только хорошее? Но на чашѣ небесных

вѣсов это хорошее оказалось во много раз легче, чѣм то, что я сдѣлал иноплеменику Амени, его семьѣ и дочери его Тэггѣ! Скажи, какой израильтянин знает, что для тебя ровным филистимлянин, амаликитянин, египтянин или израильтянин? Но если так, то почему ты об этом не сказал? Да, я подчинюсь твоему рѣшенію, как я уже терпѣл тысящелѣтнія муки послѣ смерти Цафнат-Фанѣха, но еще раз говорю: я дѣлал то, что считал лучшим! И осуждаю себя только за зло, причиненное Ури, мужу Вирсави, и за мое кровавое завѣщаніе против Семея и против Іоава! — Я кончил! Суди меня, Высшій и справедливый из Судей!

Сатана быстро выдвинулся вперед:

— Ты слышал, Великій Боже? — Он богохульствовал! Богохульствовал перед твоим престолом! Разрѣши мнѣ дать ему цѣлый ряд жизней на землѣ, полных страданій! Разрѣши...

Но Высшій Судія сдѣлал знак рукой и сказал свое рѣшеніе:

— Пусть пройдет еще тысяча лѣт. Пусть, согласно законам природы, он переживет за это время всѣ радости и страданія, данныя им во время послѣдней земной жизни тому, что живет, наслаждается и страдает.

И пусть он родится через тысячу лѣт, как предтеча Христа, Спасителя міра.

К о н е ц.

Послѣдним томом цикла „Кармы“ будет роман „Іоанн Креститель“.

Того-же автора:

ПРОБЛЕМА ДѢВСТВЕННОСТИ. Роман. 2-е издание.

КАРМА. Цафнат Фанэх. Роман. (В печати.)

Царь Саул. Роман.

Царь Давид. Роман.

Іоанн Креститель. Роман. (В печати.)

ИСТОРИЯ СТРАННОЙ ЛЮБВИ. Роман.